

СИКЛОН

КОНАН
И ЗАГОВОР
ТЕНЕЙ

Северо-Запад

Annotation

...Возлюбленная Конана, деви Жасмина, отправляет киммерийца в джунгли Вендии, в полное опасностей путешествие за легендарным Золотым Орехом...

● ● ● ○

**Андре Олдмен
Заговор Теней**

Пролог

Выдержки из трактата «Образ мира, или Описание стран, земель и народов, выполненное доном Сантидио Эсанди во время его путешествий, равно как и сведения, почерпнутые в древних летописях и современных трудах иных авторов» (Раздел XXVI. Вендия).

«...Сей обширный край является собой южную оконечность Гирканского материка в срединной его части, на восход от земель Зембабве через Вендийское море. Со стороны северных ветров он окружен огромным горным хребтом Гимелии, где леса столь высоки, что, как утверждают некоторые, достигают вершинами неба. Вендия вдается в Южный океан полуостровом, рассеченным посредине с запада глубоким заливом, именуемым Боденским. По сухопутью сия земля граничит на закат с Иранистаном, а на восход — с Уттаром. Знатнейшие города ее: на севере — Пешкаури и Раджапура, на побережье

— Бодей, Марата и Уттакальта, в глубинной части, Айодхья, Пушкира, Наладна, Варата, именуемая также Город Слона.

Хотя Вендия и считается единой державой, подобно странам Запада, таким как Аквилония, Зингара или Аргос, сие не совсем верно. Айодхью часто полагают столицей Вендии, но, хотя тамошний государь именуется Мехараджубом, что значит Верховный правитель (государыня же, буде таковая окажется на престоле, именуется Деви), многие князья, сидящие в своих вотчинах, не есть вассалы Мехараджуба, а часто полагают себя независимыми властителями, хотя иные и платят дань Айодхы. Их именуют раджубами, что значит „король“. Раджубы стоят во главе своих племен, забравших гордыню именоваться народами, и некоторые велят своим подданным величать себя Мехараджубом, оспаривая первенство у королей Айодхы,

Нет города или земли в Вендии, которые именовались бы одинаково на разных языках народов, ее населяющих, и если из Бодея вы поплынете в Уттакальту, то с изумлением прознаете, прибыв в сей порт, что тамошние жители называют его Пурушоттамакшетра, Водей же они зовут не иначе, как Сурпрака.

Помимо многочисленных княжеств есть в Вендии вольные портовые города Бодей и Марата, живущие своими законами.

Земли Вендии, в которых обитает множество народов, различных как языкам, так и внешним видом, не знают времен года. Исключительно по тени можно решить, зима там или лето: летом тень падает на юг, а зимой на север. Одну половину года идут там почти беспрерывные дожди, другую же царит жара, так что джунгли окутываются паром, подобным дыму пожарищ. Деревья там не сбрасывают листву и растут густо промеж болот и по берегам рек.

<...>

Что касаемо писаных законов, они разнятся во многих княжествах, и всякий раджуб или наместник-наиб полагает своим долгом обременять подданных многочисленными установлениями, зачастую нелепыми и, на взгляд человека Запада, трудноисполнимыми. Сии капитулярии зиждутся на обычаях вековой давности, хранимых жрецами и исполняемых народом с покорностью и тщанием.

Во многих землях Вендии сохранился древний обычай разделять людей на касты, к коим относятся брахманы — вендийские жрецы, кшатрии — воины и аристократы, вайши — земледельцы и торговцы и шудры — бесправное сословие, обязанное обслуживать остальных. Среди последних есть несчастные, именуемые анупрами, одно прикосновение к коим считается тягчайшим преступлением.

Браки в Вендии совершаются по большей части моногамные, но некоторые раджубы берут себе по три и больше жен, число же наложниц не ограничивается никакими законами. Как сказывают, в некоторых местах сохранился изуверский обычай сжигать жен заживо вместе с мужьями после кончины оных.

Об богах вендийские жрецы говорят темно и путанно, а их священные книги — шаstry — полны неясностей и двусмысленностей. Верховным богом вендийцы почитают Инду, обитающего на золотой горе в центре Вселенной. Известно, что Всеблагой Митра, кого почитают в цивилизованных странах Запада, именуется в разных землях по-разному, и

обитатели ашрамов подтверждали нам, что Индра — суть Податель Жизни. Однако в иных местах слышали мы, будто бы Митра всего лишь один из множества богов в свите Индры. Сие, несомненно, говорит о ложности учения, как и утверждение некоторых сутр о верховенстве в Небесных Чертогах некоего Нараяны, сущность коего затуманена иносказаниями и неудобочитаемыми притчами.

Из злобных богов отметим Хали, Богиню Смерти, и Великого Нага, тождественного, по нашему разумению, Сету, Змею Вечной Ночи.

<...>

Издавна путешественники трактуют о многочисленных чудесах и диковинах Вендии. Однако следует различать беспочвенные вымыслы и достоверные факты, подтверждаемые непосредственными наблюдениями. На невольничем рынке Уттакальты нам довелось видеть людей с головами, подобными собачьим, — их отлавливают в джунглях Внутренней Вендии и используют в качестве сторожей и охранников. В одном из ашрамов Пушкары показывают гаруду — птицу с головой женщины. Сия тварь невелика размером и вид имеет несчастный. Карлики-якиши с вывернутыми назад ступнями и выпученными глазами, смотрящими в разные стороны, встречаются на рынках, где покупают наконечники для стрел и лезвия к своим ножам, что же до слухов о том, будто бы якиши стерегут в лесах клады и пожирают молодых женщин, то это, скорее всего, досужие вымыслы.

К последним можно смело отнести также басни о людях, насыщающихся одним лишь запахом пищи, о безголовых созданиях, у которых глаза будто бы находятся в желудке, и существах, спасающихся от солнечного жара в тени огромной ступни своей единственной конечности.

Среди рассказов, не нашедших достоверного подтверждения, отметим слухи о грифонах — чудовищных птицах с орлиным клювом и телом льва, обитающих будто бы на вершинах Гимелии, а также легенды о кальпаврике — пожелайдереве, способном выполнить любую прихоть сорвавшего с него Золотой Плод...

Писано в год осьмой Регентства
на борту судна „Счастливая вдова“
по пути, из Уттакальты в Водей»

ГЛАВА 1. Гrot. Напиток Сомы

C

иневатая чернь небесного купола была усеяна серебряными блестками спокойно горящих звезд. Сокрушитель Препятствий еще почивал в своей млечной постели, чтобы с первым лучом пуститься в ежеутренний пляс и смести хоботом с хрустальной тверди ночные светила, давая путь сияющей колеснице Индры.

В густых темных ветвях таились обезьяны — спали. Лишь мохнатые стражи

четверорукого племени бодрствовали, готовые криками предупредить сотоварищей об опасности. Их блестящие в лунном свете глаза внимательно следили за тремя всадниками, поднимавшимися шагом вдоль кромки обрыва, под которым лазурной лентой поблескивали воды реки.

Первым ехал крепкий мужчина в островерхом шлеме, с колчаном, обтянутым шкурой пантеры, у правого бедра и маленьkim луком и кривой саблей — у левого. Из-под длиннopolой одежды виднелись красные сапоги с загнутыми носами, крепко вставленные в серебряные стремена. В левой руке воин сжимал копье, укращенное кисточкой из конских волос возле наконечника.

За ним следовала всадница — юная девушка, одетая в щитое золотом сари, с легкой накидкой поверх волнистых черных волос. Отряд замыкал вельможа в богатом платье, чалме из радужной ткани, заколотой зеленою брошью, вооруженный ятаганом в ножнах из змеиной кожи. К его широкому алуому кушаку прикреплена была небольшая коробочка резной слоновой кости.

Ехали молча. Великолепные вендиjsкие кони с длинными шеями и маленькими головами чутко поводили ушами, осторожно ступая по каменистой тропинке. Тонко позванивали сбруи да похрустывал щебень под копытами. За сплошной стеной джунглей, тянувшихся по правую руку от всадников, царила тишина — ни крика птицы, ни шороха зверя. Обезьяны стражи следили безмолвно, словно знали, что люди в сей предрассветный час пришли в эти места не для охоты.

Тропинка свернула от обрыва и повела вправо. Теперь по обе стороны всадников обступал лес. Полусгнившие стволы местами лежали поперек тропинки, а лианы перекидывались над головами, словно веревочные мосты над ущельем. Жесткая трава росла среди мелких камней, по всему было видно, что этот путь совсем не торный и пользуются им редко.

Чем дальше, тем плотнее смыкались кроны деревьев, и вскоре всадники оказались в живом тоннеле, где царил полумрак, наполненный душными испарениями южного леса. Воин, ехавший впереди, засветил фонарь, его желтый свет заплясал на стволах и кустах, не в силах пробиться далее пяти шагов. Кони теперь шли бок о бок, благо тропа расширилась.

Но вот впереди сквозь черноту пробились неясные отблески, слившиеся вскоре в сияющую радугу — словно самоцветная арка ждала путников в конце тоннеля. Под нею вспыхнула белая горошина, разливающая свет по всей дуге, взбухла и превратилась в яркий огонь, пылающий посреди небольшого грота.

Всадники выехали на поляну и остановились, изумленные этим зрелищем.

Костер пылал, пожирая сухие сучья, но его пламя было не желтым, а ослепительно-белым, к потолку грота взлетали снопы сверкающих искр, разбиваясь с сухим треском о каменные своды. Над костром на медной треноге висел котел, а возле него, подняв руки, стояла седоволосая женщина.

Воин наклонил копье и положил правую ладонь на изукрашенный самоцветами эфес сабли. Человек в богатой одежде выехал вперед и молча застыл, ожидая, пока хозяйка поляны к нему обернется. Но та заговорила, стоя спиной к всадникам, словно не в силах оторвать взгляда от булькающего содержимого своего котла.

— Приветствуя тебя, тысячиник Кашьяна, да будут остры твои стрелы и победоносны воины, и тебя приветствуя, луноликая Астрель, да не усохнет твоя кожа и будут блестеть губы, пока то угодно милостивой Лакшми, и тебя, вазам Вегаван...

— Обернись к нам лицом, Вичитравирья! — грозно приказал тысячник. — Как смеешь ты, дикая женщина, вести речи, не глядя на посланцев раджуба Гадхары?! Преклони колени...

— Я буду говорить! — властно прервал Кашьяну тот, кого назвали вазамом. — Здесь владения Вичитравирьи, а мы ее гости. Если жрице Сомы угодно не обращать к нам лица, на то, видно, есть свои причины. Скажи, женщина, принес ли якша Тримрапарттирапутаха... О Индра всемилостивый, никогда не научусь выговаривать их имена! Воистину, чем мельче создание, тем более пышным титулом он себя наделяет... Короче, принес ли тебе карлик мое послание? Готова ли ты выполнить мое желание?

— Тримрапарттирапутахасуптантрапеша принес послание, вазам, и я готова исполнить твое желание в эту ночь, когда Сома являет с небес свой полный лик.

Голос жрицы был скрипучим, как половицы старого сельского дома.

— Какую плату ожидаешь ты от меня? — спросил вельможа.

— Я приду за наградой, если мое зелье поможет тебе осуществить задуманное, о мудрейший. Тогда ты не откажешь подарить мне то, что я у тебя попрошу.

Вазам нервно дернулся головой и через силу рассмеялся.

— Ну нет, лукавая женщина! Ты забыла, что по долгу службы я читаю множество шастр, а посему знаю историю о чародее, поставившем своему заказчику подобное условие. Он явился во дворец и потребовал отдать ему в уплату сына, рожденного в отсутствие того человека. Что если ты собираешься выкинуть нечто подобное?

Вичитравирья обернулась. Ее лицо под шапкой седых волос было желтым и сморщенным, словно сущеная груша, и только глаза, огромные и бездонные, как два лесных озера, жили на этом лице, заставляя забыть о немощи и уродстве старости. Жрица пристально глянула на вазама, и тот невольно натянул повод, боясь, что конь испугается лесной обитательницы и шарахнется в сторону.

— У тебя нет жены, Вегаван, и не может быть сына. Во всяком случае, пока. Что же касается лукавых проделок... Ведь тебя прислал не раджуб Гадхары, ты пришел по своей воле, с темной мыслью и нахмуренным членом...

Астрель при этих словах тоненько вскрикнула, а Кашьяна что-то угрожающе пробормотал и двинул коня вперед, целя в хозяйству грота наконечником копья. Конь хрипел и норовил пойти в сторону, но тысячник вел его твердой рукой и осадил, когда острие коснулось морщинистой шеи женщины. Та даже не пошевелилась.

— Твой воин усерден, вазам, — сказала она, — но не слишком умен. Что толку убить старуху? И затем ли проделали вы столь долгий путь? Я не собираюсь предавать тебя, первый советник, и в доказательство покажу то, что ведомо пока лишь мне одной. Подойди.

Вегаван, недолго поразмыслив, спешился и, приказав тысячнику вернуться к Астрель, приблизился к котлу.

Зеленоватая поверхность варева кипели частыми пузырями. Пахло травами, болотной тиной, жасмином, змеиным ядом, молодой женщиной, козьим молоком, подгоревшим мясом и еще чем-то приторно-сладким — это необычное сочетание запахов дурманило голову почище крепкого вина. Вичитравирья сняла с шеи висевший на волосяном шнурке предмет, похожий на большой желтый зуб, и бросила его в котел. Жидкость вздулась огромным пузырем, который застыл, словно превратившись в зеленое стекло, и в его мутных глубинах заворачались неясные тени.

Постепенно внутри пузыря родился розовый свет, а потом, словно видимая сквозь

стенку бутылки, предстала картина: каменистая площадка, посреди которой росла одинокая пальма. На опушке близкого леса темнело какое-то строение, а возле дерева стоял высокий темноволосый человек в одежде чужеземца.

— Ты знаешь это место? — спросила жрица негромко.

— Да, — отвечал вазам, напряженно взглядываясь в изображение, — но кто этот человек? По платью я бы счел его афгулом, внешностью же он больше похож на северянина... А где же Страж?

— Догадываешься, зачем пришел млечх? — снова спросила Вичитравирья.

— Неужели... — голос Вегавана дрогнул. — Тогда ему не уйти из сада Нандана.

— Сад Нандана — на Золотой Горе, — задумчиво проговорила жрица, — здесь же лишь семя, упавшее на землю и взошедшее бледной тенью волшебных растений Индры. А посему, я смогу помочь млечху. Конечно, если мой план сработает. Тогда он явится в Город Слона и принесет туда то, зачем пришел. Ты заберешь у него плод (как — твое дело) и отдашь мне в уплату за то, что я помогу осуществиться твоим планам, до которых, поверь, мне вовсе нет дела.

— Я хочу говорить с Астрель, — твердо сказал вельможа.

— Воля вазама советоваться с кем угодно, даже с женщиной. Пусть подойдет.

Астрель долго взглядалась в застывшую под выгнутой поверхностью пузыря картину, слушая тихий шепот Вегавана. Потом обратилась к жрице:

— Значит, ты можешь нарушить заклятие кальпаврикиши?

— Его может нарушить лишь тот, кто не знает законов варны и не ведает, что, совершая наихудшее преступление, обретает свободу.

Ответ хозяйки грота прозвучал туманно, а дальнейших разъяснений не последовало.

Мужчина и девушка отошли в сторону и коротко посовещались. Вскоре вазам снова приблизился к костру и торжественно объявил:

— Мы согласны на твое условие, жрица Бога Луны! Наполни же тем, что требуется, эти сосуды, и да благословит Митра, покровитель честных сделок, наш союз.

С этими словами он достал из резной коробочки на поясе две склянки и протянул их Вичитравирье. Та приняла их и поставила на плоский камень рядом с костром.

— Я дам тебе, что просишь, вазам, — сказала жрица, — но дам не сразу. Сначала получишь яд, а когда выполнишь обещание, обретешь противоядие. Так надежнее.

— Но, — начал было вельможа, стараясь подавить гнев, — свидетельство Митры...

— Кончено! — Вичитравирья нетерпеливо махнула рукой. — Либо быть по моему, либо ты ничего не получишь.

Вегаван потянулся было к рукояти ятагана, но Астрель дернула его за рукав и быстро произнесла:

— Мы согласны.

Впервые сухие губы старухи растянулись в слабом подобии улыбки. Она пристально уставилась на девушку огромными блестящими глазами и проскрипела:

— Ты мудра, о снежная серна Гадхары, столь же мудра, сколь и прекрасна. А посему не откажешь мне в маленьком одолжении: видишь ли, персикогубая, для полного действия напитку Сомы нужна кровь — кровь девственницы...

На сей раз Вегаван обнажил свое оружие — глаза его побелели от ярости, рот искривила страшная гримаса... Завидев действия своего господина, тысячник Кашьяна пришпорил коня и пустил его к гроту. Он был уже в пяти шагах, когда жрица выставила перед собой сухую

ладошку, конь заржал и встал на дыбы, потом подкинул кroupом — наездник, не ожидавший ничего подобного, не удержался в седле и рухнул на землю. Он тут же вскочил, выхватывая саблю, бросился вперед... И снова упал.

— Прикажи своему воину не делать глупостей, — властно произнесла Вичитравирья, — он, вижу я, забыл, с кем имеет дело...

Вазам вложил ятаган в ножны, чувствуя, что все равно не сможет пустить в ход оружие: неодолимая сила налила руку свинцовой тяжестью, как только он попытался замахнуться клинком на жрицу Сомы. Но отдавать Астрель чародейке он вовсе не собирался...

— Мне не нужна ее жизнь, — старуха рассмеялась безжизненным каркающим смехом, — ты не так меня понял, мудрейший. Капля, одна маленькая капля чистой девичьей крови, и зелье обретет желанную силу... Не так ли из чистого сияния небес нежданным является во всей своей ужасной мощи неумолимая Хали?!

Она выкрикнула последние слова, заставив вздрогнуть девушку, а мужчин — побледнеть.

Никто из простых смертных не смел произносить имя грозной Повелительницы Зла, на то способна была лишь жрица холодного Сомы: Бог Луны ограждал свою служительницу серебряным щитом, надежной защитой от любых посягательств.

Преодолевая страх, Астрель шагнула вперед и протянула над котлом обнаженную руку. В ладони жрицы оказался маленький нож: его костяное лезвие сплеталось из резных удивительных цветов и фигурок животных, а на острие поблескивал, словно капля крови, алый камешек. Вичитравирья уколола тонкое запястье девушки — словно родившись из камня, тонкая струйка побежала по точеным пальцам Астрель и сорвалась сверкнувшим шариком вниз. Вздувшаяся, застывшая поверхность варева лопнула, картина в ее глубинах померкла. Зелье вскипело множеством искрящихся пузырьков и успокоилось, хотя костер под котлом продолжал пылать жарким белым пламенем.

Хозяйка грота взяла одну из склянок, опустила ее в котел и наполнила потерявшей цвет и запах жидкостью.

— Прими, что желал, о вазам, — произнесла она торжественно, протягивая пузырек Вегавану, — и да свершится задуманное тобой по воле Асур и Катара!

Вельможа молча принял склянку, уместил ее в резном ящичке у себя на поясе, после чего слегка поклонился жрице и, пропустив вперед девушку, направился к оставленным коням.

Вскоре три всадника скрылись под темным пологом леса, унося с собой Напиток Сомы: такое же бледное подобие смерти, как сам Бог Луны — лишь слабое отражение лучезарного Индры в ночном небе...

ГЛАВА 2. Кальпаврикша. Лиановое вино

то и есть пожелайдерево?! В голосе черноволосого человека в афгульской одежде звучало нескрываемое разочарование. Он стоял на краю каменистой котловины, похожей на супницу великана. Посредине, шагах в ста от него, росла одинокая пальма с кривым волосатым стволом и желтоватыми листьями. Листья клонились к земле, бросая скучную тень, в них отчетливо виднелись овальные отверстия — результат пиршства каких-то насекомых. Пыль, зной и тишина.

Никто не ответил на вопрос пришельца, никто не явился из темноты низкого дома, стоявшего поодаль. Только какая-то птица, широко распластав крылья, кружила над пологими склонами котловины, разглядывая человека зелеными бусинами немигающих глаз.

Черноволосый усмехнулся, извлек из колчана стрелу и, держа лук наготове, двинулся к дереву. Краем глаза он следил за птицей, готовый отразить нападение с воздуха, если та окажется хранителем этих мест.

Он шел осторожно и чутко, мелкий щебень едва похрустывал под каблуками его потертых сапог.

Но птица все так же описывала круги и не собиралась снижаться. Нергал ее разберет, может быть, сей летун и не имел никакого отношения ни к дереву, ни к заповедной супнице... Вблизи пальма имела вид еще более жалкий. Ствол ее местами подгнил, лоснящиеся черные муравьи деловито сновали вверх-вниз, занятые своими важными делами, бурые, отвратительного вида нарости виднелись среди жесткой щетины дерева, а в нескольких местах проглядывали глубокие, полузаросшие уже надрезы, в которых что-то тускло поблескивало. Человек провел пальцем по одному из них и с удивлением понял, что в теле дерева сидит кусок металла, еще хранящий крепость и остроту хорошо отточенного лезвия.

Потом он увидел то, ради чего явился сюда — небольшой, величиной с кулак ребенка плод, покрытый золотистой кожурой. Плод висел возле самых листьев, от земли до него было локтей двадцать, и черноволосый оглянулся вокруг, отыскивая палку, которой можно было бы воспользоваться.

Тут и раздался голос, заставивший пришельца вскинуть лук и направить наконечник стрелы в ту сторону, откуда донеслись слова. Говорили по-вендийски, но с сильным акцентом:

— Остановись, несчастный, да падет гнев Богини Смерти на твою голову! Не смей прикасаться к тому, что принадлежит лишь богам и достойным, не оскверняй дар священный своими грязными лапами! Если же дерзнец ты возжелать Золотой Плод, то придется тебе иметь дело со мной, Хранителем в броне крепкой, с мечом разящим...

— Что-то я не вижу у тебя ни брони, ни меча, — насмешливо молвил черноволосый, разглядывая говорившего поверх древка готовой к употреблению стрелы. — Или ты собираешься драться со мной своими хворостинами?

Хранитель, стоявший на краю тропинки, по которой еще недавно прошел в котловину человек в афгульской одежде, представлял собой зрелище довольно странное, если не сказать жалкое. Был он космат, низкоросл, одет в длинную посконную рубаху распояской, из-под которой выглядывали грязные босые ноги, а на плечах действительно держал здоровенную вязанку хвороста. Седые волосы, падавшие на широкие плечи, обильно украшали репьи и паутину. Единственным оружием служил ему маленький самодельный лук, висевший у пояса.

— Вот так всегда, — в сердцах буркнул Хранитель и бросил вязанку себе под ноги, — ну что я за человек такой, горе горькое, беда бедучая...

Сказано это было на тауранском — одном из диалектов аквиленского языка. Черноволосый пенял и заговорил по-аквилонски:

— Так ты с Запада, чучело? Какими ветрами занесло в Вендию?

— Гляжу, и ты не афгул, хоть и вырядился в платье этих разбойников, — отвечал

хранитель пожелай дерева. — Аквилонец?

— Киммериец, если тебе приятней видеть северного варвара, а не дикого степняка.

— О Митра, — воздел неопрятную бороду Хранитель, — видать что-то случилось с миром за те годы, что я стерегу этот трухлявый кол, если киммерийцы уже шастают по джунглям Вендии! Разве вожди ваших кланов не клялись в форте Венариум сидеть тихо среди мерзлых скал и не досаждать цивилизованным народам?

Лицо варвара потемнело, а правая рука сильнее натянула тетиву лука.

— Я не убиваю безоружных, — сказал он севшим голосом, — только в крайних случаях. Считай, что такой случай наступил.

— Постой! — Хранитель умоляюще выставил перед собой мозолистые ладони. — Ты ведь пришел за Золотым Плодом? Значит, должен биться со мной по всем правилам, иначе дело не выгорит. Я вовсе не хотел оскорбить тебя! Знаешь, когда сидишь один в глуши, так хочется поболтать со свежим человеком, а вот представился случай — и ляпнул бесактность. Всегда со мной так — одни неприятности. Ну да Нергал с ним, с Венариумом, если тебе эта тема неприятна...

Киммериец опустил лук, все еще жалея, что не может сразу прикончить косматого нахала.

— О приятности пусть пекутся аквилонцы, — проворчал он, — сдается мне, их летописцы не станут поминать бесславную кончину форта и всех его обитателей. Я там славно погулял семь лет назад и могу засвидетельствовать: знатная была резня. Что же до клятв, то, может быть, кто-нибудь из вождей, хватив лишку, и болтал нечто подобное: у каждого народа найдутся свои трусы и предатели. Мыслю, все они тоскуют по добной браге на Серых Равнинах. Хранитель закатил глазки и пошевелил волосатыми пальцами, изображая не то ужас, не то восхищение. Потом сказал, снова переходя на вендийский:

— Воистину ты достойный соискатель, о неустранимый воитель Севера! Если будет на то воля Индры, и ты меня одолеешь, Плод Желаний будет принадлежать тебе по праву, клянусь Асуром и Катаром, а также мировой черепахой и Золотой Горой!

И добавил по-таурански, опасливо поглядывая куда-то вверх:

— Прости, что застал меня в столь затрапезном виде, я, видишь ли, вынужден сам собирать топливо для очага. Позволь мне пойти в дом и облачиться, потом мы немного поболтаем и, если захочешь, скрестим оружие.

— Валяй, — кивнул варвар, — покончим с этим делом побыстрее, я намерен засветло отплыть вверх по реке.

Пока страж пальмы возился в своем жилище, киммериец извлек из заплечных ножен прямой длинный меч и осмотрел лезвие. Лезвие было доброе, слегка синеватое, обоюдоостре, отлично заточенное. Клинок сей достался варвару от одного немедийского рыцаря, имевшего неосторожность путешествовать через гирканские степи в сопровождении всего лишь полусотни слуг и вассалов. Чванливый был нобиль, прими Митра его душу, хотя и отменный рубака. Следовало бы прихватить сюда и его броню с вычервленной бычьей головой, извергающей пламя, но, во-первых, тяжелая броня — неподходящий наряд в жарких вендийских джунглях, во-вторых, за нее на рынке Айодхьи дали отличную лодку и кое-что на дорожные расходы, в-третьих, северянин привык более полагаться на свою силу и ловкость, чем на металл, прикрывающий грудь и плечи. Да и отвык он от тяжелых доспехов, гуляя по степям с вольными разбойничками...

И все же, когда Страж явился пред ним в боевом своем облачении, варвар слегка

пожалел о немедийском нагруднике: его противник подготовился к схватке всерьез, и не похоже было, что он собирается уступать свое сокровище за здорову живешь.

Длинные волосы Хранитель связал на затылке пучком, который теперь выбивался из-под островерхого шлема, покрытого зеленоватой чешуйчатой шкурой неведомого гада, с султаном шафрановых перьев и маленькими черными крыльшками по бокам. От пояса до подмышек торс его плотно охватывали толстые жгуты синей ткани; сияющие в солнечном свете оплечья плавно поднимались, оканчиваясь двумя носорожьими рогами, покрытыми красным лаком; широкий воротник с насечкой прикрывал шею; кожаный нагрудник, укрепленный при помощи широких, перекрещивающихся на спине сыроятных ремней, спереди покрыт был нашитыми золотыми пластинками с изображениями танцующих многоруких фигур вендийских божеств. Ноги и бедра воина прикрывали расшитые серебряной нитью дхоти, стянутые на поясе шелковым малиновым кушаком, обут он был в желтые постолы — высокие мягкие кожаные сапога без каблуков, похожие на мешковатые чулки.

Все это великолепие несколько портала торчавшая над воротником клочковатая борода с набившимся лесным мусором.

В руках Хранитель сжимал два кривых меча с широкими, снаженными лунообразными выемками наконечниками — сталь клинов густо украшал замысловатый орнамент. Такими мечами (правда, попроще, без украшений) рубили головы преступникам в столице Вендии Айодхье. Вооружение довершал длинный кинжал с волнообразным лезвием и булава-шестопер, притороченная к поясу.

— Трепещи! — взревел Страж столь мощно, что из бороды его веером полетели репы и сухие травинки. — Трепещи, ибо сила Индры пребывает во мне!

Он принял бешено вращать мечами, превратив клинки в подобие радужных окружий и извлекая сталью гудение комариного роя. При этом Хранитель пустился в замысловатый медленный танец, поворачиваясь на все четыре стороны света и высоко подкидывая согнутые в коленях ноги.

Киммериец наблюдал это странное зрелище молча, поводя острием своего меча вслед за танцором, готовый отразить внезапное нападение Стража. Он видел нечто подобное в Айодхье, когда толстые вендийские вельможи, желая потешить дам молодецкими забавами, устраивали потешные поединки, предваряемые сходными телодвижениями. Правда, грации им не хватало, да и оружие было деревянным.

Хранитель же, казалось, готовился изрубить своего противника в мелкие куски. Он завывал, обратив к небу заросшее до самых глаз лицо, он сплевывал под ноги зеленоватые сгустки — не иначе жевал траву амок, придающую воину неукротимость и безжалостность к врагам — он выкрикивал имена многочисленных божеств, ни одного из которых его противник никогда не слышал, он рыл мягким сапогом землю...

Киммериец уже подумывал об отложенном луке, прикидывая, что сможет, пожалуй, всадить стрелу между глаз спятившего от вендийской жары и москитов тауранца и разом покончить затянувшееся представление, когда Страж вдруг застыл с поднятым лицом, потом воткнул мечи в землю и отер со лба пот.

— Улетел, каналья, — сказал он по-аквилонски, — к своим улетел, докладывать.

Варвар следил за ним настороженно, стараясь разгадать хитрость.

Хранитель отцепил булаву и бросил на землю. Туда же последовал кинжал.

— Вот что, — сказал бородач, снимая шлем с черными крыльшками, — прежде чем ты

меня убьешь, не желаешь ли выпить и закусить олениной? Мы успеем поболтать, пока вернутся птички...

Киммериец не отвечал и не опускал меч.

— Правильно, — печально молвил Хранитель, — глупо на слово верить... А только сам посуди: какой резон мне лукавить? Ну, отравлю я тебя своим вином или еще что, так мне за то кишки вырвут и на пальму эту сушувдьев повесят. Все, понимаешь, должно свершаться по обычаю. Соискателя следует прикончить в честном поединке или самому пасть. Про кишки я, конечно, для красного словца, но, если что не так, Садов Индры не видать мне, как своих ушей. Эти скоро здесь будут, тогда и сразимся.

— Кто «эти»? — нарушил молчание киммериец, отбрасывая меч: гордость не позволяла ему противостоять безоружному с обнаженным клинком в руках.

— Птички, — пояснил бородач. — Их глазами жрецы богини Хали взирают с небес на дела земные. Если что не так, карают, А карать они умеют, уж поверь старому неудачнику...

— Положим, я тебе верю, да только чудно: не слышал, чтобы враги прежде смертельной драки потчевали друг друга олениной.

— А, — махнул рукой Хранитель, — встретил я тебя как должно, поплясал, мечами помахал... Соглядатай крылатый довolen остался, а речей хайборийских жрецы здешние, мыслю, не разбирают. Пока они сюда слетятся, мы с тобой можем поболтать запросто. Что-то глянулся ты мне, киммериец, посему поведаю тебе нечто занимательное, а там уж твоё дело решать: биться ли нам, рвать ли золотой орех или так оставить. Я-то ладно, другого дурака подождать могу, дольше ждал, а твоё дело молодое, чего зря пропадать. Осталась же у меня баронская честь, в самом деле!

— Так ты барон? — недоверчиво хмыкнул варвар.

— Рогар Безголовый, младший сын Гайварда Толстого, чья усадьба и поныне стоит, надеюсь, в Урочище Гнилого Дуба, что в провинции Таурен, в трех днях на закат от Танасула, — церемонно поклонился лесной затворник. — Слыхал, небось, о моем папаше?

— Нет, — сказал северянин.

— А зря, — обиделся тауранец. — Достойный был человек, хоть и не дал мне ни гроша. А тебя как величают?

— Зови меня Конан-варвар.

Рогар Безголовый снова закатил глазки, поцокал языком и сказал:

— Не тот ли ты вождь афгулов, который спас Деви Жазмину, повелительницу Вендии, из лап Черных Колдунов?

— Я спас, — сказал киммериец без ложной скромности, — что, птичка напела?

— Недорослик один наболтал, — сказал Рогар, — они повсюду шатаются, недрроелики эти, все знают. Только у меня и развлечений, что якшай лупоглазых послушать. Ладно, пойдем закусим, я олениху утром подстрелил, а винцо у меня из сока красной лианы, не хуже пуантенского будет.

Прикинув, что Хранитель и вправду не станет рисковать Садами Индры, куда по местным поверьям отлетали души достойных, киммериец решил принять приглашение. Что может быть лучше доброго куска оленины и кувшина вина перед схваткой? Признаться, от соленого черепашьего мяса, которым он запасся в столице, уже першило в горле, а пальмовое вино вышло еще вчера. Истинный киммериец не откажется от угощения, даже если его предлагает приспешник Нергала! Если, конечно, угощающий первым отведает питье и кушанье.

Об этом Конан и сказал младшему сыну тауранского барона, когда они уселись на кое-как сшитых кожаных подушках в лачуге Хранителя за плоским камнем, служившим столом.

Рогар с усмешкой отхлебнул прямо из мехов, оторвал зубами изрядный кусок оленевой ножки и протянул вино и мясо своему гостю.

— Я мог бы пустить тебе стрелу в спину, когда ты разглядывал золотой орех, — значительно молвил он, освобождаясь от громоздких наплечников с крашенными рогами. — Куда как проще, и выпивкой делиться не пришлось бы.

— Спина у меня широкая, — кивнул варвар, отхлебывая из мехов. Вино было хуже пуантенского, но гораздо крепче. — Однако и в нее попасть надо. А из твоего лука только голубей дурных стрелять. Сам делал?

— Все этими вот руками, — показал барон свои заскорузлые ладони, предварительно отерев олений жир ошелковые дхоти, — и самострел смастерить, и дичь подстрелить, и дрова собрать, и воду из реки натаскать. О великий Асур и семь дочерей небесных, видно, недаром прозвали меня Безголовым: сидел бы сейчас в родительской усадьбе, хоть и на вторых ролях, а все в тепле да холе!

— Так чего понесло тебя за тридевять земель? — поинтересовался киммериец.

— Чего-чего... Сам знаешь, кто есть младший сын баронский: наследство — старшему, а остальные братья — гуляй, где хочешь. Я и пошел искать счастья. Наемником был, по морю Вилайет плавал, потом в Бодей меня занесло. Там и просыпал о кальпаврике, пожелай дереве по-нашему. Тут Бел меня попутал: ну, думаю, раздобуду золотой орех, проглючу и нажелаю себе такого... Замок, например, нажелаю или особняк в Тарантии. Или непобедимости, чтобы стать маршалом. А еще того лучше — сокровищ несметных, тогда и замок, и дом, и жезл маршальский купить можно. Сказано — сделано, прикупил на последние деньжата амуниции и отправился в джунгли.

Не стану утомлять тебя рассказами о своих приключениях, да и самому вспоминать не охота. Шлялся я по лесам изрядно, чего только не навидался, с какими тварями биться не доводилось... Только набрел как-то на пещеру посреди непроходимых зарослей, а в пещере той повстречал некую ведьму: сама старая, высохшая вся, а глаза молодые и черные. Что, спрашивает, ишешь, млеччх? Это здесь пришлих так называют, стало быть, ты тоже млеччх, киммериец. Рассказал я ей все. Ладно, говорит, помогу тебе, только возьму за это плату. И вырезала мне почку.

— Чего вырезала? — не понял Конан.

— Есть у людей в спине почки, — пояснил барон. — Я-то и сам думал, что они только на деревьях бывают. Ан нет: дала мне ведьма напиток сонный, разрезала спину и вытащила эту самую почку. Их, вообще-то две, так что и с одной жить можно. Зато указала старуха дорогу в долину кальпаврикиши, сюда вот. Возблагодарил я ее и отправился за счастьем, Зря благодарил, как выяснилось

— Ты не темни, — сказал Конан, с хрустом разгрызая молодую оленью кость, — толком говори: обман пожелай-дерево?

— Не то чтоб обман, — отвечал Хранитель, подливая себе вино в кожаную кружку, — но проку от него для нас с тобой никакого.

— Это как же?

— А так же. Тебя за орехом Жазмина послала?

— Тоже недорослик наболтал?

— Он. Так вот, скажу я тебе, киммериец, что ежели ты меня в схватке одолеешь и плод

сорвешь, то здесь и останешься. Дерево сторожить и следующего дурня дожидаться.

— И кто меня удержит? Птички твои? Жрецы? Якши? В голосе варвара звучала откровенная насмешка.

— Знаю, — сказал Рогар, печально покачивая кудлатой головой, — не веришь ты мне. Не веришь, потому что никого не боишься. Сам таким был, да вот попал, как индюк в похлебку. Никто тебя силой держать не станет, а только не уйти и все тут... Я, северянин, прежнего Хранителя одолел, что было не так уж трудно — старый был старишок, да и не очень защищался. Раскроил ему череп, орех сорвал и ходу. У меня на реке тоже лодка стояла. Бежал-бежал, да и прибежал обратно к пальме этой ублюдочной...

Барон жадно осушил кружку, налил и снова выпил до дна.

— У тебя давно не было женщины, киммериец? — спросил он вдруг.

— Давно, — Конан ухмыльнулся, — дня три...

— Три дня! — рявкнул барон, отшвыривая обглоданный кусок мяса. — Три дня! А у меня десять лет, с тех пор, как убил я сдуру того старика! Десять лет без бабы, в грязи, с клопами лесными в бороде... Волосы стричь не разрешают, бриться не разрешают, ублюдки горбоносые! Воду им с реки таскай, корни опрыскивай! Что толку опрыскивать — загнется эта кальпаврикша вскорости, по всему видно. Ну да я раньше загнусь, и ты, варвар, мне в том поможешь. За то выпьем.

Конан ничего против не имел, и хотя крепкое вино уже ударило ему в голову, ясности рассудка он еще не потерял.

— Что-то нескладно ты врешь, — сказал он, закусывая очередным ломтем хорошо прожаренной оленины, — сам говорил, что сорвал плод. Ну так нажелал бы себе девку, если уж невмоготу стало.

— Какой умный! — Барон покрутил коротким пальцем под носом у северянина. — Задним числом мы все умные. Я-то еще надеялся отсюда убраться, все по лесу бегал, штаны рвал. Долго бегал, до самых дождей, почитай. Плод и усох. А когда он усохнет да кожура с него слезет — его что ешь, что в задницу засовывай, все едино. Хотел я эту пальму срубить от злости, да тут птички слетелись, ублюдки горбоносые из кустов повылезали и давай меня просвещать. Оказывается, стал я Хранителем кальпаврикши по воле Индры и вынужден поливать сие священное растение, дабы созрел на нем новый Золотой Плод Желаний. А буде кто покусится его украдь, карать татя без пощады и рубить в капусту.

— И долго поливал? — осведомился варвар с набитым ртом.

— А почитай десять лет и поливал, пока новый орех не вызрел. И то сказать, чахнет пальма. Прежде все не так было, но с этим пожелай деревом, понимаешь, такая история вышла...

И Хранитель поведал Конану, что семя кальпаврикши упало некогда на землю из Садов Индры, и была то проказа самой Богини Смерти Хали. Упало семя аккурат посреди княжества Гадхара. Люди тогда жили здесь безбедно: выжигали небольшие участки джунглей, рыхлили землю и выращивали рис. Рис давал им хлеб и вино, а деревья симул — волокно для одежды. Князей выбирали, а если князь почему-либо переставал народу нравиться, его скормливали крокодилам и выбирали нового. Окруженные непроходимыми джунглями и болотами, гадхарцы не знали ни нужды, ни тревог.

И вдруг всему этому пришел конец. На горе Дейгин выросла огромная пальма, высотой почти до самого неба. Ее огромные ветви раскинулись над землей, погрузив в глубокую тень поля и деревни. Мрак, холод и запустение воцарились вокруг, только сияли под самой кроной

огромные золотые орехи, способные сделать счастливыми всех гадхарцев, сообрази они полакомиться их мякотью. Но люди не знали, какое богатство обретается над их головами, а безжалостная Хали очень потешалась этому обстоятельству в своих небесных чертогах.

Без солнечного света засохли деревья, завяла трава, погиб урожай на полях. Скот от голода слабел и тощал. Лесные птицы перестали порхать и распевать свои песни, даже змеи попрятались в глубокие норы. Только хищные звери рыскали в поисках добычи, да шастала в потемках жуткая нечисть, блистая красными как кровь глазами.

Долго отсиживались гадхарцы в своих маленьких хижинах с низкими тростниковые крышами, но, сообразив наконец, что приходит им конец, порешили всем миром срубить чудовищную пальму.

Застучали топоры, полетели щепки. Весь день, светя себе масляными фонарями, мужчины трудились, обливаясь потом от напряжения и страха. Ночью они пили рисовую раку и жевали бетель, с нетерпением дожидаясь утра. Когда же тусклый свет пробился сквозь огромные листья дерева, они отправились к нему и принялись рвать волосы в отчаянии: пальма стояла целехонькой, без единой царапины, даже подросла немного.

Так повторилось и на следующий день, и еще много-много раз. Дерево стояло точно заколдованное. Нашлись люди, которые стали поговаривать, что некий злой демон помогает проклятой пальме и лучше ее не трогать. Другие возражали: если дерево будет и дальше закрывать солнце, им все равно не жить. Так они спорили, но никто больше не осмеливался подойти к кальпаврике ни днем, ни ночью.

И тут на помощь приготовившимся погибать гадхарцам пришел один деревенский дурачок. Известно, дуракам все как с гуся вода, и страх им редко ведом. Мать отправила его отнести отцу рисовых лепешек, юнец заблудился и просидел ночь в кустах возле самого пожелайдерева.

— Это все проделки большого свирепого тигра, — сказал он людям, когда нашелся. — Ночью он приходит и зализывает раны на дереве. Он хочет сохранить пальму, потому что под ней темно, а в темноте ему ловчее охотиться.

Удивляясь столь складным речам дурня, его накормили сладкими рисовыми шариками и стали думать, как отвадить тигра. Нашелся человек, предложивший вогнать в ствол несколько ножей, лезвиями наружу. Так и поступили. Когда тигр ночью стал лизать дерево, острые сталь впилась ему в язык и разрезала его на куски. Тигр взывал от боли и, обливаясь кровью, с ревом кинулся прочь. Больше он там никогда не появлялся.

Кальпаврика же начала сохнуть, плоды ее сморщились и упали наземь, и вскоре пальма превратилась в обычное дерево, невзрачное и нестрашное. От ее прежних огромных корней осталась только котловина в склоне горы Дейгин. Над княжеством Гадхара вновь засияло солнце, заколосились поля, налились соком луговые травы. И жители вернулись к повседневным трудам и заботам, славя Индру, Асуру и Катара.

Заканчивая свою повесть, баронский сын едва ворочал языком — три меха крепчайшего лианового настоя опустели к тому времени.

— Вендейцы глупы, — заключил Рогар, грозя кулаком в пространство, — такое дерево загубили... А могли бы владеть миром!

— Глупы, — согласился киммериец, в глазах которого уже плясали зеленые эльфы, — надо было сожрать орехи и возжелать могущества.

— И еще вендейцы трусливы, — разливая вино по бороде возгласил баронский сын, — что бы сделали мы, тауранцы, с тем тигром? Мы бы пошли и разрубили его на куски.

— А мы, киммерийцы, вырезали бы ему печень и скормили собакам, — добавил Конан.

Страж кальпаврикши уставился на северянина немигающим взглядом, в бороде его блеснули оскаленные зубы.

— А знаешь ли, варвар, кем был тот тигр? — спросил он.

— Он был хищным полосатым зверем, — предположил Конан и потянулся через стол за мехом.

— Он был самой Хали, принявшей образ хищного полосатого зверя, — возгласил Рогар. — Она умеет обращаться в разных тварей. В кобру, например. На кого эта кобра глянет, тому, точно, конец. Но в тот раз Хали приняла облик тигра, чтобы лизать дерево. Потому Богиню Смерти изображают иногда с разрезанным языком.

— Выпьем за ее язык, — сказал Конан.

— Ты святотатствуешь, — сказал сын барона, — я буду с тобой биться. Ты меня убьешь. Мне надоела эта дыра. Хочу в Сады Индры, к небесным девам.

— Я не стану тебя убивать ради какого-то недозрелого ореха, — запротестовал киммериец. — Потом, мы еще не все допили.

— Святотатствуешь, — повторил Рогар. — Золотой Плод, хоть и невзрачен с виду и вызревает раз в десять лет, желание исполнить может. Правда, не сразу. Его надобно съесть, а через три дня встать лицом к статуе Богини Смерти и громко что-нибудь возжелать.

— Почему через три дня? — спросил Конан, оторвавшись от меха.

— Ну, можно через один или пять, но не более седьмицы. На восьмой день действие плода заканчивается.

— А жрецы чего же им не воспользуются? Или желаний нет?

— Да кто их знает, — хохотнул тауранец, — сдается мне, у них давно все отсохло, кроме носов горбатых.

Он помрачнел, прикончил содержимое четвертого меха, потом сказал:

— Не люблю я их. Знаешь что, киммериец, давай сорвем Золотой Плод и попробуем унести ноги — может, вдвоем получится. Подаришь его своей Жазмине, будете жить счастливо и умрете в один день. А я отправлюсь в Тауран с наследством разбираться — пусть Сады Индры провалятся в Нижний Мир вместе со всеми своими девами...

Предложение пришло Конану по душе.

— Ты говоришь, как муж чести, — сказал он, поднимаясь из-за стола. — А то наплел чепухи всякой... Что же касается Деви — говорят, боги сомневаются в двух вещах: охотничих рассказах и верности женщины. Не затем ли она отправила меня на гору Дейгин, чтобы навсегда избавиться от ненужного соперника своей власти? Мне расхотелось возвращаться в Айодхью. И зачем тебе Тауран? Отправимся в Коф: дошли до меня слухи, принц Альмурик отчаянных парней набирает. А сейчас пошли за орехом, хвост Нергала в задницу твоим горбоносым!

ГЛАВА 3. Косогор. Добыча якшей

B

небе кружили большие черные птицы. Они то взмывали вверх, то снова опускались, широко распластав острые крылья.

Конан тряхнул головой и увидел дырявую тень пальмового листа на пыльном щебне. Он

сидел, прислонившись спиной к дереву, а на его коленях поблескивал бугристой кожурой Золотой Плод. Сильно болело плечо.

Из мутных глубин памяти неохотно всплывали воспоминания. Они рубились с Рогаром, рубились жестоко и яростно. Меч киммерийца лежал рядом, клинок его был зазубрен. О боги, чем же закончилась эта схватка?

Проклятое лиановое вино!

Варвар огляделся: котловина была пуста, дом Хранителя чернел провалами окон, дверь открыта. Тишина.

Горбоносые унесли безжизненное тело баронского сына, это он помнил. Был ли Рогар убит? На мече нет крови, в голове бухает тупое било...

Плохое вино, плохое место.

Варвар сунул оказавшийся неожиданно тяжелым орех в кожаную сумку на поясе, поднялся и размял затекшие мускулы. Птицы висели над головой, внимательно наблюдая за человеком.

Да, он теперь Хранитель! О том объявил тощий жрец, после того как Рогар ударился головой о ствол кальпаврикши и рухнул возле корней дерева. Приложился он мощно: ствол содрогнулся, и Плод Желаний золотистой искрой сорвался вниз.

Конан глянул на свой кулак. Костяшки пальцев были сбиты в кровь. Барон припечатался затылком к стволу с его помощью.

Но что стало с ним самим, отчего он оказался сидящим возле кальпаврикши?

И тут вспомнилось, как они с Рогаром Безголовым брали к пальме, пошатываясь, похлопывая друг друга по плечам, похочатывая и съто рыгая. Довольные друг другом, почти друзья. Тауранец поглядывал вверх и грозил кулаком пустому небу. Птиц тогда еще не было.

— Вот! — возгласил младший сын Гайварда Толстого, останавливаясь возле дерева, — Вот семя, упавшее из Небесных садов, чтоб им пусто было! Kru singh omm-olu! Сорвем же плод сей и уйдем, предоставив горбоносым самим поливать гнилые корни.

— Сорвем, — согласился киммериец, — подсади меня.

— Нет, — замахал руками бородач, — я сделаю это сам! Или ты мне не доверяешь?

— Я тебе не доверяю, — сказал Конан, — потому что пришла мне в голову одна мысль.

— Ты меня обидел, — сказал барон упавшим голосом, — но мысль твою я послушаю.

— А мысль такая, — объяснил варвар, поглядывая на черные точки, появившиеся в безоблачном небе, — ты можешь сожрать орех и возжелать освобождения.

— Чего возжелать?! — уставился на него Рогар маленькими мутными глазками. Конан пожал плечами, удивляясь его тупости.

— Мог бы и раньше сообразить: если отсюда нельзя уйти с плодом, можно уйти без него. Предварительно проглотив и попросив у той вон бабы отпустить тебя восьсяси. — Он кивнул на грудастую статую Хали, молча взиравшую на них из-под откоса.

Барон растерянно пошевелил пальцами, немного подумал и сказал:

— Умный ты, северянин. Я так и сделаю.

И треснул кулачищем по стволу. Кальпаврикша жалобно заскрипела и закачалась, однако Золотой Плод удержался на своем месте.

— Ты обещал отдать орех мне, — напомнил киммериец.

— Обещал, — согласился Рогар, — но твоя мысль нравится мне больше. Надо было самому догадаться. Глупо надеяться, что мы сможем уйти отсюда просто так, это вино замутило мне голову.

— Тогда ты отправишься в Сады Индры, — сказал варвар. — Я пришел сюда за Плодом Желаний, и я его возьму.

Тауранец молча на него посмотрел и побежал на тяжелых ногах к своим мечам.

Крылатые соглядатаи жрецов, слетевшиеся к тому времени, могли быть довольны: Хранитель защищал вверенное ему священное растение яростно и ожесточенно. Надежда обрести свободу, опрометчиво подсказанная северянином, придала ему силу и неустрашимость. Правда, недоставало картинного изящества, подобающего битве пред очами самой Богини Смерти: нанося удары, бойцы часто промахивались, спотыкались о камни, а клинки их лишь со свистом рассекали знойный воздух, не достигая цели. Что и говорить: лиановая настойка была достаточно крепкой.

Дальнейшее вспоминалось смутно. Кажется, Конану удалось выбить кривые мечи из рук Хранителя. Тогда Рогар подобрал булаву и, яростно вопя: «Omm-olu!», запустил ее в противника. Киммериец не смог отбить шестопер, тот саданул его в левое плечо и сбил с ног.

Страж кальпаврикиши устремился к пальме. Крылатые соглядатаи возмущенно загадели, снижаясь: очевидно, подобное отступление не предусматривалось правилами. Впрочем, киммерийцу дела не было до черных птиц — он вскочил и бросился вслед за бароном, сжимая в руке меч. Рогар был возле самого дерева, когда варвар настиг его. Хранитель был безоружен; он оглянулся, оскалив зубы в жуткой гримасе, и тогда Конан ударили в эти зубы кулаком, сжимавшим рукоять меча, ударили так, что тауранец отлетел на пару шагов и стукнулся затылком о волосатый ствол.

И тут что-то садануло киммерийца по темени, и перед глазами поплыли огненные круги. Потом перед ним оказался по пояс голый жрец в черном дхоти. Видно, прошло какое-то время, и Конан уже сидел, прислонившись спиной к стволу, потому что видел горбоносого снизу. На широком землисто-буром лице жреца лежала печать мутного равнодушия, словно у каменного изваяния. Волосы были цвета жухлой осоки, тощую шею украшала гирлянда маленьких черепов, вырезанных из сандалового дерева. Витой посох служителя Хали тоже венчал череп, настоящий, принадлежавший некогда человеку, с выкрашенными охрой зубами и зелеными камешками, вставленными в провалы глазниц.

— Ты победил, — проскрипел жрец по-вендийски. — Золотой Плод сорван. Ты будешь Хранителем кальпаврикиши, пока не созреет новый или кто-нибудь тебя не убьет. Omm-olu Kru singh!

Краем глаза киммериец заметил, как еще двое в черных дхоти тащат поверженного барона к тропинке, ведущей из котловины. Косматая голова тауранца безвольно моталась, длинные волосы подметали землю. Прикончил ли его роковой удар, или слуги Богини Смерти просто решили наказать Стража, нарушившего правила поединка? Это навсегда осталось тайной.

Жрец бросил на колени варвара Золотой Плод. Конан потянулся было к мечу, но горбоносый вытянул вперед тощую руку, что-то пробормотал, и мир снова погрузился во тьму.

Когда Конан пришел в себя, рядом никого не было. Осмотрев котловину, варвар не обнаружил никаких следов, дом Хранителя был пуст, а возле ног статуи Богини Смерти аккуратно лежали кривые мечи, булава, крылатый шлем, желтая одежда и доспехи с золотыми пластинками. Все это, как видно, предназначалось ему, новому Стражу пожелайдерева.

Немного поразмыслив, киммериец пришел к следующим умозаключениям. Во-первых:

никогда не стоит пить вино, приготовленное из красной лианы. Оно развязывает язык и заставляет болтать лишнее. Например, подсказывать здравые идеи человеку, которому знать о них вовсе не следует. Во-вторых: Золотой Плод, с виду маленький и невзрачный, может причинить серьезные неприятности, угодив кому-нибудь в голову. И наконец в-третьих: ему вовсе не хочется десять лет кормить лесных клопов и не стричь волосы.

Тут намечалось два выхода. Можно было немедленно проглотить орех и потребовать у грудастой Хали свободы. Но тогда предстояло вернуться к Жазмине с пустыми руками. Это уязвляло гордость киммерийца. Сейчас, когда хмельные пары лиановой настойки выветрились, он рассудил, что Деви навряд ли стала бы избавляться от него столь сложным способом. В конце концов он сам пришел в ее Дворец в Айодхьи, пришел один, ночью, практически доверив свою судьбу ее милости. И сам вызвался принести властительнице Вендини Плод Желаний.

Правда, Деви ничего не сказала ни о Страже, ни о том, чем обернется победа над ним. Не знала? Скорее, ей было ведомо, что уйти с горы Дейгин можно, даже одолев Хранителя.

А следовательно, стоило поискать способ это сделать. Подобрав свой лук, варвар осмотрел небосклон. Птиц не видно. Он осторожно двинулся по тропинке, готовый к любым неожиданностям. Миновал узкую горловину, отделявшую котловину от джунглей, и углубился под сень деревьев.

Ровным счетом ничего не произошло. Яркие бабочки вились между ветвей, звенели цикады, где-то вдали протяжно протрубил слон. Тропинка бежала вниз через заросли бамбука, перечных лиан, рододендронов и диких роз — алое, голубое, зеленое разноцветно придавали пейзажу вид праздничный и умиротворенный.

Вскоре впереди заблестела вода — показался берег реки. Конан увидел свою лодку, зачаленную возле сухого дерева с тремя вершинами — ориентира, по которому утром он признал со слов Деви начало тропинки, ведущей на гору Дейгин. Закинув лук за спину, варвар хмыкнул, шагнул вперед... и уперся лбом в шершавый ствол пожелайдерева.

Это было так неожиданно, что он даже не успел удивиться. Провел рукой по стволу, отряхивая жирных муравьев, только потом огляделся. Он стоял посреди котловины, многорукая Хали таращила свои деревянные глаза, оружие и доспехи у ее ног отбрасывали солнечные блики. Тень пальмы вытянулась до самого дома Хранителя: солнце уже клонилось к закату.

Конан молча зашагал к каменистому склону. Он решил попытать счастья, взобравшись наверх — будь что будет. Склон покрывал мелкий щебень, но карабкаться по нему было несложно, тем более для киммерийца, с детства привыкшего лазать по крутым скалам своей холодной родины.

До кромки откоса оставалась всего пара локтей, когда все поплыло у него перед глазами, и он почувствовал, что скользит на дно котловины, словно по гладкому стеклу.

Странное это было скольжение. Щебень и камни оставались недвижны, никакого оползня, и все же Конан оказался у подножия откоса, не успев даже перевести дыхание. Он повторил попытку еще в двух местах — с тем же результатом.

Присев на нагретый солнцем валун, варвар предался невеселым размышлениям. Похоже, слова Рогара подтверждались самым печальным образом, и перспектива провести десять лет по соседству с проклятой кальпаврикой вырисовывалась все более отчетливо. Если, конечно, не поступиться гордостью и не проглотить золотой орех.

И тут новое соображение пришло киммерийцу на ум, заставив вскочить и вновь

направиться вниз по тропинке. Рогар поминал, что жрецы заставляли его таскать воду и поливать корни пожелайдерева. Значит, он спускался к реке. Может быть, к берегу есть другой путь, не закрытый чарами? Если его просто стерегут — жрецы ли, черные птицы или иные существа — он найдет способ проложить себе дорогу!

Вытащив из заплечных ножен немедийский меч, Конан медленно двинулся по тропинке, внимательно осматривая заросли. Ни малейшей прогалины: колючие ветви кустарников плотно оплели лианы. Между корней растений поблескивала мутная жижа, в которой копошились белые черви и какие-то насекомые. Местность уже не казалась столь привлекательной, а бутоны диких роз алели в зарослях, словно капли крови.

Когда в просвете между ветвей вновь заблестела река, киммериец остановился. Он уже видел свою лодку. Еще шаг — и неведомая сила перенесет его к стволу ненавистной пальмы. Конан решил не пытать судьбу: после всех этих перемещений голова у него кружилась, а в желудке словно ворочался отвратительный сгусток холодной слизи.

Отступив шагов на десять, варвар обрушил меч на стену кустов. Он яростно орудовал клинком, как будто перед ним были не обычные растения, а сонмище мерзких чудовищ. Сок перечных лиан обжигал лицо, колючки рвали одежду и царапали кожу, но киммериец упрямо продвигался вперед, надеясь обойти невидимую преграду, закрывавшую тропинку, и спуститься к берегу в другом месте.

Вскоре живая стена расступилась, и он оказался на краю обширной поляны, заросшей высоким папоротником.

Прикинув, что река должна находиться по левую руку, Конан двинулся через это зеленое озеро, доходившее ему до груди. И тут же застыл, внимательно взглядываясь в извилистую полосу колеблющихся листьев впереди: кто-то или что-то пересекало поляну по направлению к сухому откосу, наверху которого темнела мрачная стена джунглей.

Неприятный запах коснулся его ноздрей. Так мог пахнуть живущий на помойке пес, внезапно искупавшийся в бочке с дешевыми благовониями. Запах казался знакомым, но не вызывал ни малейшего желания повстречаться со своим источником. Решив выждать, варвар пригнулся и принял наблюдательную из-за широких листьев папоротника.

Ждать пришлось недолго: заросли у края склона раздвинулись и показалась процессия карликов с короткими, загнутыми на концах дубинками в руках. По вывернутым назад ступням и выпученным глазам, сидевшим гораздо выше, чем у людей, Конан признал якшей — древнее лесное племя, поселившееся в дебрях Вендии еще задолго до Великого Потопа.

О якшах болтали разное. Говорили, например, что Богиня Смерти Хали вытесала их из камней Химилийских гор, дабы существа эти охраняли несметные сокровища в темных пещерах. Другие утверждали, что якши ведут родословную от древних гигантов, которых небесные воители Асур и Катар так долго лупили по головам своими палицами, что те уменьшились до трех локтей с шапкой, а глаза у несчастных вылезли на лоб, да так там и остались. Ноги же им якобы вывернул Индра, за то что коварные недорос-лики хотели умыкнуть Небесную Черепаху и лишить земном диск опоры.

Как бы то ни было, к якшам относились презрительно и в то же время с опаской, хотя и пускали на рынки, где карлики обменивали плоды дерева у-у, дарующие мужчинам любовную силу, и молоко птицы удгар, полезное для стариков и кормящих матерей, на железные ножи и наконечники для стрел. Кузничного дела они, похоже, не ведали.

Время от времени очередной Мехараджуб объявлял их вне закона, ссылаясь на свидетельства очевидцев, уличавших лесное племя в отвратительном людоедстве. Однако

плоды у-у произрастали в местах, ведомых лишь якшам, а птицу удгар никто из людей и вовсе не видел. Так что по настоянию стареющих любовников и кормящих матерей законы приходилось отменять, и недорослики вновь появлялись в городах, заставляя жителей зажимать носы и плеваться от их весьма своеобразного запаха.

Недорослики ловко бежали вверх по склону, перебирая кривыми ногами. Впереди следовал карлик в зеленой шапке с красной опушкой, с плетеным щитом за спиной и бамбуковым копьем в руке — очевидно, вожак. Шестеро якшей сгибались под тяжестью длинного свертка, перехваченного тонкой веревкой, стараясь не отставать от своих соплеменников. Конан заметил, что остальные держатся по бокам носильщиков, явно их охраняя.

В другое время киммериец наверняка заинтересовался бы таинственной ношей: он наслышался немало рассказов о сокровищах якшей, которые те то и дело перетаскивали с места на место, дабы не залеживался. Варвар полагал, что делали они это с целью сбить со следа возможных кладоискателей, но сейчас его занимало совсем другое. Рогар утверждал, что недорослики повсюду суют свой нос, так, может быть, им ведома дорога, ведущая к реке из заколдованного места? Если тауранец и не смог ее выведать, то уж варвар найдет способ развязать язык кривоногому уродцу, окажись тот в его руках!

Процессия была уже на середине откоса, когда киммериец предпринял стремительный маневр и оказался за спиной арьергарда якшей.

— Стой, — взревел он, размахивая над головой мечом, — или, клянусь кишками Нергала, я закончу труды Индры и повыдергиваю то, что зовется у вас ногами!

Якши разом обернулись, угрожающе подняв кривые дубинки; носильщики опустили сверток на сухую траву и тоже взялись за оружие.

Вожак в зеленой шапке что-то крикнул и проворно подбежал к варвару. Держа копье опущенным, он протянул волосатую лапку и подал человеку небольшой свиток, перехваченный атласной лентой. Конан в растерянности уставился на пергамент.

— Это что? — спросил он, опуская меч.

— Грамота, — сказал вожак на чистом вендийском, — мы под охраной Деви Жазмины. — Глаза его смотрели в разные стороны: один на Конана, зрачок другого вращался, оглядывая небо и стену джунглей за спиной.

— Ты не вендиц, — заговорил снова карлик, видя, что киммериец не торопится взять свиток. — Ты — кто?

— Конан, — ответил варвар, раздумывая, как теперь следует поступить: помахать ли еще мечом или попробовать договориться миром.

— Я — Тримрапартмрапутахасуптантрапеша! — Вожак ударил себя в грудь маленьким кулачком, — Мы возвращаемся из Айодхьи, несем товар в свою деревню. Если ты на нас нападешь, мы тебя убьем. Если не нападешь, дадим вот это.

И он показал золотой браслет на своем запястье, сгодившийся бы Конану разве что в качестве перстня.

— Послушай, Тrima... pura... как там тебя, — сказал киммериец. — Убить меня не так просто, как тебе кажется. Но если вы укажете мне свободную дорогу к реке, я, так и быть, не стану нарушать вендийские законы и выдергивать ваши мерзкие лапы.

Краем глаза он уловил некое шевеление туго спленатого свертка: то ли кто-то из якшей задел его нагой, то ли ветер надул края материи.

— Иди вниз, — махнул вожак рукой за спину Конана. — Река там. Иди где хочешь.

— Это легче сказать, чем сделать, — возразил киммериец. — Видишь ли, я пришел сюда по просьбе Жазмины, но уйти не могу, потому что недавно прикончил одного лохматого дурня, который сторожил гнилую пальму неподалеку отсюда. Если вы подданные Деви, то должны мне помочь.

Теперь оба глаза вожака уставились на варвара. Серая кожа на лбу якши сморщилась, широкий нос расплылся еще больше, а губы сложились в трубочку. Обернувшись к своим, карлик защелкал и загукал, подкрепляя странную речь энергичными жестами, при этом зрачки его похожих на пузыри глаз не переставали следить за киммерийцем. Недорослики закудахтали в ответ, мотая безволосыми головами и указывая куда-то вверх короткими ручками.

Послушав, вожак вновь обратил к Конану уродливое лицо и сказал:

— Ты Хранитель. Такова воля Индры. Уйти не можешь. Есть только один способ, очень плохой. Навлечешь гнев богов на себя и на нас. Поэтому мы будем молчать.

— Плевал я на ваших богов! — рявкнул киммериец, снова поднимая меч. — Говори, задница, что тебе ведомо, не то...

В это время лежавший на траве сверток снова дернулся, и приглушенный женский голос взмолился о чем-то жалобно и непонятно.

— А, — заревел Конан, — так вы и вправду жрете людей, вонючки! Это война! — И он ринулся на якшей, стараясь оглушить вожака рукояткой, чтобы пленить и подвергнуть допросу со всей безжалостностью победителя. Но его кулак встретил пустое место — карлики кинулись врассыпную столь стремительно, что варвар успел заметить лишь качающиеся ветви зарослей наверху склона. Он попытался преследовать недоросликов, но очень скоро понял, что якши чувствуют себя в дебрях, как рыбы в воде, чего не скажешь о человеке, более привыкшем к степям, скалам и простору ратного поля.

Проклиная себя за то, что упустил последнюю возможность обрести свободу, сохранив Золотой Плод, Конан вернулся к свертку, оставленному беглецами посреди склона. Из-под плотной ткани доносились глухие стоны.

Концом меча варвар разрезал веревки, наклонился, отогнул край материи...

И в ужасе отшатнулся.

ГЛАВА 4. Косогор. Пещера наслаждений

Л

ицо, представшее его взору, явно принадлежало женщине, но, боги, что это было за лицо! Зеленоватая бугристая кожа, покрытая гнойными язвами, длинный крючковатый нос, украшенный большой бородавкой, редкая щетина на подбородке, морщинистые веки, прикрывавшие узкие глазки.

Б-р-р! По спине киммерийца пробежал озноб, и он поспешил отдернуть руку. Веки женщины медленно поднялись. Ее глаза поразили варвара. Были они чисты и прекрасны, тек две жемчужины, спрятанные в морщинистом теле отвратительного моллюскам.

Бескровные губы дрогнули, пленица произнесла несколько слов на непонятном Конану наречии. Он отрицательно мотнул головой и принялся освобождать странное существо от пут.

Ему пришлось перекатить женщину, разматывая длинную полосу ткани, похожую на

саван, подобный тем, в которые стигийцы заворачивают своих покойников. Когда материя спала, киммериец снова застыл пораженный. Перед ним на траве сидела юная девушка, ее высокую грудь едва прикрывала узкая кофточка, а бедра — короткая холщовая юбка. Гладкая кожа живота, точеные плечи, стройные ноги... Тем отвратительнее казалась на этом теле безволосая голова с яйцеобразным затылком, заостренными ушами и уродливым лицом, словно позаимствованная у болотного монстра.

Девушка попыталась подняться, но члены ее, видимо, затекли, она застонала и осталась сидеть.

Конан протянул ей руку: не оставлять же, в самом деле, несчастную на съедение якшам, которые могут вернуться, как только он уйдет.

В ясных глазах существа метнулся страх, тут же сменившейся затаенной надеждой. Она робко притянула узкую ладошку, варвар сжал ее и рывком поставил девушку на ноги.

— Уходи, — махнул он рукой, — там река. Ты свободна. Она посмотрела на него с неясным восхищением, потом глянула на свою ладонь и вдруг пустилась в пляс, высоко поднимая ноги и соблазнительно поводя бедрами, напевая что-то высоким красивым голосом, в котором слышалось журчание ручья и звон серебряных колокольчиков. Зрелище было жутким.

— Ладно, — сказал варвар, — можешь танцевать, если тебе так хочется. Я пошел.

Она вдруг упала перед ним на колени и приникла бледными губами к его руке, заставив киммерийца содрогнуться.

— Господин мой, — заговорила странная женщина по-вендийски, — спаситель мой! Ты освободил меня, нарушил закон варны, да пребудет в тебе мощь слона и бесстрашие тигра, о дваждырожденный!

Склонившись, она поцеловала железный носок афгульского сапога и, подняв уродливое лицо с горящими восторгом глазами, воскликнула:

— Теперь я — твоя, о небесный супруг мой! Конан невольно попятился.

— Послушай, — сказал он сердито, — я нездешний, по-вашему — млечх. У вас много обычаяев, которые кажутся мне странными. Возможно, согласно одному из них, я и должен взять тебя в жены. Что ж, женщины у меня давно не было, но ты сильно ошибаешься, если думаешь, что я так изголодался, что отрублю твою уродливую голову, чтобы овладеть прекрасным телом.

Девушка проворно вскочила и встала перед ним, уперев руки в полные бедра.

— Ах вот как, — заговорила она сварливо, — значит, я для тебя недостаточно хороша? Как бы ты не пожалел о своих словах, чужестранец. Как бы боги, взирающие с небес, не наказали тебя, превратив в насекомое. Как бы не отсохло у тебя кое-что между ног и не завелись желудочные черви в твоих кишках, как бы кости твои не размякли и не выпали ногти...

— Ты спятила, — сказал варвар, не в силах решить, то ли действительно отрубить ей голову, то ли просто плюнуть и уйти.

— Да, да, я сошла с ума! — воскликнула уродка, пританцовывая. — Сошла с ума от счастья! Ты хоть и млечх и нет на тебе священного шнура, но я уже люблю тебя, безумно люблю! О Тагтара-Рабуга, ты внял моим мольбам и послал дваждырожденного, который купит горшок простокваша, черную патоку и бросит в огонь рисовые зерна... Хочешь, юный красавец, взглянуть на мой лоб, который предстоит тебе раскрасить киноварью?

— Я уже взглянул, — проворчал Конан, — его что раскрашивай, что не раскрашивай —

лучше не будет.

Она звонко рассмеялась, потом вдруг ухватила себя за покрытые язвами щеки и резко потянула вверх. Зеленая кожа поползла, словно плотный чулок, открывая свежее молодое лицо, а когда девушка отбросила ее прочь, по плечам ее рассыпались блестящие, густые черные волосы.

Теперь варвар мог оценить юную обманщицу во всем ее великолепии. Несколько полноватые губы и бедра, как у всех вендейских женщин, слегка широковатые лодыжки — в остальном же была прекрасной и соблазнительной. Девушка продолжала смеяться и вертелась перед ним, демонстрируя все свои прелести, едва прикрытые узкими полосками полотна. На ней не было никаких украшений, да они оказались бы лишними для юного создания, чья свежесть была подобна едва распустившемуся цветку, покрытому утренней росой.

— Зачем ты таскаешь на голове эту дрянь? — спросил киммериец, совсем растерявшийся от столь чудесного превращения.

— Потому что я — анупра! — воскликнула девушка. — Была анупрой, пока ты не коснулся меня. Никто не может касаться людей нашей касты, не боясь навлечь на себя гнев богов. Такое дозволено только дваждырожденным, носящим священный шнур. В иных землях люди стали забывать древний обычай, берут в жены женщины из низших сословий, даже красивых анупр, потому страшные бедствия обрушаются на многие княжества. Зная о том, мудрый правитель Гадхары повелел девушкам нашей касты носить маски, скрывая лица, и в земле нашей царит мир и процветание. Лишь немногие счастливицы удостаиваются чести явить достойному свое истинное лицо. Ты не побоялся подать мне руку, прекрасный юноша, и хоть нет на твоем теле сидура, чтобы закрасить мой пробор, ты сможешь срезать бамбуковое дерево, сделать флейту, вылить в огонь топленое масло и связать наши руки стеблями травы куша...

— Постой, — прервал ее звенящую речь Конан, — я неплохо знаю вендейским и понимаю почти каждое твое слово по отдельности. И все же смысл сказанного ускользает от меня. Зачем мне делать флейту и лить масло?

— А ты что же, хочешь просто вымазать мне лоб краской? — возмутилась юница. — Клянусь трезубцем в руках Бхайрави, так не пойдет! Или у тебя на лбу тилак, а на ногах деревянные сандалии? Не для того я страдала и терпела унижения, чтобы теперь выкрасить свои одежды в оранжевый цвет!

— Клянусь дубиной в руках Крема, — передразнил ее киммериец, — у меня на ногах крепкие сапоги, и если ты не перестанешь трещать, получишь хороший пинок в свою соблазнительную задницу.

Девушка сразу же опустилась на колени и простерла к нему руки.

— Ты волен наказать меня! — воскликнула она с таким восторгом, словно Конан только что предложил ей бриллиантовое ожерелье. — Жена должна покорствовать мужу своему!

— Я тебе не муж, — рявкнул варвар, — ты мне не жена! Плевал я на ваши законы. Я беру женщин, когда захочу, и бросаю, когда надоедают. У меня свои обеты.

Эта суровая отповедь вовсе не смущила вендейку. Она проворно вскочила и провела пальцами по своему смуглому животу.

— Может быть, тебе не нравится, что у меня нет трех складок ниже пупка? — спросила она. — Может, груди мои недостаточно велики, а пятки не начищены пемзой? Или тебе больше нравятся насурьмленные старухи, решенные побрякушками? Или ты вообще прячешь

где-нибудь желтые одежды, а сюда пришел, чтобы поохотиться на кроликов? Если ты связан обетом, млеччх, я помогу тебе разобрать все три связующие нити!

Варвар уже собирался осуществить угрозу и поучить уму-разуму не в меру болтливую женщину, когда некая смутная догадка заставила его повременить с экзекуцией. Что она подразумевает под «желтыми одеждами»? Рогар был в желтом, когда крутил перед ним своими мечами. И что это за три нити, которая самоуверенная юница обещает разобрать?

Скрепя сердце он пустился в расспросы и, проравшись сквозь многословие и иносказания, выяснил следующее. Раскрашивание лба и пробора, флейта, топленое масло и стебли травы куша — атрибуты вендийской свадьбы. Тилак (мазок желтой краски на лбу) и деревянные сандалии — принадлежность отшельника, которому не запрещено иметь жену. Правда, эти просвещенные люди сводят всю брачную церемонию к ее первой части, то есть мажут кисточкой лоб невесты, потом облачают ее в оранжевые одежды и удаляются с несчастной супругой в дикие места, где единственным развлечением служит собирание дикого меда и пение мантр. Но есть парни покруче отшельников: те связывают себя обетами (тремя нитями, символизирующими Асура, Катара и Инду), облачаются в желтое и служат богам, полностью лишая себя женского общества...

«Например, охраняют гнилые пальмы и кормят лесных клопов в ожидании урожая», — осенило тут Конана.

Слабая надежда замаячила перед варварам, словно далекий фонарь гостиницы перед путником, бредущим сквозь дождливую ночь. Чем Сет не шутит, может быть, бывшая ануопра и ведает тайну, которая поможет разорвать невидимые нити, тянувшиеся от бесплотных пальцев небожителей?

— Как тебя зовут? — спросил он, обдумывая, с какой стороны приступить к выведыванию главного.

— Ка Фрей, — отвечала девушка, — а тебя, млеччх?

В третий раз за сегодняшний день Конан назвал свое имя. Потом осторожно начал:

— Открою тебе тайну, Ка Фрей. Моя желтая одежда действительно лежит неподалеку. Во связал я себя узами небесных богов не по своей воле. Меня послала сюда сама Деви Вендни. Велика честь, да высока и плата. В чае без тени убил я некоего человека, охранявшего некое дерево... Ты слышала о кальпаврике?

— Слышала... — прошептала вендийка, делая огромные глаза.

— Отныне я стал Хранителем, так что ни жениться на тебе, ни покинуть эти места не могу, — печально заключил Конан, внимательно за ней наблюдая.

Ка Фрей кусала нижнюю губу и смотрела в землю. Киммериец напряженно ждал.

— А ты сорвал Плод Желаний? — спросила она наконец, подняв глаза и глядя на варвара с испугом и надеждой. Конан расстегнул сумку, достал орех и показал ей.

— Ма-а-аленький, — протянула девушка и вдруг бросилась на шею варвару. Она обнимала его, лаская обветренные щеки мягкими пальчиками, орошая покрытое шрамами лицо киммерийца слезами и касаясь его губ своими горячими губами. При этом она бормотала что-то невнятное, Конан разобрал только слова «мангалсутрам» и «незаслуженное счастье».

Нельзя сказать, что эти объятия были ему неприятны, в другое время он ждал бы продолжения и сам охотно тому способствовал, но сейчас важнее было узнать, может ли Ка Фрей чем-нибудь помочь, или ее бурное проявление чувств порождено обычной женской глупостью. Варвар решительно отстранил девушку и глянул на нее с притворной строгостью.

— Не забывай, — сказал он наставительно, — что я связан тремя нитями, и твое поведение может не понравиться богам. Расстанемся же здесь, и я отправлюсь туда, куда призывает меня долг. Прощай!

— Подожди! — вскричала тут прекрасная вендийка, повисая на его могучей руке. — Или твое лицо уже занавешено сехрой?! Где твои глаза, посмотри на меня, кшатрий, разве не лучше я любой пальмы и любого плода, будь они даже из чистого золота?! Так что же ты предпочтель?

— А у меня есть выбор? — спросил Конан,

— Конечно! Нарушив закон варны, ты совершил дозволенное лишь дважды рожденному, а родившийся во второй раз освобождается от обета, принесенного в прошлой жизни! И если ты совершишь «о мною то, что собирался сделать противный якша, мы вместе разберем все три нити...

— А что он собирался с тобой сделать? — спросил варвар, с некоторым ужасом решив, что вендийка предлагает ему полакомиться своей молодой плотью.

— Он хотел войти в пещеру наслаждений, — потупилась Ка Фрей, — И все его собратья хотели того же. Я бы тогда умерла.

Мысленно обозвав себя ослом, Конан осторожно обнял девушку за плечи.

— Мне нравится такой способ разбирать нити, — шепнул он ей в ушко, — Только тут есть одно обстоятельство... — Щеки юницы пылали.

— Какое же?

— Моя пещера запечатана...

— Не велика беда, — сказал киммериец, крепче прижимая к себе девушку, — все через это проходят. — И он мягко повалил прекрасную вендийку в сухую траву.

ГЛАВА 5. Река. Новое решение

II

летеная, обтянутая крепкой буйоловой кожей лодка спокойно скользила по извилистной ленте реки. Конан слегка подгребал, стараясь держаться на стремнине, где течение было как раз впору, чтобы нести их посудину без особых усилий с его стороны.

Полная луна низко висела над рваной кромкой темнеющих по берегам зарослей. Все вокруг было залито белым светом, взвешенным в ночи, как легкая серебряная пыль. Легкий ветерок доносил с берега крики обезьян, уханье и редкое рыканьеочных обитателей джунглей.

Ка Фрей сидела на корме, закутавшись в пленявшую ее еще недавно ткань, из которой она соорудила подобие сари. На голове у нее был венок из желтых и красных цветов.

Глядя на вендийку, опустившую тонкие пальцы в жидкое серебро струящейся за бортом воды, киммериец обдумывал причины, побудившие его отложить свое возвращение к Деви и отправиться со своей новой знакомой в Город Слона. Еще он думал, что влажный воздух вендейских лесов не на пользу северному человеку: он расслабляет, заставляет забыть об осторожности и размягчает язык. Стал бы он предаваться любовным утехам где-нибудь в степи или среди скал родной Киммерии, забыв о таящейся неподалеку опасности? Трудно представить такое. А ведь якши могли спрятаться в кустах и напасть неожиданно, чтобы отбить свою добычу и поквитаться за нанесенную обиду.

И уж, тем паче, не стал бы он чесать языком с первой встречной девушкой, если бы не жара и влажные испарения джунглей. Или лиановый настой Рогара все еще продолжал действовать, туманя мозг?

После того как он, по выражению вендийки, „впустил в пещеру наслаждений огненного дракона“, они долго лежали посреди сухого откоса. Яркие бабочки и маленькие птички вились вокруг, дыхание леса казалось спокойным и умиротворяющим, и листья папоротника тихо шелестели под слабым ветерком, долетавшим с реки. Девушка легонько поглаживала его пылающие щеки, перебирала пальчиками его жесткие черные волосы и что-то тихонько напевала своим мелодичным, похожим на перезвон маленьких колокольчиков голосом.

— Ты любишь ее? — спросила она вдруг.

— Кого? — не понял киммериец.

— Свою Жазмину. Я слышала, она подобна розе в ночном саду, губы ее, как персик, ланиты подобны взбитым сливкам, а нос — стволу кипариса...

— Не такой уж он длинный, — проворчал варвар.

— Так говорят, когда хотят подчеркнуть правильность форм, — объяснила Ка Фрей. — Кипарис очень стройное и красивое дерево. Вы, северные люди, начисто лишены поэтичности, речь ваша груба и слишком определенна. Если ты хочешь жить среди нас, тебе придется научиться выражать свои чувства более изысканно.

— А кто тебе сказал, что я собираюсь навсегда поселиться в Вендии? — Он намотал прядь ее блестящих волос да палец и слегка потянул к себе, заставив девушку ойкнуть.

— Ну как же, — сказала она, отстраняясь, — не затем же ты пустился в опасное путешествие за Плодом Желаний, чтобы продать его на рынке. Ты принесешь его в сверкающий, подобный застывшей морской пене дворец Деви и положишь трофеи у ног возлюбленной. Так всегда делают, когда хотят завоевать любовь красавицы.

Ее слова заставили киммерийца погрузиться в размышления. Он и сам до конца не мог понять, почему тогда ночью, в огромной спальне властительницы Вендии дал слово доставить ей Золотой Плод. Первую часть своей миссии он выполнил: тяжелый орех лежал в сумке. Если верить бывшей анупре, прикоснувшись к вей и сделав ее женщиной, он „разобрал“ нити богов и освободился от необходимости охранять пожелайдерево. Это нужно было еще проверить, но Конан почему-то счел, что так оно и есть. А значит, он обладал двумя сокровищами, за которые многие позволили бы отсечь себе руку: свободой и возможностью исполнить любую свою прихоть.

Ну, может быть, не любую, все-таки кальпаврикша сильно усохла с тех времен, когда заслоняла листьями солнце для целого княжества, да и корни ее изрядно подгнили. Но, если съесть орех, можно нажелать себе золота, а там уж посмотреть, на что его хватит: на оплату армии наемников, чтобы идти к стенам вендийской столицы и сразиться с Деви, как он когда-то ей обещал, или только на то, чтобы нанять верблюдов и отправиться через пустыни и степи к берегам моря Вилайет и дальше — в Коф.

И все же он намеревался вернуться в Айодхью и вручить плод Жазмине. Заключив, что причиной тому является его впитанное с молоком матери недоверие к любому волшебству и магии (варвар крепко усвоил, что за всякое выполненное при помощи чар желание рано или поздно приходится платить дорогую цену), киммериец привлек к себе юную вендийку и тихо заговорил:

— Люблю ли я Жаэмину? До сих пор лишь одна женщина удерживала мое сердце более двух седмиц. Она была атаманшей черных корсаров на корабле „Тигрица“. Имя ее, имя

королевы пиратов Белит, наводило ужас от Зингары до Куша. Она погибла, но вернулась с Серых Равнин, чтобы помочь мне в смертельной опасности. Думаю, ее сердце было связано с моим тем, что ты называешь „нитями богов“. Когда Белит окончательно исчезла из нашего мира, в моей груди поселился холод. У меня было много женщин, но они заставляли сгорать лишь мое тело, а не душу. Жазмина была моей пленницей, я похитил ее, чтобы обменять на вождей афголов. Я не прикоснулся к ней, а когда она попала в лапы Черных Колдунов, проник в их замок и вызволил Деви. Она отплатила мне добром: помогла разбить войско туранцев, напавшее на моих людей. Афгулы поначалу сочли, что я предал их, так как вожди по роковому стечению обстоятельств погибли. Но я вернул их доверие своим мечом. Когда мы прощались с Деви, колдун, принявший облик ястреба, упал на нее с неба, но я убил его. Повелительница Вендии сочла себя моей должницей, и мы договорились, что встретимся на берегу Юмды, каждый во главе своего войска...

— Странные истории ты рассказываешь! — воскликнула Ка Фрей. — Вы помогли друг другу, а потом решили затеять сражение? Почему?

— Тебе это трудно понять, — сказал Конан, наблюдая за алыми нитями облаков в закатном небе. — Жазмина — властительница великой страны, я же считал себя в то время повелителем Гимелийских гор, а повелителю не пристало одерживать победы как простому разбойнику. Я тешил себя надеждой объединить горские племена и афголов, чтобы завоевать себе державу. Этим планам не суждено было осуществиться: некий Безликий Пророк встал у меня на пути. Я победил, но лишился своего войска. И тогда я отправился в Айодхью один, проник ночью во дворец Деви и предстал перед ней...

— И что же?.. — прошептала девушка.

Конан хотел промолчать, но что-то заставило его говорить дальше.

— Жазмина смеялась. Да, клянусь демонами преисподней, она смеялась! Она была довольна, что теперь я ее пленник. Узник ее женских чар. Кром! Я стоял возле шелкового ложа со своим тяжелым мечом за плечами, и никого не было в спальне — ни слуг, ни телохранителей. Я мог убить ее одним движением. А она смеялась. Она знала зачем я пришел. Чтобы сдаться... — Киммериец резко сел и оттолкнул вендию, жалея уже, что так разоткровенничался.

— Если бы я овладел ею тогда, все было бы кончено, — сказал он, сжимая кулаки, — для меня, по крайней мере...

Любовь Деви — это цепи потяжелей тюремных. Я хотел властвовать, а не сдаваться на милость победителя. Ты права: я решил завоевать Жазмину если не на поле брани, то делом, которое по плечу лишь мне одному. Поэтому согласился отправиться за Золотым Плодим.

Девушка вдруг приникла к нему и крепко обняла за шею.

— Как это прекрасно! — жарко зашептала она. — Лакш-ми ликует в небесных чертогах! Вернемся в Айодхью, господин мой, и подвиг твой будет вознагражден щедрой рукой прекраснейшей из женщин. Ты станешь Мехараджубом, самым великодушным и храбрым из всех, властвовавших над Вендией со времен Великого Потопа!

— Что-то не понимаю, — пробурчал варвар, — ты готова поделиться мною с Жазминой?

— Конечно! — Ка Фрей резво вскочила на ноги и потянула его за собой. — Кто я и кто она! Прекраснейшая, мудрейшая, совершеннейшая из дочерей земных, рожденных по воле лучезарного Индры! Ты достоин Деви, о храбрейший из кшатриев, ты вправе получить плод еще более удивительный, чем тот, что лежит в твоей сумке! О Жазмина, светлейшая звезда на

хрустальном куполе небес! Я буду любить ее, как сестру. И поверь, Ка Фрей не настолько горда, чтобы не довольствоваться ролью второй жены!

Несколько ошарашенный таким поворотом, Конан поднялся, а юная вендишка, ухватив его за палец, легкой походкой двинулась вниз по косогору, не переставая говорить.

— Жить во дворце, среди ажурных решеток и журчащих фонтанов, — щебетала она, — могла ли я мечтать о таком, я, анупра, принужденная носить отвратительную маску! Нет, Таттара-Рабуга передал мои мольбы более могущественным богам! Они послали мне не только избавление от позора, но и радость подняться сразу в высшую касту. Как мечтала я о счастье наслаждаться роскошью и вкусной пищей, внимать сладчайшей музыке и пристойным речам, пользоваться уважением и преклонением окружающих — о сны, сны! Вы осуществились наконец! Дай припасть к ланитам твоим, супруг мой небесный!

И она снова обнимала варвара, покрывая его лицо жаркими поцелуями.

Идя вслед за тараторившей юницей через заросшую папоротниками поляну, Конан чувствовал себя малым ребенком, которого ведут, чтобы наградить сладостями за хорошее поведение. Варвар шагал молча, наблюдая, как то появляется, то исчезает среди мясистых листьев головка девушки, и про себя усмехался. Бывало, его женщины считали, что поймали в свои сети крупную рыбку, да рыбешка-то оказывалась зубастой и всякий раз, прокусив невод, уходила обратно в море. Глупышке Ка еще предстояло убедиться, что рыбарь из нее никудышный. Но поначалу следовало посмотреть, исчезли ли невидимые „нити богов“.

Сомнения варвара рассеялись, когда они достигли берега и вышли к сухому дереву, возле которого привязана была его лодка. Ка Фрей сразу же забралась в посудину, продолжая щебетать, пока он отвязывал веревку. Конан не имел ничего против, он вовсе не собирался платить вендишке черной неблагодарностью и оставлять ее в столь гиблом месте.

Когда лодка вышла на середину реки, киммериец сказал:

— Послушай, женщина... Только перестань трещать и не голоси, когда услышишь, что я скажу. Я не собираюсь делать тебя ни старшей, ни младшей женой. Ты хорошая девушка, Ка, я благодарен тебе за свое освобождение, но у меня другие планы. Вернусь в Айодхью, отдам орех Деви и уйду. Надоели ваша жара и ваши дожди, поищу местечка, где попрохладней,

Он ждал слез, криков, чего угодно, но вендишка только опустила голову. Потом подняла сверток прихваченной на косогоре материи и принялась оберывать его вокруг тела, сооружая какое-то подобие одежды.

Некоторое время плыли молча. Конан налегал на весла; течение было не сильным, лодка быстро двигалась вверх по реке.

Когда солнечный диск превратился в оранжевый полукруг, исчезающий за кромкой деревьев, Ка Фрей простерла к светилу руки и, озаренная меркнувшим светом, воскликнула:

— О лучезарный Индра! Моя надежда на счастье исчезла так же быстро, как исчезает Твой огненный лик за краями земли! Я не ропщу, ибо знаю, что боги велят людям стойко сносить посланные испытания. И все же мне грустно.

Она посмотрела на зеленую маску, валявшуюся на дне лодки, и добавила:

— Что ж, по крайней мере, я теперь не анупра...

— Так выкинь эту дрянь в реку, — посоветовал Конан. Девушка подняла печальные глаза.

— Не могу. Никто не поверит мне на слово. Вот если бы ты...

— Нет, — резко оборвал киммериец.

— Я не прошу тебя навсегда оставаться со мной, — робко настаивала она, — я помогла

тебе освободиться, так помоги и мне... Умоляю!

— Разве ты не говорила, что, сделав тебя женщиной, я избавил тебя от закона варим?

— Это так, супруг мой, но это требует подтверждения. Дваждырожденный, коснувшийся анупры, обязан объявить свое деяние. Через две луны наступит праздник Калипуджа, и в Городе Слона правитель Гадхары будет являть подданным свою милость. Это светлый праздник...

— Калипуджа? — переспросил Конан. — Торжества в честь Богини Смерти?

— Да, — кивнула Ка Фрей, — но Хали не только Богиня Смерти, она дарительница любви и страсти...

— Кром, — вырвалось у киммерийца, — воистину мозги вендейцев устроены иначе, чем у остальных людей! Или ваши жрецы слишком много времени проводят под палящим солнцем. А может быть, они навострились так ловко путать черное и белое, чтобы легче дурить простакам головы и не лишаться щедрых подаяний.

— Не говори так, — испуганно воскликнула бывшая анупра, — Хали может рассердиться! Она отпустила тебя, но это не значит, что Девятирукая не следит за нами...

Варвар только хмыкнул и сильнее налег на весла. Вендейские боги были многочисленны, им приносили кровавые жертвы, но он их не боялся. Киммериец почтит Митру, Крома и знал, что на Серых Равнинах каждого ожидает в конце земного пути правитель царства мертвых Нергал. Остальные божества были для него лишь демонами, часто выдуманными, а с остальными он надеялся справиться.

— Так что ты говорила насчет праздника? — спросил он, чтобы отвлечь вендейку от мрачных мыслей.

— Во время Калипуджи раджуб Гадхары особо добр со своими подданными. Если мы явимся в его шатер, и ты объявишь, что берешь меня в жены... Нет-нет, не хмурься, кшатрий, это только для людей! Ты — млечх, и можешь обручиться со мною по законам, не писанным для вендейцев. А потом уйдешь, куда хочешь, а я скажу людям, что ты не захотел взять меня с собой. Мне, конечно, вымажут лоб зеленым, но маску я все же смогу выбросить в Озеро Снов.

Она печально вздохнула, взглянула на звезды и добавила:

— Может быть, Одноногий Синг, который займет место раджуба на три луны, позволит мне последовать за ним...

Конана не слишком заинтересовали ее последние слова, но он все же спросил, чтобы скратить время:

— Кто этот Одноногий Синг? Расскажи мне о нем. Ка Фрей принялась рассказывать, а киммериец слушал ее со все возрастающим вниманием.

Он узнал, что в Гадхаре сохранился древний обычай, согласно которому раз в четыре года в месяце меак правитель на три дня отрекался от престола, а место его занимал временный суверен. В эти дни раджуб не занимался государственными делами, не прикасался к печатям и даже не взимал податей со своих подданных. Вместо него временно правил Одноногий Синг. В день, на который звездочеты назначали открытие очередного праздника Калипуджа, он появлялся из огромного шатра и шествовал по городу в сопровождении торжественной процессии.

Сидя в роскошном паланкине, он ехал на украшенном золотой накидкой слоне, а за ним следовали вельможи, воины и толпы народа. Обойдя улицы столицы, временный раджуб возвращался во дворец и рассыпал во все концы княжества посланников, чтобы те собрали

как можно больше товаров в лавках и на базарах. Даже суда и джонки, прибывавшие в эти дни по реке в местную гавань, подлежали конфискации и должны были выкупаться своими владельцами, если на то были согласие Одноногого Синга.

На третий день временный властитель отправлялся на главную площадь, где приказывал с помощью слона растоптать рисовую гору. Люди брали по горстке этого риса, чтобы обеспечить богатый урожай. Часть зерен приносили настоящему раджу, который приказывал сварить его и отдать брахманам. На этом царствование Одноногого Синга заканчивалось, и его отпускали с собранными богатствами и теми, кто хотел за ним следовать, на все четыре стороны.

Слыши столь чудные вещи, варвар греб все медленнее. Более всего его занимала таинственная личность Одноногого, который, по его разумению, мало того, что славно проводил время в Города Слона, так еще и получал немалые богатства за свои необременительные обязанности.

Однако из дальнейшего рассказа вендийки выяснилось, что никакого Одноногого Синга вовсе не существует.

Вернее, им мог стать каждый, кто прошел ряд испытаний, посвященных некоему герою древности, некогда спасшему племя гадхарцев — от чего именно, девушка толком не знала. Обычно это был кто-нибудь из приближенных раджу, так что богатства никуда не упывали из государства, а служили немалым дополнением к ежемесячным податям. Но, случалось, на престол садился простолюдин из тех, кто побойчай да побезрассудней. Так что претендентов на праздник Калипуджа стекалось немало, а их состязания служили любимым развлечением гадхарцев.

— Но почему временный раджуб зовется Одноногим? — спросил Конан, в голове которого уже крутились кое-какие интересные мысли.

— Очень просто, — объяснила его спутница, — прежде, чем заставить слона растоптать рисовую гору, Синг должен простоять на одной ноге как можно дольше. Брахманы танцуют вокруг него, держа в руках рога буйволов, которыми черпают воду из Священного Котла и окропляют ею присутствующих на празднике. Если Синг выстоит, пока вода не кончится, это хороший знак, если коснется ногой помоста — знак дурной. Раньше за это сразу убивали, а теперь отправляют в Храм Хали, и уж Богиня Смерти решает, помиловать Синга или вырвать ему сердце.

— А велик ли котел? — спросил Конан.

— Котел велик, — отвечала Ка Фрей, — но стоящему на помосте дозволяется держаться рукой за деревянный шест...

Такое испытание показалось варвару детской игрушкой. Да, может, оно таковым и было, если учесть, что роль Одноногого Синга приходилось играть приближенным раджу.

— Значит, — сказал киммериец, — если кто-нибудь победит в состязаниях, а потом простоят на одной ноге возле этого дурацкого котла, он получит все, что успел присвоить за три дня сидения на престоле Гадхары?

— Такова воля богов! — горячо воскликнула Ка Фрей. — И если бы Сингом в этот раз стал ты...

— Какая сообразительная, — проворчал варвар, табаня левым веслом и разворачивая лодку вниз по течению.

ГЛАВА 6. Водопад. На краю гибели

O

на пролетела!

— Кто?

— Птица!

Конан обернулся через плечо, но увидел только полосу звездного неба над рекой, залитой ровным лунным сиянием.

— Мало ли тварей летает, — проворчал варвар, лениво подгребая веслами. Течение легко влекло лодку к югу,

— Птица пролетела слева направо, — испуганно сказала девушка, — а это дурной знак...

— Ты что, умеешь гадать по полетам?

— Но это всякий ребенок знает...

— Если снова появится, скажи, я подстреляю ее нам на завтрак. — Киммериец толкнул ногой колчан, лежавший на дне лодки.

Вода негромко плескалась за бортом. Яркий диск ночного светила висел над черной стеной джунглей, близко подступавших к берегу. Все вокруг было залито белым сиянием, насыщавшим мрак, словно серебряная взвесь. Даже тень, скользившая рядом с лодкой, виднелась сквозь слой лунного света, как сквозь легкую белую пыль. Казалось, зачерпни воздух корзиной, и она наполнится неведомыми доселе драгоценностями...

Девушка тихо вскрикнула и подняла руку.

Конан взглянул — треугольник четких крупных птиц медленно перерезал диск луны, скользя по океану призрачного света, перемешанного с крупнымиискрами звезд. Они плыли на широко распластанных неподвижных крыльях, беззвучно снижаясь к реке.

— Девятирукая послала своих слуг, — прошептала Ка фрей, испуганно прижимая ладошки к груди. — О млеччх, зря ты смеялся над богиней...

— Это всего лишь птицы, — откликнулся киммериец, — что они могут нам сделать?

Вендийка не ответила. Варвар налег на весла, подгоняя лодку и стараясь держать ее посредине реки. Птицы сделали широкий круг, пройдя в полете стрелы над их головами, и снова поднялись над вершинами деревьев.

Девушка неподвижно застыла на корме, в ужасе наблюдая за черными летунами. Теперь птицы, сломав треугольник, выстроились цепочкой, следя за вожаком — крупным, острокрылым, с длинным, похожим на ятаган клювом и зелеными бусинами немигающих глаз. Он несся вниз, со свистом рассекая воздух, и вдоль его крыльев струились потоки серебристого света» словно языки холодного пламени...

— Бери весла! — крикнул Конан, подхватывая лук и колчан. Он вынужден был повторить свой приказ, прежде чем вендийка поняла, что от вас требуется и пересела с кормы на единственное сиденье лодки. Она схватила бамбуковые ручки весел и неумело попыталась грести.

Конан подался назад и, встав на колени, поднял лук и наложил стрелу. Вожак был локтях в тридцати, и киммериец не сомневался, что попадет птице в грудь. Но, как только он выстрелил, летун упал на левое крыло, заложил крутой вираж и увел стаю вверх. Описав широкую дугу, стрела со всплеском упала в воду.

Ругнувшись, варвар снова пустил летающую смерть в сторону стаи. На этот раз одна из

птиц, кувырнувшись в воздухе, рухнула в реку. Ни вскрика, ни стона — только плеснула и вновь сомкнулась искрящаяся волна. Не обратив на гибель своего товарища никакого внимания, остальные образовали кольцо и закружили над лодкой, все ускоряя полет. Стремительный хоровод превратился в черное кольцо, косо повисшее над рекой: опускаясь, птицы едва не задевали поверхность воды острыми концами длинных крыльев, и снова взмывали вверх, чтобы, поднявшись тенями выше лунного диска, опять нестись вниз по широкой дуге...

Конан посыпал стрелу за стрелой, и большинство стрел находили цель. Взметая брызги, пронзенные птицы навсегда исчезали в реке, но, казалось, их не становилось меньше. Увлеченный охотой, варвар слишком поздно понял, что его выстрелы наносят стае не больший урон, чем укусы клопа слону: летуны не собирались на них нападать, а, кружая над лодкой, преследовали какую-то иную, неясную еще цель.

Ка Фрей совсем не умела грести. Несколько раз лодку разворачивало так, что она черпала воду низкими бортами, и только течение заставляло посудину лечь на прежний курс. По лицу вендики текли слезы, она что-то беззвучно шептала, видимо, молилась своим богам...

Наконец Конан понял, чего добивались птицы. Проносясь всего лишь в трех локтях от правого борта, их стремительный хоровод неумолимо теснил лодку к левому берегу, густо заросшему тростником и осокой. И там, в темной протоке, куда влекло боковым течением, крутился и кипел белой пеной широкий водоворот...

— Выгребай на стремнину! — крикнул он, чувствуя, как содрогаются борта от нараставшего бега воды. — Левым, левым сильнее!

Тщетно. Вендики бестолково била веслами, поднимая тучу брызг, пока не выронила один гребок. Она бросила уцелевшее весло на дно лодки и согнулась на своем сиденье, закрыв лицо руками. Птицы разорвали кольцо, снова построились треугольником — на острие, словно наконечник гигантской стрелы, зловеще блестел в лунном свете огромный клюв вожака...

— Кром, Нергал и все демоны преисподней! — Варвар взревел подобно боевому слону. — Я достану тебя, будь ты самой Хали!

Он потянул из колчана стрелу — предпоследнюю.

Огромная птица летела вниз, а за ней на широко распластанных крыльях падала зловещая стая, Вода кипела за кожаными бортами — до бурунов оставалось локтей тридцать.

Конан наложил стрелу и тщательно прицелился. Зеленые глаза, словно две падающие звезды, неслись прямо на него, холодные и безжалостные, несущие смерть...

Киммериец выстрелил. Вожак метнулся в сторону, но на этот раз он оказался слишком близко — стрела пронзила крыло, и птица, издав жалобный, почти человеческий крик, полетела к берегу, тяжело перевалила через вершины деревьев и исчезла за кромкой леса. Вслед за вожаком потянулись остальные — безмолвные, словно клочья тьмы на фоне лунного сияния.

Конан толкнул вендику на корму и, схватив единственное весло, попытался направить лодку в сторону от водоворота. Слишком поздно — стремительный поток неумолимо увлекал хлипкую скорлупку к кипящим белой пеной бурунам.

— Держись!

Они упали на дно лодки, которую трясло и раскачивало, словно кто-то бил по ней огромным молотом. Удар, треск...

Киммериец поднял голову и увидел, что водоворот исчез, а их несет среди высоких тростников куда-то вглубь зарослей — стебли гнулись под напором воды, рядом с лодкой, поблескивая мокрыми шкурками и красными бусинами глаз, плыли какие-то мелкие зверьки.

Вскоре миновали причину потока — каменная плотина, державшая прежде заводь, рухнула, образовав большую прореху, куда вода текла с глухим шумом. Через нее и вынесло лодку.

Конан пожалел, что не бросился за борт прежде: хотя течение и до запруды было сильным, все же он мог бы с ним бороться и доплыть до твердой земли. И девушку вытащил бы — за волосы, как придется, но вытащил бы. Здесь же, в каменистом русле, вода с грохотом неслась между камней, по галечным перекатам, ворочая упавшие стволы и крутя мелкий мусор. Добротная лодка, выменянная на доспехи немедийского рыцаря, трещала по швам — кожа, обтягивающая борта, расплзлась, холодные струйки текли сквозь прорехи, и ноги девушки уже скрыла скопившаяся на дне вода. А впереди, перекрывая рокот стремнины, нарастал еще более мощный и страшный рев — рев бездны...

— Водопад! Нас несет к водопаду! — Варвар скорее догадался, чем услышал слова вендики.

Он и сам понял, в какую ловушку загнали их посланцы Хали, и отчаянно искал выход. Справа темнел высокий скалистый берег, но до него было неблизко, а течение было столь стремительным, что и речи не шло, чтобы добраться до него вплавь. Их несло между камней, накрывая холодными брызгами, каждый миг они ожидали удара, который превратит в щепки их утное суденышко. И тогда даже недюжинная сила киммерийца окажется бесполезной: поток увлечет их беспомощные тела в пропасть, навстречу демонам водяной бездны. Надо было что-то предпринять, и предпринять немедленно.

— Раздевайся! — вдруг крикнул варвар, перекрывая рев стремнины. — Живее!

Ка Фрей подняла свое бледное лицо, мокрое от слез и брызг, в ее глазах стоял ужас. Она смотрела на киммерийца, словно на чудовище, готовое ее поглотить. Она решила, что он лишился рассудка перед лицом смерти, и беззвучно молила богов послать ей гибель в волнах потока.

Стоя на коленях, Конан достал из колчана последнюю стрелу и показал девушке.

— Ткань, — прохрипел он, — размотай ее! И, махнув в сторону берега, крикнул:

— Пущу стрелу в дерево!

Она наконец поняла и принялась судорожно разматывать свое импровизированное сари. Киммериец подхватил край матерчатой ленты и крепко привязал к оперению стрелы. Другой конец намотал на руку и поднял лук.

Рев водопада приближался. Скалистый откос несся по правому борту, в расщелинах кое-где темнели деревья, но они были слишком тонкими, чтобы попытаться всадить в них стрелу. У него была только одна стрела и одна попытка, от которой зависели две жизни. О боги, пошлите дерево, крепкое толстое дерево, остальное он сделает сам!

И боги послали то, что он просил. Варвар успел заметить огромную тень наверху откоса, в тот же миг силуэт дерева мелькнул под скалой, и киммериец спустил тетиву. Его рвануло так, что он чуть было не вывалился за борт, но удержался и удержал лодку — связанная с берегом матерчатой лентой, она запрыгала по бурунам, приближаясь к спасительной отмели.

Но если светлые боги, казалось, посыпали спасение, темные силы возвели между

лодкой и берегом каменистый порог, гребнем выступавший из воды, — в него и уперся кожаный борт, прекратив движение к суще. Матерчатая лента светлела над стремниной, натянувшись косой струной от руки варвара к дереву — спасительная нить, готовая вот-вот лопнуть.

Осторожно киммериец принялся наматывать ткань на запястье, подтягивая лодку вперед. Борт царапал о камни, вода текла внутрь, и все же посудина мало-помалу двигалась вдоль гребня, который кончался шагах в десяти. Добраться до конца порога, а там течение само прибьет к берегу...

Нос лодки уже приближался к концу гребня, когда сверху упала черная тень. Огромная птица, тяжело взмахивая крыльями, зависла над матерчатой лентой и вонзила в ткань острые когти. Миг — и спасительная лента лопнула, поток подхватил лодку и, крутя, словно щепку, повлек навстречу висевшей над водопадом искрящейся в лунном свете стене брызг.

Многоголосый торжествующий рев водяных демонов рвался из бездны. Они готовились поглотить добычу, ликуя в предвкушении жертвы, — тысячи бесплотных созданий, детей ветра и потока, извечных врагов смертных... А на врагов, кто бы они ни были, Конан всегда шел с мечом. И сейчас, задыхаясь в плотной стене водяной пыли, он вскочил на ноги и, чудом удержав равновесие, выхватил из заплечных ножен немедийский клинок, готовясь вступить в последнюю, безнадежную битву...

Этот отчаянный порыв не пропал даром: какая-то тень возникла в водяном тумане, стремительно приближаясь, темной линией прочерчивая искрящуюся взвесь. В последний момент поняв, что это нависнувшее над краем пропасти дерево, Конан поднял меч и изо всех сил всадил лезвие в ствол. Ему показалось, что мускулы его лопнут, перед глазами поплыли красные круги, но он задержал роковое падение. Крепко сжимая обеими руками рукоять меча и чувствуя, как разваливается под ногами лодка, киммериец молил всех вендийских богов, чтобы его спутница успела понять, что нужно делать...

Она поняла и крепко обхватила его за пояс. В тот же миг обломки лодки канули в бездну, и они повисли над пропастью.

Однако водяные демоны не склонны были столь легко расставаться с добычей. Дерево было слишком старым, а Конан — слишком тяжелым, чтобы продержаться над водопадом более трех вздохов. Клинок выскоцил из ствола, и люди полетели в бездну...

Но, прежде чем их тела скрылись в бушующем потоке, сверху упала зеленая сеть, подхватила и повлекла наверх и дальше — к берегу. Киммериец успел заметить поросшие рыжей шерстью руки, тянувшие скользкие нити, и желтые клыки в губастых пастиах, больно ударили спиной о камни и тут же, в ярости разрубив пугы, вскочил, готовый к схватке.

И никого не увидел. Берег был пуст, тускло отсвечивали под луной скалы с темнеющей поверху рваной полоской леса.

Ка Фрей стояла на коленях, воздев тонкие руки, и тихо пела.

— Сома, Сома, светлый бог ночи, — услышал Конан, — аи нам успокоение и мирный сон, даруй радость забыться и сладость полей тумана...

— Самое время подремать, — сердито буркнул варвар, не убирай меча в ножны, — сдается мне, нас вытащили из воды вовсе не для того, чтобы предложить мягкую перину. Мне показалось, это были обезьяны...

— Они служат якшам, — прошептала вендийка.

В это время наверху скалы тускло затеплился неяркий огонь. Кто-то спускался по тропинке, освещая путь фонарем.

ГЛАВА 7. Костер. Падение ямбаллахов

от, — сказал Тримрапарттрапутахасуптантрапеша, — дальше — земля Вонючих Болотников. — Плохо. Едят людей.

— А я-то думал, это якши падки на человечинку, — подначил своего нового знакомца Конан, разглядывая плотную стену колючих кустов, среди которых, словно вход в пещеру, темнела прогалина, где начиналась тропинка.

Они стояли на краю небольшой поляны, поросшей высокой травой и желтыми цветами — киммериец, вендейка, вожак недоросликов и пяток его лупоглазых соплеменников. Соплеменники угрюмо молчали, сжимая в лапах свои кривые дубинки, и каждый не спускал одного глаза-пузыря с людей, а зрачком другого настороженно озирал окрестности.

— Базарные сказки, — сказал вожак, не понимавший шуток. — Верить не надо. Якши не едят людей, якши любят женщин. Я говорил.

Варвар уже слышал историю лесного племени: у костра, возле которого они с девушкой сушили одежду и угощались какими-то довольно сладкими корешками, испеченными на углях. Недорослики бродили поодаль, к костру не присаживались — то ли не могли забыть обиду, нанесенную киммерийцем, то ли просто его побаивались. Только их вождь, так и не сняв свою зеленую шапку, отороченную крашеным мехом неведомого зверя, устроился рядом с людьми и даже вступил с ними в беседу.

На берег, куда стая обезьян перенесла в сплетенной из лиан сети чуть было не ставших добычей водяных демонов путников, Тримра (так для краткости окрестил его киммериец) явился один. При нем не было оружия, только фонарь из выдолбленного ореха, в котором что-то, как ни странно, булькало и тлел неясного происхождения огонек. Завидев своего давшего похитителя, Ка Фрей испуганно прижалась к северянину, поминая Таттара-Рабугу и нервно потирая пальчиком переносицу — жест, согласно поверьям вендейцев, охраняющий от нечистой силы.

— Я пришел мирный, — возгласил недорослик, потрясая для убедительности уже виденной Конаном грамотой. — Наши слуги, имеющие хвосты, спасли вас.

— Зачем? — недоверчиво спросил варвар, направив в грудь якши острие меча и настороженно оглядывая склон.

— У нас мир с людьми, — заявил Тримра важно. — Еще — ты друг Деви. Она отблагодарит.

— Я отнял у тебя добычу, — напомнил киммериец.

— Это право сильного. Мы найдем другую женщину.

— Чтобы съесть?

— Чтобы родить потомство. Пойдем к нашему костру. Мы дадим вам сладких паттахашара, Я расскажу, зачем нужны женщины.

Немного поразмыслив, Конан решил воспользоваться сим любезным приглашением. Тем более, что дорога из этого гиблого места была неведома даже вендейке. Если якши затаили коварное намерение напасть на них, что ж, у него достанет сил проучить лесных уродцев и навсегда отбить у них охоту нападать на людей. Хотя бы на киммерийцев, если, конечно, какому-нибудь его земляку придет в голову безумная мысль отправиться в джунгли Вендии.

Они взобрались по крутой тропинке и оказались возле большой деревянной статуи обезьяны, мельком виденной Конаном с реки. Идол был старый, поросший лишайником, обвитый лианами, локтей двадцать высотой. Имел он три лика, один обращенный к реке, а

два других — в сторону троп, разбегавшихся от подножия истукана. Тропа пошире уходила вглубь джунглей, другая вилась по кромке обрыва мимо идола и убегала дальше, теряясь среди обломков скал. Обезьяна была многорукой: две лапы прикрывали глаза, устремленные на реку, две другие зажимали рот морды, таращившейся на уходившую в заросли тропу, последняя пара прикрывала рот третьего лика.

Возле ног истукана горел небольшой костер, а на плечах гигантской обезьяны сидели ее живые сородичи — со скрещенными на груди лапами, безмолвные и важные.

— Это ваш бог? — кивнул киммериец на идола.

— Рапрапаратрукравапрадеша, — торжественно объявил вождь якшей, — Отец Народов.

Варвар хмыкнул. Хорош отец! Если какие народы и произошли от этого чучела, то только не киммерийцы. Может быть, якши. Впрочем, вендийцы тоже могли иметь своим предком хвостатое чудовище, не зря их презирают за хитрость, двуличие и склонность выражать свои чувства лицемерными гримасами.

— Почему у него три башки?

— Башки?

— Ну головы, морды.

— О, — сказал Тримра и пошевелил ноздрями, как бы к чему-то принюхиваясь, — Отец Народов мудр. Не хочет смотреть на бурный поток жизни. Презирает. Не хочет слышать пустых речей. Не боится. Молчит о тайне. Знает.

— А ты знаешь тайну? — живо спросил варвар, вспомнив слухи о лесных кладах, охраняемых племенем лупоглазых карликов.

— Знаю, — отвечал якша, — но не понимаю.

Конан не нашелся, что противопоставить столь странному заявлению, скинул промокшую одежду и, оставшись в одной набедренной повязке, уселся возле костра и принял поданные якшами коренья, оказавшиеся хоть и приторными, но весьма сытными. Перевязь с мечом киммериец предусмотрительно положил под руку. Ка наотрез отказалась скинуть свою юбочонку и короткую кофточку — сушилась одетой, поворачиваясь к огню то одним, то другим боком, со страхом поглядывая на сновавшие в полумраке низенькие тени.

— Ты обещал рассказать, зачем вы похищаете женшин, — напомнил варвар, когда немного уголил голод. Единственное, о чем он жалел, было отсутствие вина — на запивку подали кокосовые орехи. И Тримра поведал историю своего племени.

Когда-то его народ владел обширной страной, лежавшей далеко на севере, за Гимелийскими горами, степями и тундрами, за морем, покрытым ледяными торосами. Там было тепло, потому что страну окружали высокие хребты, не дававшие холодным ветрам проникнуть в долины, и горы эти часто плевались огнем, а вода в озерах была горячей и часто взлетала вверх кипящими струями. Карлики тогда не были карликами, были они настоящими великанами и звались ямбаллахами. Во главе народа стояли мудрые правители, именуемые мажиками, и предки Тримры жили в мире и довольствии.

Северную страну населяли и племена людей, прозябавших в дикости и ничтожестве. Звались они по местам обитания — «люди болот», «люди полей», «племена оврагов» — постоянно воевали друг с другом и потихоньку вымирали. Иногда племена объединялись и шли воевать ямбаллахов, влекомые алчностью и гордыней: крепости предков якшей полнились золотом и самоцветами, а в роскошных дворцах имелось немало диковинок, память о коих теперь уже стерлась. Люди ни разу не смогли взять ни одной крепости, они во множестве погибали под ударами мощного оружия, о котором сохранились лишь смутные

предания: известно только, что имелись у ямбаллахов огненные диски, поражавшие врагов сотнями, и громовые стрелы, разившие тысячами.

Так бы и сгинул род людской, обитавший по соседству с великанами, если бы не явилось неведомо откуда племя ругов, хитрых и жестоких воинов, идущих в бой обнаженными, с одним лишь каменным топором в руке. Очень скоро руги стали собирать дань со всех родов, но этого им показалось мало: старейшины племени замыслили коварством одолеть самих ямбаллахов.

Легенда гласит, что в один далеко не прекрасный день явились от них благообразные старцы, безоружные, лишь с музыкальными инструментами в руках. Они были допущены в столицу пред очи мажика и, усевшись рядом, ударили в струны и жалобно запели песню-мольбу, суть коей сводилась к нижайшей просьбе всех подвластных и неподвластных ругам племен дать им мудрых наместников, дабы мир и согласие воцарились среди людей.

Правитель ямбаллахов весьма возрадовался подобным оборотом дела: был он существом просветленным и не терпел войн и убийств, прибегая к своему чудесному оружию лишь в качестве обороны от докучливых дикарей. Он отрядил наместников, которые поставили города на берегах рек и обучили племена хлебопашеству, ремеслам, и торговле. Лишь тайну своего оружия скрыли ямбаллахи.

Руги же, согласно коварному плану, вели себя ниже травы,тише воды, а их вожди даже поселились в столице великанов, якобы для того, чтобы учиться искусству управлять народом своим, на самом же деле лелея лишь одну корысть: овладеть секретом великого разрушения. И весьма в том преуспели.

Надо сказать, что женщин у ямбаллахов было мало, очень мало. В чем причина тому — Тримра не ведал. В легенде глухо поминался какой-то Путь, пройденный ямбаллахами прежде, чем великаны попали в северную страну посреди ледяного моря. Откуда они пустились в дорогу и почему не взяли с собой достаточно женщин, оставалось неясным. Как бы то ни было, хоть и жили великаны по три сотни лет, но лишь у каждого сотового рождался наследник, и предкам якшой рано или поздно грозило вымирание.

Когда вожди ругов завоевали доверие своих новых покровителей, один из них, называемый громким именем Победитель Света, предложил мажику, в знак дружбы и взаимного расположения, одну из своих жен, красавицу Светапху. Надо полагать, красавица была не в восторге от подобной перспективы, но покорилась воле грозного супруга и возлегла с великаном, который оказался, несмотря на изрядные свои размеры, нежным и страстным любовником. От этого союза родился маленький ямбаллах, ставший наследником повелителя. Ростом он вышел не больше обычновенного человека, но в остальном во всем походил на отца и силой обладал неимоверной.

С тех пор и повелось среди предков якшой брать в жены человеческих женщин. Иногда от этих союзов рождались ямбаллахи, иногда люди, и вскоре кровь великанов и ругов, державших первенство среди племен, настолько перемешалась, что стали они почитать друг друга ближайшими родственниками и во всем друг другу доверять.

Вернее, доверчивыми оказались великаны: руги же, помня о цели своего плана, в конце концов завладели тайной чудесного оружия и изгнали ямбаллахов из страны. Сему предшествовала великая битва у подножия священной горы Меру, и вождь ругов Ория одолел в ней мажика ямбаллахов с его войском.

Лишевые своих огненных дисков и громовых стрел, великаны бежали через горные хребты, переплыли море на огромных льдинах, преодолели тундры, хвойные леса, степи и

пустыни и добрались наконец до отрогов Гимеяии. Они погибали в пути, сражаясь с рыжими бесхвостыми обезьянами, гигантскими белыми червями, обитавшими в ледяных торосах, умирали от голода в тундрах, падали под ударами каменных топоров одногоних людей-прыгунов и стрелами кочевников с изуродованными шрамами лицами. Они срывались со скал, атакуемые огромными орлами, и задыхались в ядовитых испарениях, текущих зелеными дымами из недр земли. До укромной долины посреди Химелейских гор дошли немногие. Из женщин-ямбаллахинь — никто.

С тех пор страх поселился в сердцах предков якшей, страх и тоска по уграченному могуществу. Они обитали в горных пещерах, зарываясь все глубже под защиту крепких скал. От тесноты и недоедания рост их от поколения к поколению уменьшался, а знания мудреных наук утрачивались, пока не исчезли вовсе. Чтобы поддерживать род свой, якши (так стали они называться) похищали женщин в ближайших селениях, чем снискали ненависть местных жителей, преследовавших карликов, словно диких зверей.

Если женщина рожала якшу — ее оставляли жить в племени, если рождался человеческий детеныш — его убивали вместе с матерью. Так продолжалось до тех пор, пока Сома, великий бог Луны, не обратил свой милостивый взор на вымирающее племя. Он открыл якшам уграченную тайну долголетия и повелел не убивать рожениц, а отпускать их восвояси вместе с ребенком, буде таковой окажется человеком. Женщины, конечно, хранили тайну родов, опасаясь проклятия единоплеменников, и уходили в иные земли, чтобы воспитывать своих незаконнорожденных чад. Если же рождался маленький якша, мать его окружали почетом, и жила она на положении королевы, пока не умирала от старости. Находились такие женщины, что сами являлись к низкоросликам, ожидая щедрых даров и почестей. В последнюю же сотню лет якши похищали исключительно ануупр, исчезновение коих не вызывало особого беспокойства — неприкасаемые давно научились ценить жизнь членов своей касты не более чем судьбу ничтожного муравья, ползущего по тропинке.

— Эта женщина зря боялась, — заключил свою повесть Тримра, почесывая огромную ступню и кивая на Ка Фрей, — якши умеют любить.

При этих словах девушка вздрогнула так, словно ее снова окатили холодной водой.

— Представляю, — буркнул Конан, обнимая вендику за плечи. — А что, эти руги и по сей день владеют чудесным оружием?

— Никто не знает, — отвечал недорослик, — никто не слышал. До них нельзя дойти. Лед. Замерзнешь.

— Если нельзя дойти, можно долететь, — задумчиво проговорил варвар. Ему не раз приходилось совершать путешествия по воздуху с помощью существ странных или магических чар. Воспоминания были не из приятных, но ради огненных дисков и громовых молний рискнуть бы стоило.

Тримра прикрыл глаза тонкими морщинистыми веками, пожевал губами, подвигал плоским носом — то ли недоумевал, то ли гневался. Впрочем, заговорил как всегда ровно и лаконично:

— Нельзя долететь. Огненные горы. Сильный ветер — вихрь, по кругу. Погибнешь.

— Ну, это еще тетушка языком сметану не взбила, — проворчал киммериец. — Нет такого места, куда нельзя попасть.

Карлик промолчал.

— Ты забыл, что у меня есть Плод Желаний, — продолжал варвар, — что, если мне попросить у него летучую колесницу? Или, еще лучше, просто перенестись в страну ругов?

Тримра уставился на него обоими зрачками. На этот раз на его уродливом лице явно читалось удивление.

— Так не бывает, — сказал он, подумав.

— Не бывает? Так на что же годится этот дурацкий орех?!

— Желания исполняет. Не так, как думаешь. Сбывается то, что может сбыться. Можешь найти летучую колесницу. Но она не возникнет из воздуха. Надо искать. Если где-то есть, получишь.

— А если нет?

— Не получишь.

Конан не удержался и досадливо плонул в костер. Стоило тащиться к Нергалу на рога, чтобы обзавестись вещицей, которая не способна даже построить воздушный корабль! О том, можно ли сразу перенестись в таинственную северную страну за ледяным морем, он не стал и спрашивать.

Но потомок великанов словно прочел его мысли.

— Раньше было можно, — сказал он и снова почесал покрытую черной дубленой кожей ступню, — когда кальпаврикша была большая. Сейчас хуже. Корни гниют, воды мало.

— Теперь совсем загнется, — не без злорадства сказал Конан, — без хранителя.

— Нет, — спокойно возразил Тримра, — к дереву уже идет Алхутдин из Ханасула. Кальпаврикша не бывает без Стражи.

— Кого же он станет убивать?

— Никого. Жрецы Хали скажут — будет десять лет плода ждать.

Пожалев мысленно неведомого Алхутдина из Ханасула, которому предстояло столь долгое время обходиться без женщин, не стричь волосы и кормить лесных клопов, Конан решил, что сам бы не согласился на подобное времяпровождение даже ради чудесного оружия ругов. За десять лет можно было осуществить многое и без помощи волшебного плода.

— Что ж, — сказал он, хлопнув себя по голым коленям, — придется, видно, обойтись без помощи орешка. Думаю, за три дня, которые я намерен просидеть на престоле Гадхары, мне удастся стать человеком небедным. А за золото да драгоценные камни можно купить все, даже проводника через льды и цепь огнедышащих гор. Ты повсюду бываешь, карлик, все знаешь — не скажешь ли, когда случится праздник Калипуджи?

— Послезавтра.

— Мать нергалья! — ругнулся киммериец. — Чего же мы сидим? Вставай, женщина, надо спешить в Город Слона!

— Сейчас ночь, — робко возразила девушка, — и птицы... Они будут нас ждать.

— Есть другая дорога, — сказал Тримра, махнув лапой в сторону тропы, убегавшей вдоль берега. — Плохая. Но птиц Хали нет.

— А кто есть? — поинтересовался Конан.

— Вонючие Болотники.

Конан уже почти привык к неприятному запаху, исходившему от якшей, но при этих словах тут же представил, как должно разить от Болотников, если даже лесные карлики именуют их вонючками.

— Кто такие и с чем их едят? — поинтересовался он. Тримра понял слова киммерийца буквально.

— Их не едят, нет. Худые, мяса мало. Только голодные ягуары. Болотники едят друг друга

и пленных. Совсем дикие.

Свое объяснение насчет плохой земли и дурно пахнущих людоедов он повторил на следующее утро, когда якши проводили высавшихся и подкрепившихся коренями путников по тропинке к колючим зарослям. Несколько обезьян во главе с крупным рыжеватым самцом увязались следом. Вожак скалил зубы, словно улыбаясь, и шевелил кустистыми бровями, над которыми алели две огромные бородавки.

— Пройдете кусты, дальше — вдоль, — напутствовал Тримра. — Высоко, сухо, идти легко. Внизу болото. Там сидят вонючки. Надо опасаться.

— Уж как-нибудь, — проворчал Конан.

— Дальше — холмы песьеволовых. Надо идти по краю.

— Песьеволовых?

— Люди с собачьими головами. Нападают редко. Вам нет до них дела.

— Что ж, — согласился варвар, — пока им на нас плевать, нам тоже. Главное побыстрее добраться до Города Слона.

— Спуститесь вниз, там река, — продолжал объяснять Тримра. — Нужно плыть. Близко Аккасар.

— Это наш поселок, — вставила Ка Фрей, — там живут неприкасаемые. О Таттара-Рабуга, помоги нам!

Конан прикинул, что можно будет построить плот и переплыть реку, о которой говорил якша. Сам он мог бы пуститься и вплавь, если бы не крокодилы, во множестве обитавшие в водоемах Вендии. Да и его спутница, судя по тому, как она вчера неумело орудовала веслами, была не в ладах с водной стихией.

Киммериец уже собирался рас прощаться с карликами и углубиться в заросли, когда Тримра, придержав его за руку, сказал:

— Мы вместе сидели у огня. Глотали один дым. Теперь — дружба. Прими подарок, человек.

И он протянул фонарь из выдолбленного ореха, которым давеча освещал себе дорогу. Варвар принял дар и внимательно его осмотрел. Сбоку ореха имелось круглое оконце, забранное похожим на слюду прозрачным веществом, сверху были просверлены маленькие дырочки, внутри явно плескалась какая-то жидкость.

— Не слыхивал, чтобы огонь горел в воде, — растерянно сказал Конан.

— Это не огонь, — пояснил вождь недоросликов, — полип. Живет внутри, когда темно — светится.

Киммериец понимающе кивнул.

— Полезная вещь. Спасибо.

Он снял с пальца перстень с крупным агатом и протянул Тримре.

— Прими и ты, якша.

Карлик молча поклонился, взял подарок и засунул за отворот шапки. Потом гукнул, и вся орава в сопровождении обезьян пустилась бежать обратно по тропинке и через миг скрылась за поворотом.

Вендийка облегченно вздохнула и воскликнула:

— Хвала Лакшми! У меня леднеет сердце, как представлю, что чуть было ни стала женой этого отвратительного уродца!

— Да брось ты, — добродушно усмехнулся варвар, — совсем неплохие ребята. Хотя мыться им не мешало бы почще.

ГЛАВА 8. Болото. Смерть королевы

то утро Бертудо был приглашен в покой умирающей королевы. Мажордом, прибывший для доклада, плеснул ему в лицо пригоршню грязи и показал дохлую ящерицу. Жрец только покорно улыбнулся: люди племени йухе всегда мазали друг друга чем-нибудь зловонным, когда хотели привлечь внимание и вступить в разговор. Впрочем, иногда они кололись костяными иголками, что было гораздо неприятнее.

По дороге к покоям королевы мажордом забыл о цели своего визита, упал на колени в болотную жижу и принял ловить ртом жирного червяка. Охота удалась: червяк был зажат гнилыми зубами придворного и приготовился к смерти. Бертудо поспешил очертил ладонью круг, благословил трапезу и резво удалился, хлюпая босыми ногами: высшим оскорблением для йухе было созерцание кем-либо посторонним священного процесса поедания пищи.

Резиденция королевы помещалась в шалаше из пальмовых листьев — единственном строении, вокруг которого и обитало племя. Здесь было немного посуще, хотя кучи нечистот и разлагающихся объедков, окружавшие «дворец», издавали смрад почище болотного. Йухе бродили, сидели и лежали, ковыряли в зубах щепками, совокуплялись, бросали друг в друга комками грязи и занимались другими будничными делами. Некоторые добросовестно перекладывали с места на место камни, служившие для обороны и нападения на врагов: леопардов и песьеголовых, обитавших где-то на краю света, но появлявшихся всегда неожиданно.

Когда-то давно, только еще оказавшись в этих местах, жрец поражался пристрастию йухе к грязи и нечистотам. Всего в полусотне шагов вверх по склону за плотной стеной колючих кустов лежало зеленое плоскогорье со множеством чистых источников, покрытое рощами плодовых деревьев и сочными травами. Дикари же предпочитали возиться в болотах и явно испытывали наслаждение, валяясь в мутной жиже и вдыхая зловоние. Впрочем, эти худые голые люди, не ведавшие ни одежд, ни даже традиционной для многих примитивных племен раскраски тела, были весьма дружелюбны к аргосцу: они лишь вырезали ему на спине полоску кожи, прокололи мочки ушей костяными палочками и заставили отведать тухлой мертвачины (хвала Митре, не человечину, которая здесь часто шла в пищу, а всего лишь дохлую водяную мышь), после чего жрецы окрестили его Хрыкгыка, что значило «человек, пришедший сверху» или «муж, чье тело не подвержено гниению» и разрешили построить хижину наверху оврага.

Бертудо далеко не сразу понял, что подниматься из трясин дозволено лишь шаманам, которых у племени было четверо. Только они обладали собственными именами и могли смотреть на звезды. Посмотрев, изрекали нечто невнятное и лезли обратно в болото, чтобы объявить окончание жизни какого-нибудь несчастного, плоть коего по умерщвлении пожиралась, либо возгласить войну, либо большую охоту на ящериц.

Жрец, согласно данным обетам, прибыл в эти земли, чтобы просвещать дикарей светом Митры. Очень скоро он смекнул, что рядовые члены племени просто не способны воспринять столь возвышенные вещи и перенес свои усилия на шаманов, умевших считать до четырех и поклонявшимся Мировой Лягушке. Усилия увенчались: шаманы согласились называть Лягушку Митрой и теперь умерщвляли соплеменников с криком «Мтрга-друг!» Впрочем, Бертудо был упорен и от подвига своего не отказывался, надеясь не мытьем так катаньем обратить темные души в истинную веру.

Подобрав ветхий подол тоги, аргосец шествовал к шалашу, ласково улыбаясь дикарям.

Ыухе помоложе удивленно таращились: память их была коротка, и за ночь они успели забыть Хры-кгыку. Старшее поколение радостно скалило беззубые десна: они знали Бертудо давно, его светлый образ запечатлся в их умах между едой, которую нужно было добывать из мутной жижки под ногами, и высшим сословием племени — жрецами, королем и королевой, достойными облизывания ног и половых органов. Еще ыухе могли вспомнить песьеголовых и леопардов, но делали это лишь когда враги сваливались им на голову, либо в редкие дни войны, когда военачальники, посадив короля на закорки, отправлялись в поход, из которого, как правило, живым возвращался лишь каждый десятый.

Под пологом шалаша в ногах распростертой королевы сидел шаман Крыгтпрыга (что можно было перевести как «съевший левую ногу своего предшественника») и ковырял щепкой гнойную язву на своем тощем животе. Повелительница ыухе лежала прямо в грязи, без всякой подстилки, тело- ее покрывал густой слой засохших нечистот.

Королева Оздгра была очень стара. Не менее тридцати сезонов дождей миновало с тех пор, как мать произвела ее на свет, а вернее — «в грязь», ибо женщины ыухе рожали, сидя по пояс в болотной тине. На морщинистой шее желтели ожерелья из зубов ящериц и летучих мышей, соски плоских грудей проткнуты засохшими листьями осоки, беззубый рот щерился в улыбке: королева узнала вошедшего. — Нрыбнагда крукгрд! — приветствовал Бертудо повелительницу, кланяясь и прижимая руки к животу — наиболее почитаемой среди ыухе части тела. Он вполне сносно произносил слова, в которых было слишком мало гласных звуков, но слишком много значений. Так, приветствие жреца можно было перевести следующим образом: «Да заползет тебе в рот зеленая ящерица!» Или: «Да благословенно чрево твое, не знающее мужа!» При желании и сообразно слушаю фраза эта могла значить и пожелание поскорее опочить и напитать своей плотью приемницу. А то, что дни королевы сочтены, Бертудо понял по доставленной в его хижину дохлой ящерице и отсутствию трех жрецов, отправившихся украсть женщину у племени кру, столь же дикого и темного, как и они сами.

— Клзи-гру, — сказал шаман, перестав ковырять язву.

Бертудо привычно хлопнул себя по затылку: убил жирного комара. Хотя Крыгтпрыга не мог видеть кровососа, он просто знал, что насекомое именно сейчас решило отведать крови аргосца. Шаманы племени ыухе многое знали, умели предвидеть ближайшее будущее, и Бертудо не раз рассуждал сам с собой, отчего это Подателю Жизни вздумалось снабдить существ столь примитивных и никчемных с общепринятой точки зрения даром, о котором мечтали и коего добивались в упорных трудах многие, посвятившие себя белой и черной магии. Тайна сия была велика, но упорный аргосец надеялся ее со временем разгадать.

— Мтрга-дргу! — Шаман Мировой Лягушки зачерпнул пригоршню грязи и бросил в королеву. Зловонный комок угодил прямо в улыбающийся рот, и Оздгра тут же принялась жевать бескровными губами, справедливо полагая, что вместе с землей и тиной в желудок попадут питательные личинки и мелкие корешки.

Жрец кивнул: он понял, чего требовал от него Крыгтпрыга. Опустившись на колени, Бертудо сложил ладони лодочкой и принял читать отходную молитву, долженствующую помочь темной душе королевы не пропасть в Мировой Пустоте, а, вслед за сонмом душ иных, отправиться на Серые Равнины, на суд Нергала. Глядишь, Владыка Мертвых сочтет ее достойной нового воплощения, возродится она в теле послушницы или иной богобоязненной женщины, и тогда скромные усилия жреца, проведшего большую часть своей жизни в грязи и вони среди дикарей, не пропадут втуне... О сем мечтал Бертудо, на то были направлены все

его благие помыслы.

Молитва подходила к концу, когда снаружи послышался шум, каркающие голоса жрецов и визг женщин, которые, как всегда, лезли мужчинам под ноги, получая причитающиеся пинки и оплеухи. Крыгтпрыга понюхал воздух, плонул себе на живот и полез наружу.

Снедаемый любопытством, Бертудо все же дочитал положенное, мазнул за неимением елея лоб королевы грязью, и только тогда покинул шалаш.

Картина, представшая его глазам снаружи, была достойна удивления. Четверо шаманов, потрясая над плешивыми головами человеческими берцовыми костями, служившими и магическими посохами, и боевыми дубинками, командовали оравой дикарей, тащивших на плечах два огромных продолговатых кокона. Жрец признал в белесых нитях липкую паутину гигантского паука грху, существа грозного с виду, но совершенно безвредного и робкого нравом. Аборигены использовали паутину в качестве веревок, когда им удавалось захватить в плен врага — песьеголового, леопарда или дикаря из соседнего племени. Редко, но подобное случалось, и тогда возле шалаша королевы устраивалось настоящее празднество: шаманы каркали свои молитвы, молодежь радостно предавалась плотским утехам, старики колотили друг друга суковатыми дубинками и бросались камнями, так что после торжеств съедали обычно не только пленника, но и пяток-другой забитых насмерть сородичей. Однако ни разу еще Бертудо не видывал, чтобы дикари захватили сразу двух пленников.

Крыгтпрыга распорядился отнести коконы к торчавшим поодаль кольям. Кривые столбы служили ыухе чем-то вроде идов и хотя представляли собой просто комли с ободранной корой, шаманы регулярно смазывали их собственными испражнениями, бормоча и поджимая левую ногу, что означало у них верный признак религиозного экстаза. Как ни протестовал Бертудо, как ни доказывал, что Митра запрещает творить кровавые требы, уразуметь сие было выше дикарского мировосприятия, и жрец, удаляясь в свою хижину, всякий раз после жутких обрядов горячо молился, испрашивая у Всемилостивого прощения для своих подопечных.

Носильщики, подобно муравьям, потащили свою добычу к месту жертвоприношения. Опустив коконы в грязь, шумя и толкаясь, они принялись отдирать липкие нити, что должно было причинять пленникам не слишком приятные ощущения. Однако из-под пут не доносилось ни звука.

Вскоре причина этому объяснилась: когда липкие нити были отброшены в сторону, взору предстали два недвижных тела — могучего черноволосого мужчины, явно не принадлежащего к вендиjsким племенам, и юной девушки, судя по всему, местной уроженки. Аргосец разглядел багровые пятна на их шеях и понял, что пленники стали жертвами летающих игл, которыми весьма искусно владели жрецы, выплевывая их через полые травяные трубочки. Иглы смазывали ядом священной лягушки, способным вызвать глубокий сон, а иногда и смерть — в зависимости от концентрации. К счастью, отметил жрец, люди дышали.

«К счастью ли?» — тут же поправил себя он. Пожалуй, пленникам лучше было бы сразу проститься с жизнью. Усыпление летающими иглами — редчайшая удача для дикарей, а посему спящих ждет длительный и мучительный обряд умерщвления. Жрец знал, что яд священной лягушки не действует на животных, а песьеголовые имели плотную шерсть и крепкую одежду, непробиваемую для летающих игл. Бертудо лишь однажды присутствовал на празднестве, устроенном ыухе по поводу пленения несчастного вендица, имевшего неосторожность забрести в эти гибкие места. Жрец содрогнулся, вспомнив, что проделали

ыухе со своей жертвой, прежде чем съесть несчастного. Тогда он целую седьмицу не покидал своей хижины, вымаливая прощение у Митры: своим подопечным, за темноту их и порожденную невежеством жестокость, и себе — за то, что не смог остановить варварский обряд. Единственным утешением служила отходная молитва, которую он смог прочесть, пока с вендийца живьем сдирали кожу, хотя и подкашивались ноги, и в животе все переворачивалось...

Дикари подняли беспомощные тела (девушку — трое, черноволосого здоровяка — человек десять), прислонили к кольям и привязали все той же липкой паутиной. Крыгт-прыга подошел к пленникам, деловито поднял левое веко мужчины, покивал, потом проделал то же самое с глазом девушки, снова кивнул и отошел к остальным жрецам. Очевидно, осмотр удовлетворил ожидания: шаманы оставили в покое пленников и занялись изучением сваленных в кучу принесенных вместе с ними вещей.

Одежда интересовала их мало, а вот перевязь с тяжелым мечом и кожаная сумка вызвали больший интерес. Один из служителей Мировой Лягушки потянул за рукоять и не без труда извлек клинок из ножен. «Бду!» — сказал он и показал меч остальным. Этим словом ыухе именовали любой предмет, который можно было использовать в качестве оружия: камень, палку, заостренную кость или трубку с летающими иглами. Шаман ухватил меч за лезвие, решив, видимо, что тяжелая рукоятка может послужить знатной дубинкой, взмахнул над головой... и тут же с визгом отбросил оружие: из разрезанной ладони вяло потекла жидккая кровь.

Несколько женщин бросились к нему и принялись зализывать рану. Впрочем, шаман тут же забыл о порезе и пнул ногой сумку, показывая остальным, что не прочь познакомиться с ее содержимым. Крыгтпрыга отогнул мягкий клапан (справиться с застежками было выше его разумения), запустил внутрь грязную руку и извлек небольшой орех с золотистой кожурой. Понюхав плод, он брезгливо бросил его в грязь — ыухе питались исключительно болотной живностью, кореньями и тухлой человечиной, презирая все, что не издавало зловония. Затем шаман извлек еще один орех, с круглым отверстием в боку, потряс, прислушиваясь к негромкому бульканью внутри, и отправил вслед за первым. Потом попробовал жевать выделанную кожу сумки, нашел ее невкусной и, потеряв всякий интерес к трофеям, уставился на аргосца.

Бертудо мысленно молил Всеблагого послать ему нужные речи, способные убедить дикарей проявить снисхождение к пленным, когда темноволосый мужчина вдруг застонал и открыл глаза.

...Сначала он ничего не увидел и решил, что ослеп. Потом в ноздри ударила дикая вонь, поплыли какие-то смутные пятна и, словно из мутных глубин болотины, всплыли плоские лица под низкими, поросшими клочками жидких волос лбами, покрытые коростой губы, щерившиеся в жутких улыбках — беззубые рты темнели, как выгребные ямы. Серая кожа этих существ казалась мертвой, и Конан решил, что последний его час пробил, и он оказался там, куда суждено попасть вся кому: на Серых Равнинах.

Только что он видел величественную стену водопада за гладью круглого озера, стену, в которой играли радуги, и все вокруг было пронизано солнечным светом, наполнено шумом листвы и птичьим щебетом, и мир был ярким, словно самоцветный камень, только что вышедший из мастерской гравильщика. Они с Ка долго шли среди разноцветия трав, спускаясь с нагорья, откуда низвергался поток, чуть было не погубивший их прошлой ночью, и не могли поверить, что коварные демоны водных стихий могут обитать в столь прекрасном

месте. Достигнув первых холмов, устроились отдохнуть: вендийка, еще не оправившаяся от давешних страхов, быстро устала и попросилась в тень дерева, раскинувшего ветви рядом с едва приметной тропкой, ведущей вдоль колючих зарослей, за которыми угадывалось болото.

Конан прилег на траву и положил голову на колени девушки. Ка легонько ерошила жесткие волосы киммерийца, а его пальцы ласкали нежную девичью кожу, и ветер, дувший с воды, приносил запахи лотосов и пряный аромат диких роз, густо растущих по берегам водоема. Пряные запахи, кружившие голову... И все же чутье варвара уловило неприятный запах, едва ощущимый, относимый ветром, но заставивший его мгновенно вскочить, подхватив ножны с мечом...

И все. Дальше была жгучая боль, ударившая чуть выше левой ключицы, и тьма. А потом, когда глаза привыкли к полумраку и тошнотворный смрад перестал выворачивать внутренности, он увидел улыбающихся мертвецов.

Один из них, худой, словно узник, извлеченный после многих лет заточения из каменного мешка случайным доброхотом, шагнул вперед и, уставив на Конана узловатый черный палец, каркнул: «Мтргадргу!» Визг, вопли и стоны вырвались из темнеющих ртов, мертвецы упали на колени и принялись с чавканьем окунать уродливые лица в зловонную жижу.

Конан напряг мускулы и почувствовал что-то липкое, крепко держащее запястья и лодыжки, сжимающее грудь так, что трудно было дышать. Опустив глаза, он увидел свое обнаженное тело, опутанное белесыми нитями, упругими, но прочными, как железные цепи. Чуть в стороне киммериец разглядел кривой кол, к которому была привязана вендийка.

Шея болела, всю левую часть груди жгло, словно палац поставил на коже клеймо раскаленным железом. Кром! Навряд ли душа покойного станет мучиться раной, полученной при жизни. Жрецы говорят, что обитатели Серых Равнин испытывают душевные терзания, тоску бесприютности и отчаяние вечных скитаний, но не физическую боль. Значит, он все еще на этом свете и может бороться. Вот только как, хотелось бы знать?!

Снова глянув на странных созданий, столь ловко его пленивших, киммериец обнаружил среди них человека, чей облик, несмотря на бронзовый загар и въевшуюся в кожу грязь, выдавал хайборийца. Это был старик в лохмотьях, хранивших еще признаки жреческой тоги. Прямой нос, слегка выющиеся, все еще темные, хотя и тронутые сединой волосы, и черные, похожие на миндалины глаза выдавали южанина, зингарца или аргосца. Варвар никогда не питал особых симпатий к заносчивым сынам этих народов, но сейчас обрадовался бы и ваниру, окажись кто-нибудь из извечных врагов киммерийцев рядом.

— Кто ты? — с трудом двигая распухшим языком, спросил Конан по-зингарски.

Старик вздрогнул, словно его ударили. Потом вдруг наклонился, зачерпнул пригоршню грязи и швырнул в пленника. Теплый комок угодил киммерийцу в плечо, болотная жижа стекла, немного приглушив жгучую боль.

Решив, что хайбориец на стороне дикарей и желает сим жестом доказать свою преданность, варвар издал хриплое рычание и рванулся так, что зашатался удерживающий его кол. Однако паутина лишь слегка растянулась и снова привлекла его тело к мертвому стволу: пауки грех, хоть и питались лишь гигантскими бабочками-мимохао и мелкими грызунами, нити плели столь крепкие, что в них иногда запутывались коровы, сдуру забредшие в чащу.

Однако Конан судил неверно. Старик что-то сказал окружавшим его дикарям и подошел к пленнику.

— Меня зовут Бертудо, — сказал он по-аргосски, но с таким странным выговором, что киммериец его едва понял. — Согласно данным обетам, я живу среди дикарей, дабы просвещать их. Кто ты, юноша, и как попал в наши гибкие края?

— Я с севера, — сказал Конан, у которого появилась слабая надежда, что жрец ему поможет, — из Киммерии. Путешественник. Что нужно от нас этим недоноскам?

— Увы! — воскликнул аргосец, всплескивая тонкими руками. — Ты и твоя спутница попали в руки людей, в души коих еще не проник Свет Митры. Несмотря на мои многолетние усилия, они все еще поедают человеческую плоть, как делали многие поколения их предков. Но Податель Жизни милостив и терпелив, я же, слуга его, с покорством и послушанием несу свою ношу, надеясь обратить дикарей в истинную веру...

— Так делай это быстрей, если не хочешь, чтобы нас сожрали!

— Увы, увы, — повторил Бертудо, — это не так просто. Слова мои доходят, и то не все и не всегда, лишь до четырех шаманов, которых ты видишь перед собой. Они более сообразительны, но не менее кровожадны, чем их сородичи, и полагают, что поедание человечины дает им силу и мудрость...

Варвар снова зарычал и тщетно напряг мускулы.

— Да намотает Нергал на хвост твои кишки, ублюдок, если ты не уговоришь своих дружков развязать мне руки!

Глаза старика вспыхнули, и он тут же опустил их долу.

Вспомнив, что жрец Митры, несмотря на сан, все же аргосец, а кровь аргосцев не остывает даже к старости, Конан решил сменить тактику.

— Слушай, приятель, — сказал он как можно спокойнее, — хоть ты родился на юге, а я на севере, мы оба хайборийцы. Не пристало нам бросать друг друга в беде. Посмотри на эту юную девушку: хоть она и вендинка, но разве красота и молодость заслуживают столь ужасной участи?

Жрец понуро молчал.

— Ладно, — продолжал варвар, — давай наплюем на дитя джунглей, в конце концов она поклоняется ложным богам. Пусть ее сожрут. Но мы-то с тобой почитаем Лучезарного, Всеблагого и Всемилостивого Творца, а это что-нибудь да значит. Неужто ты станешь спокойно смотреть, как дикари терзают плоть единоверца?

Тут он заметил, что Ка Фрей очнулась и смотрит на него широко открытыми глазами. Конан подмигнул девушке, надеясь, что она видит его лицо в полумраке, царившем в низине.

Бертудо все еще стоял опустив голову и разглядывая свои грязные босые ступни. Вдруг, что-то решив, он обернулся к серолицым и горячо заговорил, издавая каркающие, похожие на рокот падающих камней звуки. Он указывал вверх, потом на киммерийца, потом себе на лицо, под ноги, и снова на пленника. Конан разобрал слова: «Мтрга-нронро!», произнося которые жрец мотал головой и хлопал себя по щекам так, что хлопья засохшей грязи летели во все стороны. Наконец дикарь, недавно тыкавший в пленника пальцем, кивнул и выкрикнул: «Стржгорджа! Пдзрмгну-ву, глз-ва!», после чего сел в грязь и принялся ковырять в зубах щепкой.

Аргосец застыл с открытым ртом, тараща на него глаза и слегка покачиваясь. Поняв, что жрец о чем-то договорился с аборигеном, Конан решил подать голос.

— Ты смог их убедить? — спросил он.

— Да, — кивнул Бертудо, — я сказал, что лицо и тело твое покрыты шрамами, и если они тебя съедят, то станут очень некрасивыми. Поэтому есть тебя не будут.

— Ты получишь золотой перстень, когда... — начал было Конан, но аргосец прервал его нетерпеливым взмахом руки.

— Еще Крыгтрыга сказал, что если тебя отпустить, ты попадешь под землю и должен будешь навсегда уснуть, если не положишь в рот чей-то глаз — этих слов я не понял. Посему ыухе решили явить свою милость: есть тебя не будут, ибо полагают, что нет ничего лучше их внешности. Они просто сдерут с тебя кожу и повесят у входа в шалаш королевы, дабы своим уродством кожа отгоняла леопардов.

Рев, вырвавшийся из груди варвара, был столь мощен, что многие дикари попадали на землю, а шаманы принялись трясти головами, словно вытряхивая из ушей воду. Потом один из служителей Священной Лягушки треснул костью-дубинкой по голове ближайшего соплеменника, и тот, вскочив и побежав к пленнику, проворно обмотал нижнюю часть его лица паутиной, заклеив рот и прекратив тем самым ужасные звуки. После этого мертволицы словно разом забыли о киммерийце, устремив свое внимание на другую жертву.

Шаманы подошли к вендийке и принялись ее внимательно разглядывать, отчего несчастная Ка сначала залилась пунцовой краской, а потом закрыла глаза и, кажется, снова лишилась чувств. Один из серолицых с глубокомысленным видом потыкал ногтем в бедро девушке и что-то крикнул. Остальные согласно закивали и помахали дубинками.

— Мужайся, сын мой, — услышал Конан голос аргосца, оставшегося рядом, — моли Митру, чтобы твои мучения не продлились слишком долго. Спутнице твоей повезло больше: ее не станут убивать, напротив, сделают своей королевой. Ибо старой Озрдгре суждено сегодня умереть...

Он осекся, увидев, как яростно сверкнули синие глаза северянина. Потом робко заключил:

— На все воля Подателя Жизни, и грешно роптать на участь, нам уготованную.

Тем временем возле крытого пальмовыми листьями шалаша произошло какое-то движение, и Конан увидел, как шестеро дикарей вынесли наружу тощее старушечье Тело, покрытое темной коркой нечистот. Он решил было, что несут труп, но королева вдруг слабо шевельнулась и даже подняла руку, словно приветствуя своих подданных.

И еще одна процессия выступила из гущи кустов: голые воины, вооруженные остро отесанными камнями, несли на плечах странное существо: человека, лишенного рук и ног, с изуродованным лицом, на котором страшно темнели пустые глазницы...

— Это король племени, — шепнул Бертудо, наклонившись к пленнику, — ыухе лишают своих повелителей зрения, дабы те не отвлекались суэтным зрелищем повседневности. Считается также, что король ничего не должен делать, посему ему отрубают конечности. И, наконец, кастрируют, ибо королева обязана хранить девственность, не знаю уж почему. Детей у королевской четы, стало быть, не рождается, и власть передается тем, кого выберут жрецы. На сей раз властительницей племени суждено стать твоей спутнице. После того, как она вкусит плоть своей предшественницы... У вендийки будет время помолиться своим богам, ибо тело Озрдгры должно три дня пролежать на солнце, прежде чем будет готово к употреблению.

Пока он говорил, дикари отнесли старую королеву к покрытому тиной озерцу и, держа ее за ноги, без лишних слов опустили головой в воду. Тело несчастной дернулось, на поверхности вздулись и лопнули несколько пузырьков, и все было кончено. Главный служитель Священной Лягушки крикнул свое «Мтрга-дргу!», аргосец помянул Всеблагого на

своем языке, после чего труп бросили рядом с озерцом, короля унесли, а шаманы ыгхе снова направились к киммерийцу.

Конан увидел остро заточенную кость, направленную ему в голову: очевидно, дикарь намеревались вначале снять с пленника скальп. Варвар напрягся, стараясь разорвать путы, но с тем же успехом можно было пытаться сдвинуть с места крепостную стену. Он почувствовал укол возле виска, и в тот же момент шаман разинул рот, судорожно хватая воздух, из уголка его толстых губ потекла желтоватая струйка крови, и дикарь рухнул лицом вниз возле ног киммерийцы.

Между тощих лопаток, обтянутых серой кожей, тускло поблескивая золотыми крапинами, торчал изящный, покрытый тонкой резьбой дротик.

ГЛАВА 9. Данун. И женщины на что-то годятся

Г

город песьеволовых стоял на склонах котловины, окруженной холмами. Поверху кругом шла зубчатая стена с пятью башнями, над которыми реяли золотисто-зеленые стяги. А в центре города, там, где обычно устраивают главную площадь, зияла темная дыра каменного провала, зловещая, как вход в преисподнюю.

Когда-то сюда из-за облаков упала огромная глыба, отчего земля содрогнулась до самого побережья Боденского залива, и огромные волны прокатились через Вендийское море, сметая жалкие хижины дикарей на множестве островов. Небесный посланец провалился в Нижний Мир, откуда ударил огненный смерч, выплеснув древний ужас и осколки тускло светящихся фиолетовым камней — зрелище было величественное и устрашающее, а потому навсегда осталось в преданиях вендийцев. Неведомые кристаллы, взлетев высоко над землей, подобно чудесному фонтану, снова исчезли в провале вслед за снопами пламени — лишь один упал на край пропасти.

Сотни раз проливались на джунгли дожди, и сотни раз сжигало травы летнее солнце, прежде чем в этих краях появилось некое племя сильных и бесстрашных людей, не убоявшихся прийти в проклятые молвой места и здесь поселиться. Привели их мудрецы, ведавшие тайну фиолетового кристалла, который стал залогом благополучия и процветания племени, построившего город в холмах, рядом с пропастью — талисманом, дарующим счастье целому народу.

Сейчас магический кристалл покоился на дне каменного провала, и там же таились ужас и проклятие песьеволовых.

Стоя возле резных каменных перил круглой площадки дворцовой башни рядом с раджубом Абдрсаном, Конан, чьи зоркие глаза легко могли разглядеть кисточку на шлеме стражника, ходившего с копьем на плече поверху стены на противоположном холме, внимательно вглядывался в похожую на пасть гиганта круглую дыру посреди города. Серый туман клубился между каменных стен, скрывая то, что таила пропасть, за многие годы поглотившая тысячи песьеволовых. Они шли туда добровольно, отдавая свои жизни в надежде, что их потомки освободятся от древнего проклятия, порожденного не злобной волей служителей темных сил и не коварными происками врагов, а всего лишь женским состраданием и роковой неосмотрительностью.

И вот теперь в чрево земли предстояло отправиться Конану.

— Глубок ли провал, сын Снайгу? — спросил киммериец хозяина дворца.

Абдрасан печально глянул на северянина. В зеленых глазах раджуба таилась неизбытная грусть, как и у всех его соплеменников. Острые уши подрагивали, как бы к чему-то прислушиваясь. Голова его была, несомненно, собачьей, но никто не осмелился бы назвать его лицо «мордой» — в причудливой смеси черт животного и человека преобладали последние. И оба слившихся воедино существа принадлежали к самым благородным созданиям: если бы Абдрасан был пском, он спокойно и величественно возлежал бы у королевского трона, будь повелитель сынов Снейгу полностью человеческим существом — ваятели лепили бы с него статуи благородных героев древности, столь совершенных, что никто из ныне живущих не обладал безукоризненностью их черт.

К несчастью, он не был ни тем, ни другим.

— Мы не знаем, — ответил раджуб песьеволовых, теребя завитую, умащенную благовониями шерсть на подбородке. — Я уже говорил тебе, сын Коваля, что никто не возвращался из пропасти.

— Но можно бросить камень и считать, пока он будет падать, — возразил варвар.

Абдрасан кивнул.

— Мы бросали камни. И ничего не услышали.

— Может быть, у пропасти нет дна?

— Есть. Моррокан лежит там. И Хохотун обитает на дне, бродит и смеется. Ночью слышно. Камни, которые мы бросали, попадают в поле кристалла. Быть может, звук их падения слышат где-нибудь в Айодхье или Уттакальте. Вспомни, что я рассказывал о действии талисмана.

Историю Моррокана, святыни песьеволовых, выплеснутой когда-то фонтаном подземного огня и вновь канувшего в пропасть при обстоятельствах жутких и трагических, Конан узнал за столом пиршественного зала, где, среди прекрасных статуй и колонн, украшенных тонкой резьбой, его и вендику уготтали как самых почетных гостей. Угощали фруктами, ягодами и салатами, приготовленными столь искусно, что ни одно из блюд не походило на другое. Песьеволовые избегали животной пищи и ели мясо, как узнал впоследствии киммериец, лишь закрывшись в своих комнатах и поставив у дверей стражу. Они стыдились всего, что напоминало о их двойственной природе, и самым страшным проклятием, бытовавшим среди этих существ, было пожелание недругу до конца дней своих грызть кости.

Впрочем, песьеволовые обладали весьма мягким нравом, ссорились редко, а с соседними племенами и вовсе не воевали. Случались лишь редкие стычки с болотниками. Никто из посторонних не забредал в эти земли, овеянные жуткими легендами, а сами сыны Снейгу старались не показываться на глаза людям, посылая торговать в венди-ские города женщин. Женщины у них были обыкновенные, если, конечно, не считать особой привлекательности тонких черт их прекрасных лиц и изящества стана. Жены песьеволовых были столь же прекрасны, как беломраморные статуи, во множестве украшавшие город, как здания и храмы, как искусственная роспись стен... Всё, что видел Конан в этом городе, несло на себе печать высокого мастерства: изящная серебряная и золотая посуда, украшенная эмалью, одежда из тонкой златотканой парчи и прекрасного патола, невиданные украшения, носимые как женщинами, так и мужчинами, привлекающие не столько обилием драгоценных камней, сколько поистине фантастической виртуозностью изготовления, и, конечно, оружие: трехгранные мечи, кинжалы с двумя и даже тремя лезвиями, метательные диски, покрытые

искуснейшей гравировкой, копья с наконечниками в форме птичьих голов с острыми клювами, секиры с рукоятями из слоновой кости...

Сидя за пиршественным столом по правую руку от рад-жуба Абдрасана, Конан вспомнил дротик, вонзившийся между лопаток серолицего вонючки в тот самый момент, когда людоед собирался снять с него скальп. Пожалуй, оружие, украшенное тонкой резьбой и золотой инкрустацией, могло бы стать прекрасным украшением самой изысканной коллекции какого-нибудь хайборийского короля. Явись киммериец с такой вещицей, скажем, к немедийскому монарху, он мог бы заработать немало звонких монет. Или стать рыцарем — за особые заслуги. Песьеголовые же так и оставили свой дротик торчать в теле жреца, нимало не заботясь о том, что он может попасть в руки других дикарей.

Схватка на болоте была короткой. Ее даже трудно было назвать схваткой: жрецы пали под ударами дротиков, остальные ыухе с воплями разбежались. Один из песьеголовых, одетый в добрые сапоги, широкие сальвары и пурпурную куртку с золотыми пластинами на груди, приблизился к пленнику, сорвал с его лица паутину и коротко спросил:

— Киммерия?

Варвар кивнул в полной растерянности: он привык, что вендийцы слыхом не слыхивали о его родине и называли всех чужаков, пришедших из-за Гимелийских гор, просто «северянами».

Песьеголовые отвязали его и девушку от кольев. Впрочем, руки и ноги Конана оставались связанными, что настраивало его на весьма невеселье мысли. Ка Фрей повезло больше: ее освободили от пут и вернули платье, которое вендийка надела с крайней поспешностью. Потом нежданные освободители подняли киммерийца на плечи и двинулись вверх по склону, туда, где за плотной стеной колючих кустов лежало зеленое плоскогорье, а дальше — холмы странного народа. Последнее, что видел варвар на дне лощины — коленопреклоненный жрец Бертудо, рыдавший над телами шаманов: единственные существа, хоть как-то разумевшие его возвышенные речи, отправились на встречу с Мировой Лягушкой, не оставив преемников, и дело, которому служитель Митры посвятил всю свою жизнь, оказалось загубленным самым печальным образом...

Наверху Песьеголовые уместили свою ношу внутри крытых носилок, обитых чем-то мягким и пушистым. Туда же забралась Ка. Носилки дрогнули, поднимаемые на плечи воинов, и плавно поплыли куда-то в неизвестность.

— Проклятие, — выдавил варвар, плюясь набившимися в рот комками паутины, — из проруби да в горн! Попробуй развязать мне руки.

Но девушка только отрицательно покачала головой.

— Они не причинят нам зла.

— Почему ты так решила?

— Песьеголовые никогда зря не убивают людей.

— Прикончили же они людоедов!

— Это не люди. Они хуже... — Она хотела сказать «хуже якшей», но вовремя вспомнила, что Конан глотал с Тримрой дым ночного костра и закончила: —...хуже обезьян!

— Вижу, ты кое-что знаешь об этих двуногих песиках, — проворчал варвар.

— Неприкасаемые и Песьеголовые похожи, а потому иногда общаются. Люди презирают и нас, и сынов Снейгу.

— Сынов Снейгу?

— Так звалась их мать-прародительница. Глупые люди зря их боятся: они очень умные и

добрьес.

— Если так, почему меня не развязали?

— Не знаю, о супруг мой. Думаю, это вскоре разъяснится.

Ка Фрей оказалась права. Вскоре носилки опустили, полог раздвинулся, и воин в пурпурной куртке перерезал путы Конана.

Когда киммериец выбрался наружу, он обнаружил, что находится в огромном зале, полукруглый, расписанный яркими красками свод которого поддерживали украшенные резьбой колонны. Посреди зала возвышался нефритовый постамент — не то алтарь, не то подножие трона. Впрочем, на возвышении ничего не было.

Тот же воин подал киммерийцу его одежду, перевязь с мечом и сумку. Конан быстро облачился, закинул оружие за спину и, освободив застежки, откинул кожаный клапан. Оба ореха, золотистый и тот, в котором плавал полип, были на месте. К своему удивлению он обнаружил в сумке и третий плод: побольше, с грубой, покрытой наростами кожурой, обмотанный белесыми нитями все той же упругой паутины.

Варвар уже собирался спросить у выбравшейся из носилок девушки, не ведает ли она что-либо о происхождении сего предмета, но тут широкая дверь растворилась, и в зале появилась процессия существ с собачьими головами в богатых длиннополых одеждах. Ярко блестели многочисленные украшения, долетавший из широких окон ветерок слегка шевелил кисточки на островерхих головных уборах. Они выстроились полукругом возле возвышения и молча поклонились киммерийцу и вендиже.

— Приветствуем тебя, сын коваля, — услышал Конан негромкий мелодичный голос.

Вперед, прижимая унизанные перстнями пальцы к могучей груди, выступил песьеволовый в золотисто-зеленой мантии.

— Я Абдрасан, раджуб сынов Снейгу, — сказал он. — Прости, что доставили тебя во дворец связанным. Мы опасались, что, не разобравшись, ты сгоряча воспользуешься своей недюжинной силой, дабы обрести свободу. Поверь мне, ты больше не пленник, как и твоя спутница. Будьте гостями в моем доме.

Прикинув, что ему вряд ли стали бы возвращать оружие, замышляя при том что-либо коварное, Конан решил проявить ответную вежливость. Он ощерил крепкие зубы, ударил себя в грудь огромным кулаком и рявкнул:

— Клянусь задницей Нергала, было очень любезно с вашей стороны вытащить нас из дермы! Занесет в Киммерию, милости прошу в мою резиденцию. Спросите Конана Разрушителя, всякий покажет. Угощу пивом и козлятиной. Любите с кровью?

Он покинул родные долы столь давно, что вряд ли кто-нибудь теперь помнил на родине юнца, бежавшего из отчего дома в поисках приключений. Однако Конан решил держать марку: пусть принимают за киммерийского князя, если уж им ведомо, откуда он родом. Може и сын кузнеца добиться высокого общественного положения! А полусыре мясо, по мнению варвара, было бы самым подходящим угощением для существ с собачьими головами, окажись они каким-либо чудом у него в гостях.

Поэтому он немало удивился, заметив мелькнувшие в зеленых глазах хозяев отвращение и гнев. Впрочем, то была лишь мимолетная тень, растаявшая без следа — песьеволовые вновь смотрели на него приветливо, с какой-то непонятной надеждой.

— Благодарим тебя, киммериец, — сказал Абдрасан, — хоть мы и лишены возможности покидать стены нашего города. Пока. Но мы сможем воспользоваться приглашением, как только обретем свободу. Надеюсь, ты нам поможешь.

— Я у вас в долг, — Конан ждал чего-либо подобного и прикидывал, какую плату от него потребуют за спасение из лап людоедов, — Но что может северянин из того, чего не могут столь сильные и храбрые воины, коими вы, несомненно, являетесь?

Произнеся эту складную речь, варвар остался весьма собою доволен: все же он кое-чему научился, обретаясь бок о бок с велеречивыми вендейцами.

— Я знаю что ты должен сделать, — развел Абдрасар руками, — но не знаю как. Возможно, у тебя есть то, что поможет решить задачу. А чтобы ты лучше понял, о чем идет речь, отправимся в трапезную и там, за угощением, я расскажу историю нашего народа и открою причины беды, его постигнувшей.

Угощение было превосходным и подкрепляло силы не хуже доброго куска мяса. Конан не жалел даже об отсутствии вина: напитки, подаваемые прекрасными прислужницами хоть и не кружили голову, но согревали кровь и проясняли мысль.

Киммериец слушал повесть раджуба внимательно, стараясь не упустить ни малейшей детали, ибо точку в этой давней истории предстояло поставить ему. Или погибнуть.

Все началось спустя добрую сотню лет, после того как племя клинхов (так звались предки песьеголовых, бывшие тогда людьми обычными, разве что более сильными и красивыми, чем другие вендейцы) построили город Дангун на холмах вокруг пропасти. Моррокан, фиолетовый кристалл, извергнутый некогда из недр земли огненным смерчом, сделал их неуязвимыми для врагов. Камень сей обладал удивительной способностью напускать морок, и когда недруги подступали к городу клинхов, они видели стены совсем не в тех местах, где они стояли на самом деле: воины карабкались по приставленным лестницам, но укрепления вдруг таяли в воздухе, и солдаты падали с высоты, разбиваясь насмерть. Нападавшие вступали на мосты, перекинутые через глубокие рвы и казавшиеся прочными — мосты исчезали, и люди летели в глубокую воду, кишащую крокодилами. Конница клинхов атаковала вражеские войска с фланга, и пока военачальники посыпали своих кшатриев отбить нападение, кони исчезали вместе с всадниками, словно мираж в пустыне, а настоящие бойцы обрушивались на врага совсем с другой стороны... Много еще чего умел чудесный камень, и не было лучшей защиты для мирного народа, желающего спокойно жить в своих землях.

Такое положение дел, конечно, не слишком устраивало воинственных князьков, всякий из которых желал прославиться великими подвигами и завоеваниями. Более всех усердствовали раджубы гадхарцев, племени, жившего по соседству с клинхами и поклонявшегося богине смерти Ха-ли...

— Я слышал, — прервал в этом месте Конан рассказ Абдрасана, — что гадхарцы сумели одолеть Девятироную, когда в их землях выросло гигантское дерево, затмившее листьями солнечный свет, а Богиня Смерти приняла облик тигрицы и зализывала его ствол, поврежденный нездачливыми дровосеками.

— Так говорят сами гадхарцы, — отвечал повелитель песьеголовых. — Правда или нет — никому не ведомо. Наши соседи лукавы и надменны, а их повелители не раз воевали даже с Айодхьей. Правда, раджуб, ныне сидящий на троне в Городе Слона, весьма разумен и незлобив. Думаю, он недолго удержит престол: страной обычно управляют вельможи, а не монархи. Как бы то ни было, храм Хали — главное святилище гадхарцев, а Халипуджа — их самый любимый праздник. Брахманы утверждают, что Богиня Смерти особо покровительствует тем, кто хоть раз смог оказать ей достойное сопротивление. Может, она и полюбила гадхарцев за то, что они когда-то разрезали ей язык. Но вернемся во времена,

когда наши предки еще были людьми.

Однажды принц Саббха, наследник дома Дангуна, отправился на охоту. Он погнал оленя, оторвался от свиты и заблудился в чаще, где на него напал леопард. Юноша вступил в единоборство с голодным зверем, который сбил его с коня и подмял, вонзив острые когти в грудь принца. Саббха был на волосок от гибели, когда из-за кустов выскочила огромная трехголовая собака с длинным чешуйчатым хвостом, подобным хвосту дракона, и набросилась на леопарда. Она одолела хищника, но и сама получила смертельные раны. Странное существо смогло доползти до своего логова, где испустило дух, как ни старался принц ей помочь, перевязывая раны и прикладывая к ним целебные листья. То была мать-прапородительница Снейгу.

— Она называлась? — спросил Конан.

Сидевшая рядом Ка Фрей испуганно тронула киммерийца за руку, но варвар не понял ее жеста, полагая, что если у собаки может быть три головы, то почему бы хотя бы одной не говорить по-человечески.

— Нет, конечно, — терпеливо продолжил Абрассан, — ибо не обладала даром речи. Животные разговаривают только в сказках.

Конан вспомнил о попугаях и воронах, но промолчал.

В логове удивительного существа обнаружился щенок: очень крупный и сильный, но в остальном обычный, с одной головой и без драконьего хвоста. Естественно, принц взял его с собой, и собака с тех пор жила во дворце, верой и правдой служа своему хозяину.

Прошло несколько лет, Саббха сел на престол Дангуна и стал править своим народом мудро и справедливо, как все его предшественники. Пес, получивший имя Лаппа, всегда находился при нем и был настолько смыщен, что раджуб часто разговаривал с ним, как с человеком.

Тем временем повелитель гадхарцев по имени Рижас решился положить конец независимости клинхов. Принеся Богине Смерти обильные кровавые жертвы, с помощью жрецов Кали он вызвал из Нижнего Мира жуткого одноглазого демона и приказал ему похитить магический кристалл.

— Значит, чары Моррокана не действовали на одноглазого? — спросил Конан.

— В том-то и дело, — отвечал Абрассан, — сие существо обладает способностью отличать истинное от кажущегося. Его единственный зрачок устроен таким образом, что видит морок как бы полупрозрачным, в то время как для обычного глаза иллюзия является полной. Поэтому демон нашел настоящие ворота, которые клинхи, будучи уверенными в своей полной безопасности, никогда не закрывали, проник во дворец и похитил талисман с алтаря, который ты видел в соседнем зале.

— И что же, стража его не заметила?

— Увы! Наши предки столь доверяли чарам Моррокана, что не выставляли стражу. Впрочем, демона обнаружили по жуткому хохоту, который это существо издает время от времени, и даже попытались уничтожить, но стрелы и копья отскакивали от его шкуры, словно она была из булатной стали.

— В глаз надо было бить! — стукнул киммериец кулаком по столу. — Или ваши лучники разучились стрелять, бездельничая посреди своих миражей?!

— Лучники стрелять не разучились, — спокойно ответил раджуб песьеголовых, — и десяток стрел угодили именно туда, куда были направлены. К несчастью, зрачок монстра оказался прикрыт хрустальной оболочкой, не пробиваемой для железных наконечников.

— А ваши маги? Проспали?

— Нет, не проспали. Маги применили все свое искусство и одолели демона, скинув его в пропасть.

— Так в чем же дело? — удивленно вскричал варвар. — Вам что, не дает покоя его хохот, мешающий спать по ночам? Натащите камней побольше и засыпьте бестию!

— Это можно было бы сделать, если бы не одно обстоятельство.

— Какое же?

— Чудовище низринулось в бездну, не выпуская из лап чудесный кристалл.

Ка Фрей тоненько вскрикнула и вцепилась в руку киммерийца так, словно увидела в дверях якшу со стеблями травы куша и горшком топленого масла в лапах.

— Нд-а-а, — протянул варвар и в первый раз за всю трапезу пожалел, что нет под рукой хмельной чарки, которую можно опрокинуть вместе с сынами Снейгу в знак печали, — значит, ваш талисман пропал?

— Не совсем, — сказал Абрасан. — Камень лежит на дне пропасти. Он цел и невредим, но его действие ограничивается лишь каменным провалом, в котором обитает Хохочущий демон. Со временем его падения наш город стал беззащитным.

— У вас есть стены, оружие и воины, — проворчал киммериец, который всегда считал, что магические фокусы если и способны защитить, то ненадолго и уж гораздо менее надежно, чем добрый меч и тяжелый кулак.

— Все это у нас есть, — кивнул раджуб, — и, поверь, наши предки были неплохими воинами. Они мужественно отражали атаки войск Рижаса: немало его кшатриев нашли смерть под стенами Дангунна. Тогда гадхарцы обложили город, перекрыв все дороги, и приступили к осаде. Она продолжалась почти год. Запасы продовольствия кончились, и клинхи стали умирать один за другим. Тогда-то и поклялся раджуб Саббха, что отдаст в жены свою дочь, прекрасную Силлу, тому, кто принесет во дворец голову повелителя его врагов.

— Подозреваю, такой смельчак нашелся, — вставил Конан. — Кто же был сей отважный воин?

— Это был Лаппа.

— Лаппа? Собака?!

Киммериец не смог скрыть изумления.

— Да, — вздохнул Абрасан, — любимый пес раджуба. Однажды он исчез из дворца. Рассказывают, что когда Лаппа появился возле шатра Рижаса, гадхарец, знавший чья это собака, воскликнул: «Даже неразумный зверь выбирает сторону сильнейшего!» И взял пса к себе. Лаппа лизал сапоги надменного военачальника, а ночью отгрыз ему голову, выскользнул из шатра, вернулся со своей ношей в Дангун и положил голову Рижаса к подножию трона...

Варвар был в восторге.

— Аи да зверюга! — воскликнул он, снова сожалея об отсутствии кубка, на сей раз заздравного. — Пес, конечно, получил самую жирную... Кром! Да ведь раджуб обещал тому, кто принесет голову, свою дочь!

— Вот именно, — голос Абрасана звучал печально, — обещал. А слово раджуба — закон, и награда по праву причиталась Лаппе, который спас город: после страшной гибели своего предводителя гадхарцы сняли осаду и убрались вовсюси. Посему Саббха стал думать, как выйти из создавшегося положения. Он обратился за советом к лесной женщине, жрице бога Сомы, и та обещала помочь...

— Опять колдовство, — пробурчал Конан себе под нос. Он уже догадывался, что добром эта затея Саббхи не кончилась.

Вичитравирья — так звали колдунью — явилась в Дангун и обещала помочь. Она открыла клинхам имя странного существа, спасшего некогда их повелителя от леопарда. Снейгу была последней в роду созданий, населявших земли Вендии столь давно, что память о тех временах почти изгладилась из людской памяти. Ее трехголовые предки были полусобаками-полудраконами, крылатыми порождениями демиургов, посланными небожителями в помощь древним властителям в их борьбе с Силами Тьмы. Издавна эти существа жили бок о бок с людьми, а когда срок жизни великого воина или прославленного короля подходил к концу, жрецы вырезали у него из груди еще живое, трепещущее сердце и отдавали предкам Снейгу, так что частица души героя переходила к ним — по заветам богов.

Потом наступили дни великих катастроф, и лишь немногие трехголовые их пережили. Постепенно они вырождались, теряя мощь и утрачивая способность летать, но капли крови древних героев все еще передавались из поколения в поколение, пока последняя представительница собак-драконов не пала, защищая человека. Она погибла, родив незадолго до того Лаппу, обычного с виду щенка, в теле которого, однако, трепетала еще священная искра.

Ее и предстояло разжечь с помощью бога Луны, покровителя всех превращений.

По приказу Вичитравирьи мастера отлили тонкостенный золотой купол и установили на алтаре, где еще недавно покоился Моррокан. Колдунья велела поместить пса под сверкающую полусферу и в ночь полнолуния совершила необходимый обряд. Она строго-настрого запретила поднимать купол до тех пор, пока существо, порожденное ее волшеством из тела собаки, само не выйдет из своего убежища, — с тем и удалилась.

Прошел день, другой — из-под золотой полусфера не доносилось ни звука. На пятый день страшное беспокойство охватило всех, кто знал о чародействе: что бы ни происходило с собакой, Лаппа мог умереть от голода. И больше всех волновалась принцесса Силла. Трудно сказать, что больше ее мучило: сострадание к мужественному псу или любопытство, порожденное рассказами колдуньи о древних героях, в одного из которых суждено было ему обратиться. Что если прекрасный суженный явится мертвым, погибнувшим от истощения? Мысль эта была столь нестерпима, что принцесса, захватив поднос с фруктами, тайком пробралась ночью в зал и приподняла купол...

— Так и знал! — прервал тут рассказ Абрасана варвар. — Говаривал один кордавский палач, разогревая свое клеймо: «Все зло от женщин». Мыслю, ничего хорошего она под тем золотым горшком не увидела.

— В последнем ты прав, сын коваля, — печально молвил раджуб, — принцесса поторопилась и нарушила запрет колдуньи, хотя и из лучших побуждений. Как только она приподняла край сферы, изнутри удариł яркий свет, и Сил-ла узрела прекрасного юношу, распостертого на алтаре. Он был жив, и тело его было совершенно, но голова... Увы, голова не успела полностью обрести человеческие черты, хотя они и стали уже проявляться.

Узнав о поступке дочери, отец был весьма разгневан и обвенчал ее с песьеволовым Лаппой. С тех пор среди клинхов стали рождаться мальчики с головами собак, девочек же проклятие Сомы не коснулось.

— Ну, это несправедливо! — воскликнул киммериец, — Ведь запрет-то нарушила женщина!

— Не нам роптать на волю богов, — возразил Абрасан. — И потом, согласись, за все,

что делается в этом мире, отвечают мужчины, какие бы глупости ни творили женщины.

Варвар только хмыкнул и покачал головой: подобное утверждение не казалось ему приемлемым. Хотя, если рассудить здраво, нужно же чем-то платить за удовольствие, ниспосланное богами доблестным мужам в образе прекрасных вертихвосток. А в том, что за все рано или поздно приходится расплачиваться, Конан не сомневался.

— Ладно, — сказал он, решив не вступать в спор с гостеприимным хозяином, — теперь понял, в чем состоят ваши трудности. Но как могу помочь я?

— Спустишься в пропасть, убьешь демона и вернешь нашему народу священный Моррокан.

Конан даже присвистнул.

— Только-то! Если бы это было так легко, вы сами давно это сделали бы.

— А я и не говорю, что это легко, — сказал Абррасан, морща нос, — сотни смельчаков погибли, пытаясь достать из провала талисман. Защитное поле кристалла действует, и там, где видятся тропинки и ступени, оказываются отвесные скалы, веревки обрываются, а корни кустов превращаются в ядовитых змей.

— Так почему ты решил, что я доберусь до дна?

— Потому что так сказала Вичитравирья. Она явилась сегодня утром и открыла нам, что в холмах появится некий киммериец, сын коваля, которого будет сопровождать юная вендинька. Потому мы выслали лазутчиков, один из которых и видел, как вас схватили болотные люди. Он вернулся в город, я послал отряд, и вот вы здесь.

Конан пожал плечами.

— Не понимаю, — сказал он не слишком любезно, — ты говорил, что колдунья заварила всю эту кашу с превращением Лаппы, а было это сто лет в обед.

— Даже больше, — не понял присказки песьеголовый, — но жрицы Сомы владеют секретом долголетия. Может быть, это вовсе не та колдунья, а ее дочь или даже внучка, не знаю. Как бы то ни было, она объявила, что северный млечх должен нам помочь. Когда Моррокан будет извлечен из пропасти, его надо истолочь и давать порошок роженицам: тогда у них будут появляться нормальные дети, и клинхи снова обретут свой прежний облик.

— Вы готовы ради этого отказаться от магической защиты кристалла?

— Готовы! За долгие годы, прошедшие после того, как Хохочущий Демон увлек наш талисман на дно пропасти, мы научились сражаться без его помощи. Достань камень, киммериец, и ты вернешь нашему народу самое ценное что есть на этом свете — свободу!

Если бы песьеголовый раджуб стал говорить о чем угодно другом, Конан еще сто раз подумал бы, прежде чем согласиться. Но свобода... Ее варвар ценил превыше всех драгоценностей и всего золота мира, ради нее он готов был отправиться в пасть к Нергалу или сразиться с самим Змеем Вечной Ночи.

Абррасан попал в точку.

— А сказала ведьма, как мне спуститься вниз? — пробурчал варвар, делая вид, что всецело занят чисткой банана.

— Для этого есть только один способ.

— Какой же?

— Отдаться в лапы Хохочущему Демону. Только он обладает способностью видеть настоящий путь, ведущий вниз. Раз в год, в ночь полнолуния месяца меак, монстр вылезает из провала, и тогда кто-нибудь из нас добровольно приносит себя в жертву, надеясь вырваться из его когтей внизу и одолеть исчадие Тьмы. Увы, никому до сих пор это не

удалось. Сегодня, когда стемнеет, ты можешь попытаться...

— Может быть, мне лучше сразу отрезать себе голову? Насадите ее на кол и будете пугать гадхарцев. Или леопардов.

— Ты зря так говоришь, северянин. Жрицы бога Луны не бросают слов на ветер. Вичитравирья сказала — у тебя есть нечто, что поможет одолеть демона.

— Ах, вот в чем дело. — Варвар даже хлопнул себя ладонью по лбу. — Какая смышленая старушка! Ну конечно, у меня есть Плод Желаний, только, говоря по чести, я обещал его не есть и не продавать, пока не принесу в Айодхью.

— Плод кальпаврикши тут не годится, — спокойно возразил Абрасан. — Он порожден деревом, находящимся под защитой Богини Смерти, и не станет действовать против существа, ею же порожденного.

— Тогда не знаю, о чём идет речь, — пожал Конан плечами. — У меня есть еще водоплавающий полип, но не думаю, что его свет напугает страшилище.

— Он не нужен, — кивнул песьеволовый, — камни на дне пропасти и так светятся. Может быть, у тебя найдется что-то еще?

Тут киммериец вспомнил о третьем орехе, обнаруженному в сумке. Сумку тут же принесли, плод был извлечен, паутина размотана. Верхушка ореха оказалась срезана, об разуя как бы небольшую крышечку, и когда ее сняли, внутри обнаружилась совершенно белая лягушка, покрытая отвратительными язвами. Песьеволовые разочарованно вздохнули.

— Это всего лишь куикка, — сказал один.

— Ее ядом болотники смазывают свои летающие колючки, — молвил другой.

— Но он слишком слаб даже для нас, не говоря уже о Хохочущем Демоне, — заключил Абрасан.

— Откуда она взялась в моей сумке? — спросил варвар.

Оказалось, воины песьеволовых собрали валявшиеся в грязи орехи, полагая, что они принадлежат киммерийцу. Бородавчатый плод, выроненный, очевидно, одним из жрецов ыухе, оказался в их числе, но, увы, и он был сейчас бесполезен.

Раджуб песьеволовых предложил подняться на башню: быть может, рассмотрев получше провал, киммериец найдет решение. Стоя на круглой площадке, Конан узнал следующее. Камни, брошенные в пропасть, не издают звука. Быть может, тому виной чары Моррокана, быть может, что другое. Монстр, выползающий из провала, хватает свои жертвы за руки, и тащит их вниз с диким хохотом, а на дне, очевидно, поедает. Лапы чудовища столь мощные, что и мыслить не стоит из них вырваться... А если вырваться невозможно, то какого беса лысого вообще затевать сие предприятие?!

Конан уже собрался сказать об этом раджуbu (в конце концов, бессмысленная жертва чудовищу вовсе не входила в планы киммерийца), как вдруг вендишка, о которой он почти забыл, робко тронула его за руку.

— Кажется, я придумала, — сказала она, стыдливо потупясь.

— Я тоже, — огрызнулся Конан. — Прыгну в пропасть и попрошу Индру, чтобы у меня выросли крылья.

— Тебе не надо прыгать в пропасть, о храбрейший из млеччнов, — прошептала девушка. — Ты отдашься чудовищу, а на дне ускользнешь из его лап.

— Каким образом? Отгрызу себе руки?

— Нет-нет! — искренне ужаснулась Ка Фрей, словно и вправду поверила, что варвар способен на подобное безрассудство. — Ты сделаешь, как ящерица кашахша, которая, когда

ее ловят, выскользывает из своей кожи.

Она улыбнулась, полагая, что он сразу по достоинству оценит ее замысел. Конан представил, как выскользывает из собственной кожи, ничего веселого в том не нашел и сердито буркнул:

— Сегодня один вонючий безумец уже собирался проделать со мной нечто подобное. Ты хочешь, чтобы демон довершил замысел людоеда?

Тем не менее он решил послушать, что там придумала вендишка. Когда Ка Фрей кончила излагать свой план, киммериец решил, что и женщины иногда могут кое на что сгодиться.

ГЛАВА 10. Аккасар. Роковой удар

а, стариk, — сказал Конан, выплевывая куриную косточку, — твоя девчонка оказалась на высоте. Если бы не ее сметливость, не видать бы песьеголовым Моррокана, как своих мохнатых ушей. Думаю, и нас бы ты не увидел: не верю я, что потомки клинхов не ведают чувства мести, таких народов я не встречал. Как ни старался их раджуб казаться наибезобиднейшим существом, нет-нет да сквозили в его зеленых глазах искры гнева. Так что, Ка, считай, подарила свободу не только песьеголовым, но и себе — заодно с млеччхом, которого ты только что славно угостили своей курятиной.

Дядюшка Пу лишь кивнул: на его узкоглазом лице, обрамленном жидккой бородкой, не отразилось ни радости, ни печали. Стариk сидел на циновке, поджав ноги, слегка покачиваясь, словно в полусне. Глаза его были прикрыты, худые пальцы перебирали костяные четки.

— Я очень испугалась, когда эта тварь вылезла из пропасти, — негромко сказала девушка. Она сидела рядом с киммерийцем на полу хижины, в которую привела своего спутника после того, как они переправились через реку, — О Бхайрави, спаси и защити нас от исчадий Тьмы!

Варвар вспомнил существо, появившееся из клубящегося серого тумана на краю площадки, окруженной каменным амфитеатром. Сначала из глубин провала донесся жуткий хохот и скрежет — словно сотни мечников вздумали царапать своими клинками огромное стекло. Потом колючие кусты на краю бездны вспыхнули, затрещали и обратились в прах. Массивная тень заворочалась, вздуваясь, как огромный гнойник, волны холода накатились на ступени амфитеатра, заставив зрителей оцепенеть в ожидании зрелища, виденного ими неоднократно, когда мужественные сородичи выходили на сцену, чутко ступая по растрескавшимся плитам, чтобы снова и снова с отчаянной безнадежностью исчезать среди клубящейся тьмы под плотоядный хохот чудовища.

Оно походило на хамелеона, улитку и жабу одновременно. Брюхо, отвисшее, покрытое тусклыми роговыми пластинами, между которыми вздувалась и опадала зеленоватая кожа, колыхалось, как огромный мешок, делая монстра на вид несколько неуклюжим; лапы имели по восемь суставов и длинные цепкие пальцы, увенчанные загнутыми когтями, алыми и блестящими, словно ногти придворного модника, покрытые лаком. Плоский хвост волочился по плитам, оставляя белесую слизь, огромные ступни по-стариковски шаркали, и непонятно было, как столь нелепое создание может карабкаться по отвесным скалам.

Впрочем, Конан вскоре убедился, что может, да еще как.

Варвар стоял в центре площадки, словно лицедей, готовый сыграть главную роль в жутком спектакле. На ступенях амфитеатра безмолвно восседали песьеголовые и их женщины; где-то там была и Ка Фрей, следившая за ним полными ужаса и слез глазами.

Демон зашипел, выпустил длинный огненный язык и, воздев над уродливой мордой длинные кривые руки, двинулся вперед, подминая колючки, пробивавшиеся между плитами. Хвост, еще недавно бесцветный и студенистый, побурел и покрылся черными полосами, повторявшими очертания трещин. Грудь его покрывало нечто округлое, красноватое, с розовыми прожилками, и Конану сначала показалось, что это какой-то щит или воротник, наподобие кольчужного, защищающего грудь латника, но, когда монстр приблизился, варвар разглядел: то была нижняя губа чудовища, а над ней, блестя желтой слюной, скалились мелкие, по-щучьи острые зубы...

Длинный язык, полыхавший жаром, коснулся его лица. Вернее — маски, прикрывавшей лицо киммерийца. Маска была сделана виртуозно, как и все в городе клинков, и, надев ее, Конан стал неотличим от песьеголовых, разве что синие глаза, смотревшие в отверстия фальшивой собачьей головы, могли бы его выдать. Однако Хохочущий Демон распознавал лишь обман, навеянный чародейством, маска же была рукотворной, а посему чудовище видело ее точно так же, как и все остальные: не слишком отчетливо в полумраке, царившем на краю пропасти.

Конан заставил себя стоять смирно, хотя его так и подмывало воспользоваться арсеналом, которым он запасся. Варвар застыл, словно изваяние, подняв руки, продетые в полые стебли гигантского бамбука: эти наручники, согласно замыслу, должны были сыграть роль кожи ящерицы, когда он окажется на дне.

— Kru singh omm-olul — услышал он, словно сквозь толщу воды, хриплый крик Абрасана. — Хали, Хали, мать наша, прими то, что повелел Сома, Владыка Снов!

Ах вот как, значит бог Луны лично удостоил его чести стать жертвой пузатого демона! Надо же. И еще — раджу песьеголовых ни словом ранее не обмолвился, что ведет свою родословную от Девятирукой. Кажется, он утверждал, что прародительницей его племени была трехголовая Снейгу. Нет, пожалуй, сам Ормазд, Судья Судей, не смог бы разобраться в хитросплетении верований жителей этих земель!

Впрочем, разбираться сейчас времени не было: за поблескивающей слюдянистой оболочкой похожее на желток полупрозрачного яйца глазное яблоко монстра двигалось, перетекая внутри поблескивающего нароста посреди его покатого лба — по бокам, похожие на листья чертополоха, колыхались под слабым ночным ветром дряблые уши. Колыхание прекратилось, желтый шар застыл, и красная крапинка, блестевшая посередине, определилась: взгляд демона вперился, ощупывая жертву.

«Иди, — мысленно молил варвар, — возьми меня! Иди, пузатый, во имя твоей грудастой Госпожи, я, ускользнувший от Нее, жду тебя!»

Демон, видимо, что-то чуял — отблеск или запах мыслей — он взболтал единственный глаз, как повар, готовящий яичницу-болтунию, и выплеснул щучьим ртом звук, похожий на смех изувера, добравшегося до вожделенной селезенки жертвы.

«Хо-о, — пронеслось над амфитеатром, — Хали-вхо-о!»

В тот же миг монстр кинул свои руки-корни, многочисленные суставы защелкали, и пальцы, похожие на бледных червей, но подобные захлестнувшей силой аркану кочевника, сдавили руки варвара.

Хрустнуло древесное волокно бамбука, на миг Конану показалось, что наручни не

выдержат, и его запястья будут раздавлены безжалостной силой, но — обошлось; киммериец почувствовал пустоту под ногами и холод в животе; амфитеатр, оттаяв, ахнул: утюжа плиты, монстр отступил и канул вместе со своей добычей в логово, дарующее тьме — тьму.

Спускались стремительно. Демон, не переставая хохотать (утробные звуки кружили голову, пожалуй, пострашней спуска), вытягивал нижние лапы, казавшиеся еще недавно неуклюжими, столь проворно, что ему мог бы позавидовать любой скалолаз, рожденный по обе стороны Киммерийских гор. Его похожий на нарости голубоватого льда глаз крепко сидел во лбу — крутился под оболочкой лишь желтый зрачок, как матрос в корзине наверху мачты: выглядывал путь. Варвар висел, напоминая себе подстреленную дичь, раненную, еще не простившуюся с жизнью, но уже в тенетах — а охотник ликующе хукал, скользя по расщелинам столь же легко, как обычные звероловы ходят через вереск или теплый песок, возвращаясь с добычей.

Столько раз демон вступал на гибельные места, что голова шла кругом. Там, где была тропинка или тень лестницы, не ложились шаги его широких ступней — монстр застыпал, поводя желтым зрачком, и вдруг бросался на отвесную стену. Он нес свою добычу на вытянутых руках, не касаясь ею скалы; живот под костяными пластинами гулко бухал, когда тварь с проворством ящерицы отыскивала магическим глазом лазейки на дно. И гладкая стена обращалась в пологую расщелину, и на месте подозрительных осипей возникали лестницы.

Серый туман сгущался, но, странно, становился все прозрачней, подсвеченный снизу багровыми сполохами. Спуск шел все круче, временами демон скользил надувшимся животом по гладкому, словно ледяная горка, склону, и хохи-тал все громче, радуясь своей ловкости.

И, съехав в очередной раз, вдруг побежал вперевалку, все так же удерживая человека — варвар болтался в его лапах, как тряпичная кукла. Багровый свет шел от камней; густо белели кости и черепа, потрескивавшие под ногами чудовища, как сухой мох в лесу. Еще ржавело на дне оружие: остатки мечей, копий и палиц, так никогда и не пущенных в ход. И рокотал, мощно вырываясь из недр, радужный фонтан, окутанный паром.

Наконец монстр остановился, красный зрачок снова уставился в прорези собачьей маски — Конану показалось, что демон разгадал обман и готов к мести.

Он не стал медлить: разжал занемевшие пальцы и отпустил круглые срезы бамбука, за которые держался. Надо сказать, из последних сил.

Тело его скользнуло вниз: монстр по-прежнему сжимал наручни, облизывая полыхающим жалом рыбы свои зубы. Конан не стал ждать, пока тварь пошевелит мозгами, если такие, конечно, наличествовали: остро отточенная крестообразная чакра — излюбленное метательное оружие вендийцев, которым Конан учился владеть в Айодхье — с шелестом понеслась сквозь серый туман и полоснула по лбу чудовища. Вопль, сернистый дым и страшный удар стремительно удлинившейся суставчатой руки, обрушившийся на голову варвара...

Самое приятное — вспоминать былые схватки, попивая некрепкое вино (крепкое способствует пробуждению былой агрессивности, что не всегда приятно для слушателей), закусывая мяском, а потом, ковыряя в зубах костяной зубочисткой, или, на худой конец, просто щепкой, наслаждаться впечатлением слушателей. Тем паче — слушательниц.

Слушательница у Конана имелась, и слушательница благодарная: увы, будучи также и свидетельницей — во всяком случае заключительной стадии — подвига киммерийца, Ка

Фрей снова сжималась и трепетала при одном воспоминании об ужасном видении, представшем ее глазам там, в древнем амфитеатре. Что ж, варвар ее понимал: его вид после появления из пропасти был отнюдь... как бы это помягче выразиться?.., отнюдь не героический.

Дядюшка Пу — где только делают столь бесчувственных старикашек? — слушая рассказ северянина, не проявлял особой заинтересованности. Он мял свои четки и жевал губами: казалось, явись пред ним Хохочущий Демон во всей своей красе, патриарх неприкасаемых и тогда бы не сдвинулся с места.

— Раджуб песьеволовых снабдил меня всем необходимым, — сказал Конан, решив для себя, что старик просто притворяется.

Киммериец никак не мог поверить, что существуют на свете люди, равнодушные к орудиям убийства. Даже Учитель, который был Приближенным Богов, когда-то счел необходимым обучать его не чему иному, как Искусству Убивать.

— И, уж поверь мне, вооружен я был почище гирканской орды, надумавшей завоевать хайборийские королевства. Помимо чакр (дисков, крестовин с загнутыми наконечниками, остроразящих звезд и вендиjsких шаров-зацепок, похожих на перекати-поле, но только металлических и снабженных острыми коготками), на поясе киммерийца висели шесть кинжалов (от одного до шести лезвий каждый), гарруда (протыкающая палица), втыкач (небольшое копье, пристегиваемое к запястью), хассак (стигийский метательный нож, лезвие коего было гораздо тяжелее рукоятки — с ожидающими последствиями), барртаммбуги (свинцовые гирьки в кожаных чехольчиках на кожаных же ремешках, которые можно было раскручивать над головой, и, если враг не противопоставлял им круглый кожаный щит-турч, способные проломить не то чтобы лоб, но и шлем, его прикрывающий) и еще кое-что, столь же достойное.

Дядюшка Пу покивал и пожевал губами. Сидел ровно, плоский его зад словно с рождения попирал циновку посреди хижины.

— Когда чудовище нанесло мне удар, думая, вероятно, что тут же меня прикончило, я пустил все это в ход, — сказал Конан, поглядывая, нет ли еще закуски.

Закуски не было.

...Удар демона бросил киммерийца на тускло светящиеся камни — он упал спиной, и оружие его лязгнуло. Монстр нависал, грозя руками и зрачком: в глаз полетел следующий метательный диск и, лязгнув, отскочил.

Тогда в ход пошел меч.

Клинок поднимался и падал, а монстр только поводил руками, отбиваясь, как деревенский дурачок от прутика мальчишки. Немедийская сталь полосовала по груди и плечам, не оставляя ни малейшего следа — только взъерошивалась шерсть, и глотка чудовища исторгала хохот. Глаз его нависал, смотрел сверху на размахивающего мечом человека, и в красной искре посреди желтого шара вырастала и — сверху, с роста, из-под надбровий жабьей морды — готовилась упасть: смерть.

Смерть грозила киммерийцу не раз — тысячу: в седле, на троне, в застенках, там, где ее не ждали, и среди пиршественного разгула, таящаяся в рукаве или кубке, и в дружественной улыбке вчерашнего соратника, и другая, за голенищем обычного вора (эта была предпочтительней, он с ней даже дружил), и в постели женщины (этую он привык распознавать и даже играл с нею — к восторгу и ужасу дам, обреченных своей покорностью тем, кто использовал их, либо страстью, над коей тщились сии создания властствовать —

тщетно), но предпочтительней — в честном поединке, когда сталь против стали, сила против сила. Когда разудится плечо, и рука идет во взмах, и не стыдно умереть...

Демоны, нежить, колдуны не ведали чести. Против них бессильными зачастую оказывались и привычное оружие, и ловкость, и даже, как ни странно, мольбы, обращенные к Митре. Только коварство и звериное чутье спасало варвара — не раз и не два.

Он бился, стараясь устоять на светящихся багровым камнях, среди тусклого тумана, пуская в ход все свое замысловатое оружие, и уже зная, что проиграл, что демону не страшны ни меч, ни летающие диски с остро отточенными краями, ни палицы, ни проникающие в глаза железные когти, надеваемые на мягкие человеческие пальцы. На то он и демон.

Они топтались по острым обломкам, приплясывая, словно танцоры, облаченные в маски; фонтан кипящей воды с шипением бил за спиной человека. В какой-то момент Конан оглянулся и увидел у подножия гремящего гейзера большой, тусклый фиолетовый кристалл: Моррокан лежал, присыпанный сверху костями тех, кто тщетно пытался вернуть его своему народу.

Монстр вдруг застыл, обратив бледно светящийся глаз на талисман клинков. Пластины на его отвисшем брюхе разошлись, сквозь тонкую кожу проступили, словно натягивая ткань, лики: человеческие, беззвучно двигающие губами; слепые глаза, казалось, силились узреть что-то сквозь кожу демона.

— Ур-р-зыхи! — проревел монстр и разразился очередной порцией хохота. — Ус-снеш, с-па, Кон-най!

Киммериец опустил меч, оперся на рукоять, сплюнул и спросил по-киммерийски:

— Спать? Ты предлагаешь мне вздремнуть, ублюдок?

— У-ехр! — хрюкнул монстр.

— Очевидно, мне следует пролезть за твою губу, в чудесное брюхо. Ух-зы?

Он не мог уразуметь как, но чувствовал, что понимает демона и может говорить на его языке. Возможно, действовал Морриган, во всяком случае, от фиолетового камня накатывались ощущимые волны, завораживающие, усыпляющие...

Конан почувствовал, как подгибаются ноги, и покрепче оперся на рукоять немедийского меча. «Окажешься под землей и должен будешь навсегда уснуть...» Кто это говорил? Ах да, заморыш-жрец перевел таким образом каркающую речь дикарского шамана. Серолицый сказал лишь несколько слов, но значили они многое. Кажется, людоед поминал чей-то глаз, положенный в рот. Кром, неужели и вправду придется оказаться в желудке монстра и поглядеть на него изнутри?! Или... О Митра, дикарь поминал один глаз!

— Вла-а, ум-ба-ала!

— Ладно, уговорил. — Варвар сделал вид, что сдался. — Ты мне тоже нравишься. Открой пасть пошире: лечу на крыльях, о коварный мой искуситель!

Демон расхохотался и отвалил нижнюю губу чуть ли не до земли. Он пригнулся, раззявив черную пасть, в которой метался огненной змеей страшный язык. Что творилось под низким лбом чудовища, оставалось неведомым, но киммериец чутьем понял: Хохотун поверил, ибо ждал, что морок окутает разум жертвы и заставит покорно броситься в чрево!

Отбросив меч, Конан побежал вперед, вытянув руки и загребая ногами по острым камням: прах павших героев окутал его до колен белым облаком. Щучьи зубы блестели все ближе, огненная змея полыхала и билась в черной дыре, бледные пальцы с алыми когтями извивались, как щупальца медузы...

Нырнув под корявые лапы, варвар ухватился за нижний край слюнявой губы и резко

дернул вверх, сжимая скользкую кожу изо всех сил и моля Митру лишь о том, чтобы хватило сил не выпустить этот отвратительный, холодный и упругий кусок мяса. Сил хватило: губа чудовища покрыла его голову вместе с ушами. И вместе с хрустальным глазом-яйцом, конечно. Демон застыл, потом нижние его лапы подогнулись, он тяжело плюхнулся на камни широким задом и стал заваливаться на сторону...

Этого киммериец не открыл ни песьеволовым, когда выбрался из пропасти, держа в руке вырванный глаз чудовища, ни вендиже, которая осыпала своего «небесного супруга» поцелуями и заверила, что теперь готова «не только целовать его пятки, покрытые киноварью, но и выносить ночные вазы, вобравшие след небесных испражнений». К чему знать непосвященным подробности? Достаточно того, что песьеволовые получили свой кристалл и отпустили их с Ка восвояси.

Дядюшка Пу, впрочем, так не думал. Он вдруг заерзal своим тощим задом по циновке, зачмокал губами, открыл розовые десна и произнес:

— Ты ведь заставил Хохочущего спать, сынок, не правда ли?

— Заставил, — подтвердил варвар, нисколько не обидевшись на «сынка», ибо Пу имел в чертах своих убедительную печать древности. — Натянул ему нижнюю губу на глаз, он и задрых.

— А потом?

— Потом? Вижу — почивать изволит, отогнул кожу, ковырнул мечом глаз, с ним и поднялся наверх. Глаз — словно магический кристалл, через него видно, где настоящие ступени, а где иллюзия.

— Это хорошо, — кивнул Пу, — теперь у тебя есть три полезных предмета. Светящийся Полип, Бледная Лягушка и Магический Глаз. Это странно.

— Почему?

— Потому что никогда еще Претендент не обладал таким набором.

— Претендент? Кром, я тебя не понимаю!

— Претендентом зовется тот, кто хочет исполнить роль Одноногого Синга. Халипуджа завтра.

— Ты забыл еще Плод Желаний.

— Нет не забыл. Но, чтобы им воспользоваться, тебе нужно будет предстать перед лицом Богини Смерти. Ты ведь не хочешь этого делать?

— Не знаю... Вообще-то Девятирка не вызывает у меня особого восторга. Коварная, злобная... Кстати, почему у нее девять рук? С одного боку пять, а с другого только четыре.

— Ее отсек демон Бхавани, знавший, что эта рука Хали способна испепелить всякого, к кому прикоснется. Демон затеял с богиней танец страсти и лишил ее конечности. Рука упала на гору Меру, с тех пор из ее вершины бьет огонь и летит сера.

— Странные у вас боги, — проворчал варвар. — Танец, страсть, и туда же — мечом махать. Ладно, у небожителей свои привычки. Скажи-ка лучше, старик, чем столь полезны предметы, по разным причинам оказавшиеся в моей сумке? И какое отношение имеют они к Одноногому Сингу, этому великому герою древности, спасшему некогда, как рассказывала мне Ка Фрей, гадхарцев?

— Синг не был великим героем, — молвил в ответ дядюшка Пу, пожевав предварительно губами. — Он был деревенским дурачком.

В его словах не было и тени насмешки, говорил старик как всегда спокойно и рассудительно. Старейшина неприкасаемых нравился Конану, как близки его сердцу были

седые скалы, хранившие покой вечности. И Аккасар, поселок, где жили отверженные, неожиданно пришелся по душе, хотя варвар ожидал увидеть грязь, нищету и развалившиеся хижины.

Песьеголовые с благодарностями приняли из рук Конана свой талисман, но не предложили киммерийцу и его спутнице остаться в Дангуне. Хотя бы из вежливости. Впрочем, варвар считал, что это им на руку: клинхи проводили его и девушку до реки и даже принесли с собой узкую лодку, которая и помогла преодолеть водную преграду.

Распрощавшись с песьеголовыми на рассвете, к полудню они уже достигли Аккасара. Вдоль берега тянулись дощатые мостки, на которых женщины в юбках из пальмовых листьев и коротких, грубой выделки кофтах стирали белье. Стоя на коленях, ануны из-под ладоней смотрели на приближающуюся лодку. Они, судя по всему, узнали Ка Фрей, но не выказали ни радости, ни удивления.

Девушка провела северянина узкой тропинкой, вившейся между бамбуковыми зарослями, в деревню. Воздух был чистый и такой благоуханный, что, казалось, оживил бы и мертвого. Мягкий ветер дарил прохладу, среди стволов раскидистых деревьев, явившихся за бамбуковой рощей, щебетали маленькие птахи, а дикие голуби нежно курлыкали в ветвях, под которыми стояли аккуратные тростниковые домики, крытые пальмовыми листьями.

Навстречу попадались местные жители. Никто из них не носил масок, а в руках мужчин встречалось даже оружие: палки с заостренными концами. Женщины несли на головах глиняные кувшины с водой из реки или плетеные корзины с бельем, лица их были спокойны, как и лица их мужей.

Среди неприкасаемых Конан заметил несколько прокаженных, причем у некоторых болезнь зашла весьма далеко. Особенно выделялся один мужчина: на спине и плечах у него, словно огромный краб, распласталась язва, посередине синяя, а по краям золотисто-желтая, У несчастной молоденькой девушки, попавшейся навстречу, столь же печальным образом оказалось изуродованным лицо. Вместо носа виднелась лишь дыра, скулы распухли и гноились, воспаленные глаза покраснели и, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Увы, это была не маска, как решил было поначалу киммериец. Впрочем, как он заметил, несчастные, казалось, вовсе не горевали о своей беде и занимались будничными делами столь же спокойно и безучастно, как и другие неприкасаемые.

Ка провела варвара через еще один тенистый проход, и по нему они добрались до луга, на краю которого, на холме, стояла хижина старейшины поселка. Возле росло дерево тоа с длинными ниспадающими коричневато-зелеными ветвями, с коих печально свешивались узкие волокнистые иглы. Спокойную грусть навевал вид этого растения — чувство, которое царило в Аккасаре безраздельно.

Дядюшка Пу, более похожий обликом на кхитайца, чем на уроженца Вендии, встретил ануна и ее спутника без волнения, но приветливо. Угостил вареной курятиной, фруктами, терпеливо выслушал, полуприкрыв глаза и перебирая четки, и заговорил только тогда, когда узнал все необходимое.

Его сообщение насчет Синга, который, как оказалось, был тем самым мальчиком-дурачком, о котором рассказывал Конану Безголовый Рогар, удивило и заинтересовало киммерийца. Впрочем, он уже привык к самым неожиданным поворотам событий.

— В честь маленького Синга и возник обычай передавать престол Гадхары на три дня тому, кто победит в состязаниях, — рассказывал старейшина. — Состязания проводятся в честь подвигов того, кто спас гадхарцев, хотя и не был героем.

— И в чем они состоят? — спросил киммериец.

— Во-первых, надо поймать руками рыбу в бассейне, устроенном в темном помещении.

Так повелось после следующего случая. Если ты помнишь, кальпаврикаша была столь высока, что листья ее закрывали свет солнца. Среди гадхарцев царил голод. Когда обратившаяся в тигра Кали разрезала свой язык и покинула гору Дейгин, к дереву прибыл раджуб, приветствуемый большой толпой людей. И вот, маленького Синга случайно столкнули в реку. Когда дурачок выбрался на берег, весь облепленный тиной, он сжимал в руках огромного карпа. Говорят, с тех пор Синга заставляли нырять по десять раз на дно, и всякий раз дурачок появлялся с рыбой в руках. Правда то или молва, но во время праздника Калипуджи Претендент должен повторить этот подвиг: поймать в темноте рыбину.

— Понятно, — кивнул варвар, — здесь мне поможет полип якшей. Он светится в темноте, а вода для него — родная стихия. А на что может сгодиться глаз демона?

— Синг, как многие люди, чей разум не связан устоявшимися понятиями, не боялся лесной нечисти, которая так любит пугать незадачливых страшными видениями. Поэтому Претенденту надлежит одолеть фантомов в Комнате Иллюзий. Ты же, обладающий глазом, способным распознавать морок, можешь и здесь легко победить.

Киммериец довольно хмыкнул. Ему все больше нравился праздник Калипуджи.

— А лягушка?

— Ее яд способен убить или погрузить в сон: в зависимости от концентрации. Если же прикоснуться к бородавкам пальцем, можно вызвать одервенение членов, которое проходит спустя несколько часов. Бледную лягушку специально отлавливают для подобных целей, чтобы выдержать испытание у Священного Котла.

— Ну, я уж как-нибудь постою на одной ноге без посторонней помощи, — проворчал варвар, — тем более, держась за шест. Что еще?

— Есть еще одно простенькое соревнование, с которого все и начинается... — начал было Пу, но Конан вдруг схватил его за руку и приложил палец к губам.

— Т-с-с! Что это за звуки?

Снаружи донесся громкий шелест, похожий на хлопанье огромных крыльев.

— Где девчонка?!

Увлеченный беседой, он не заметил, как вендинка выскоцила из хижины.

— Тебе не о чем беспокоиться, — заговорил старик все так же мягко, однако чутье и опыт подсказывали киммерийцу совсем другое.

Он вскочил и, подхватив перевязь с мечом, мигом очутился снаружи.

В тени дерева тоа, под длинными свисающими иглами, ворочалось некое существо. Два огромных полукруглых крыла, черных, как ночь, горящие изумрудным светом глаза, словно прикрытые сеткой, над маленькой головкой — два длинных тонких рога. Перед ним на коленях стояла Ка Фрей, и эти рога-щупальца тянулись к лицу девушки.

Меч вылетел из ножен, привычно ложась в ладони отполированной рукоятью. В два прыжка варвар покрыл расстояние, отделявшее его от чудовища. Взмахнул клинком, стараясь вложить всю силу в удар...

— Нет! — услышал он отчаянный крик вендинки. — Не смей его трогать!

Слишком поздно: лезвие, свистнув, опустилось, развалив крылатое создание надвое.

ГЛАВА 11. Город Слона. Четвертый дурак

круженный джунглями и болотами, Город Слона лежал посреди небольшой долины, как

драгоценный камень в зеленой изумрудной оправе. Площади и прямые его улицы всегда были политы ароматной водой, каналы и фонтаны источали прохладу, в цветущих садах деревья круглый год приносили плоды. Покой гад-харцев охраняли крепкие башни и стены, соединенные целым переплетением галерей и висячих мостов, легких и изящных, как крылья бабочки. Жители города любили похвастать, что, раз поднявшись на стены, можно бродить по ним целый день, ни разу не спустившись на землю и не проходя по одним и тем же местам.

И странно было видеть посреди белостенных домов, утопавших в зелени, на рыхком холме, где не росло ни единое дерево, черный, увенчанный островерхими шпилями, храм, окруженный мрачными изваяниями: жилище Хал и. К нему вела широкая лестница, по сторонам которой в огромных чашах, укрепленных на медных треногах, днем и ночью пылали священные огни.

Впрочем, присутствие черного храма не омрачало светлого утра любимейшего гадхарцами праздника, посвященного их покровительнице, грозной, неистовой и страстной Богине Смерти. Улицы были полны народа. Приодевшиеся по случаю торжеств, шествовали в сопровождении слуг и наложниц богатые франты в плотно облегающих торс джа-мах с узкими рукавами, собранными от кисти до локтя в подобие браслетов, завязанных наверху у левой подмышки. Сии пестрые одеяния оканчивались широкой юбкой, выкроенной так, что книзу обращены были длинные острые зубцы, начинающиеся от середины бедра и доходящие почти до середины голени. Талии модников стягивали разноцветные пояса, завязанные на животах пышными бантами и ниспадающие спереди длинными концами. На головах — высокие шапочки с округлым верхом, обмотанные понизу тканевыми жгутами.

Вендийские мужчины напоминали пестрых чванливых птиц, а к гадхарцам это сравнение подходило особенно. Тем более, что мужи сего племени красили яркими цветами не только зубы, ногти, но и лбы, и мочки ушей.

Богатые гадхарки щеголяли в длинных радужных юбках, широких и густо присборенных в талии. У многих спереди виднелась полоса тонкой материи, заложенная мелкими складками: чем прихотливей была подобная сборка, тем искуснее считалась ее обладательница. Иные надевали тонкие полупрозрачные юбки на яркие сальвары, а плечи и голову, несмотря на жару, покрывали большими квадратными шальми, края которых подтыкали под вырез узкого лифа. Всех модниц объединяло одно: низко открытые животы, полные, блестящие, с выкрашенными кармином пупками.

Народ попроще, мужчины и женщины, носили традиционную вендийскую одежду дхоти-курту, состоявшую из длинной набедренной повязки, пропущенной между ног и завязанной узлом на животе, и длинной рубахи с широкими рукавами. Впрочем, простолюдинки тоже не упускали случая продемонстрировать свои округлые животики, пышностью форм ничем не уступавшие сим частям тела аристократок.

Разносчики фруктов, напитков и сладостей вовсю расхваливали свои товары, грохотали по мощеным камнями улицам тонги — городские экипажи, представлявшие собой две соединенные спинками скамеечки на двух колесах под навесом — запряженные небольшими мохнатыми лошадками, а по желтым пыльным дорогам из окрестных селений тянулись к городским воротам повозки, влекомые спокойными волами с развешистыми рогами и горбами над мощными лопatkами. Жители гадхарских деревень и городков спешили на праздник.

По случаю Халипуджи люди украшали не только себя, но и своих любимцев: в гривы

лошадей вплетены были бумажные цветы, рога волов вызолочены, на многих животных красовались вышитые шапочки и красные пятнышки посреди широких лбов. Извозчики, хозяева тонг, наносили на тела своих лошадей орнамент в виде оранжевых кружков, и в тот же цвет красили им ноги до колена.

Гирлянды бумажных фонариков унизывали стены домов и ветви деревьев, а в ясном небе реяли яркими мазками бумажные змеи.

Мало кто из жителей Запада, окажись он в это утро на улицах Города Слона, поверил бы, что все это великолепие красок, радостные лица и изысканные одежды явились в честь Богини Смерти. И покачал бы путешественник головой, и в который раз посетовал на неразумность вендицийцев, с улыбкой поклоняющихся той, кто наводит ужас на праведного хайборийца...

Для человека, стоявшего в утренний час на широкой террасе великолепного дворца, выложенного из золотых кирпичей, зрелище, открывающееся внизу, было привычно. Вегаван, первый советник раджуба Гадхары, смотрел на пеструю толпу, бумажные гирлянды и змеев в утреннем небе равнодушно, с толикой легкого презрения. Забавы толпы! Он, облаченный высокой властью, обладающий многими секретами, знал многое из того, что было скрыто от непосвященных за пышной бутафорией праздника.

Глядя, как вол и буйвол вместе тянут по широкой улице одну поклажу, вазам невольно подумал, что все же в одну телегу впрячь можно и столь разных животных. Они такие непохожие, что и сравнивать трудно: буйвол низкий, коротконогий, широкий — олицетворение силы и неудержимого движения к цели. Вол из породы зебу, дымчатый, словно уттарский кот, с ровной шерстью, на высоких ногах, и вызолоченные рога — словно дорогие украшения на голове с огромными, подернутыми дымкой грусти глазами...

Вегаван взглянул на Астрель, стоявшую рядом. Та же печаль в черных зрачках, длинные ресницы, гордый поворот головы. И он рядом: коренастый, сильнорукий, решительный... Разные, но вместе.

Советник отбросил ненужные мысли: время размышлений прошло, настала пора действовать. Слишком многое решается, и да помогут ему Девятирка и Повелитель Снов!

— Пора, — сказал он негромко, — твой отец уже готов спуститься в шатер.

— Да, — откликнулась девушка, — я не меняю решений, но душа моя полна тревоги. Раджуб не молод, и выдержит ли его сердце сон, навеянный напитком Сомы?

— Вичитравирья не станет обманывать. Она вовсе не желает, чтобы повелитель Гадхары умер. Сон его будет неотличим от смерти, но жрица Бога Луны даст нам противоядие...

— Если мы выполним ее условие и отдадим Плод Желаний.

Вазам немного помолчал.

— Соглядатаи донесли, — сказал он решительно, — что млечх пришел в Город Слона. Он привел на веревке ану-пру в отвратительной маске, которую хочет объявить своей женой. И принять участие в состязаниях Претендентов.

— Северянин не робок...

— Он, конечно, проиграет. Когда я стану Одноногим Сингом, я смогу предложить млечху в обмен на Золотой Орех любое из того, что он пожелает: золото, должности, почести, все, к чему лежит варварская душа. Когда мы выполним условие Вичитравирьи и получим противоядие, объявим Совету, что можем воскресить "умершего" раджуба. В обмен на престол, конечно, и не на три дня, а навсегда. Стране нужен новый правитель, решительный, способный воскресить былую славу Гадхары. И новая правительница...

Вегаван выразительно взглянул на свою собеседницу.

— О, — прошептал он страстно, — как я мечтаю раскрасить твой лоб и соединить наши руки священными шнурами!

В прекрасных глазах Астрель промелькнул гнев.

— Молчи! — воскликнула она, отстраняясь. — Ты получишь меня только тогда, когда мой отец добровольно удалится в изгнание. Я должна быть уверена, что с ним не случится ничего худого.

— Конечно, — поклонился вазам, — все будет так, как мы замышляем.

— Но почему ты уверен, что млечх добровольно отдаст плод? Ведь он и так может исполнить любую свою прихоть...

— Ты забываешь, что для этого варвару нужно предстать перед лицом Кали. А в храм его просто так не пустят. Если же северянин окажется настолько глуп, что откажется от моих предложений, я провожу его к Богине Смерти, и она попросит млечх подарить мне Плод Желаний. Ты знаешь, как Девятирукая умеет просить...

Астрель вздрогнула и зябко повела плечами под тонкой шалью, хотя утро было жарким.

— Я знаю, — сказала дочь раджуба, — что тот, кому суждено испытать Взгляд Кобры, либо погибает в страшных мучениях, либо живет очень долго и, как говорят, может даже обрести вторую молодость. У Девятирукой свои пристрастия.

— Да, — кивнул вазам, — любовь богини столь же сильна, как и ее ненависть. О том ведомо и небожителям, даже Сома не станет ссориться с Девятирукой. Мы вернем Плод Желаний его жрице, а наша грозная покровительница проследит, чтобы Вичитравирья не использовала Золотой Орех нам во вред.

Советник тонко улыбнулся, довольный тем, что в силу своего высокого положения и тайных знаний смеет рассуждать о делах богов, как об обычных дворцовых интригах. Не зря он столько сил и времени положил на изучение священных шастр, не зря вместе с брахманами участвовал в леденящих кровь обрядах за черными стенами храма на рыжем холме. В награду за труды он, Вегаван, получит прекраснейшую из женщин и власть над Гадхарой. И не только: он не станет сиднем сидеть в Городе Слона, как делает это старый раджуб, он отправится во главе кшатриев к стенам Дангуна, за которыми прячутся трусливые люди-собаки, он покорит их своей воле и завладеет священным талисманом песьеголовых. А там, если захочет Кали, войска двинутся на Айодхью, и он взойдет на престол Вендии, чтобы избавить народы от власти Деви Жазмины и основать новую династию!

Не следует, однако, прыгать через ров прежде лошади, одернул себя вельможа. Всему свой черед, и пока Совет не передал ему власть, он будет добросовестно играть роль советника раджуба, преданного и служливого.

— Пора, — повторил вазам, снова кланяясь Астрель, — отправимся в шатер и займем места, нам подобающие.

Надеюсь, ненадолго.

И они, разойдясь, двинулись каждый в сопровождении своей свиты через мраморное кружево залов — навстречу судьбе.

* * *

— Ты должен поносить меня последними словами!

— Это еще зачем?

— Таков обычай. Надо, чтобы все думали, что ты ненавидишь анупр. Тем более в день Халипуджи, когда вход в город нашей сестре вообще заказан. Делай вид, что привел меня силой.

Конан сердито сплюнул на политую розовой водой мостовую. На них и так таращились все эти расфуфыренные гадхарцы и гадхарки с раскрашенными лбами и золотыми колечками в ноздрях. Нет, конечно, и в хайборийских королевствах мужчины иногда красили зубы, часто носили в ушах серьги, браслеты на запястьях и перстни на пальцах. Но куда было какому-нибудь аквилонскому моднику до вендейского франта! Здешние мужчины, пожалуй, могли легко перещеглять своих жен обилем побрякушек, пышностью одежд, а уж томностью манер — и подавно.

Шагая среди гудящей толпы, варвар едва сдерживал желание врезать какому-нибудь ротозею по желто-сине-красным скалящимся зубам. Он и сам был объектом праздного любопытства, а тут еще Ка в своей дурацкой маске, полученной в Аккасаре взамен канувшей в водопаде. Шею девушки охватывала веревочная петля — "небесный супруг" вел свою нареченную на аркане, как требовал того обычай.

— Ну пожалуйста, о победитель демонов, ругай меня! — услышал он снова приглушенный, полный мольбы голос вендики.

— Ничтожное создание, — буркнул Конан, — несчастная уродина...

— Еще! И громче!

— Твоей гнусной мордой можно пугать Детей. Ты достойна обитать в выгребной яме. Ты глупа, как... как пустой кокосовый орех.

Встречные, заслышиав его слова, одобрительно кивали, какой-то толстый коротышка даже плонул в сторону ану-пры.

— Еще!

— Послушай, я уже выдохся.

— До шатра совсем недалеко.

— Ладно, будь по-твоему, кривобокая, коротконогая, плос-кобрюхая дочь кастрата!

— Ну уж нет! — обиженно вскричала Ка Фрей. — Не говори плохо о моем животе!

Вовсе он не плоский, а очень даже кругленький и аппетитный...

Так, переругиваясь, они достигли главной площади, куда вливались прямые чистые улицы. Мостовая здесь была усыпана белым песком. По мере приближения к площади толпа стихала, люди шли чинно, опустив головы и негромко переговариваясь.

Обогнув угол последнего здания, Конан и девушка оказались напротив длинной стены яркой ткани, над которой реял, надуваемый ветром, огромный матерчатый купол. Гигантский шатер занимал почти все пространство площади, и все же за ним хорошо были видны рыжие склоны холма с чернеющими наверху шпилями храма Хали.

Толпа втекала сквозь развинутый полог, более похожий на городские ворота, — в цветную тень, под сень ярких узоров, пронизанных солнечными лучами. Колышущиеся стены отгораживали теперь людей цветением причудливых красок от остального мира.

Вошедших было много, очень много, и все же в сухом воздухе царила почти полная тишина. Улыбаясь, гадхарцы рассаживались прямо на белом песке: никакой спешки, никаких резких движений. Они сошли сюда лицезреть таинство и готовились к нему подобающим образом.

Не слыша своих шагов по мягкому песку, вздымая сапогами легкие белые вихри,

киммериец двигался туда, где посреди покрытого тентом двора стоял настоящий матерчатый дворец с синими стенами, украшенными красно-золотыми узорами. По обе стороны сооружения выселились два других, поменьше, оба черные, унизанные серебряными блестками, как ночное звездное небо.

У входа в синий шатер стояли два стражи с круглыми щитами и чиновник с вощеною дощечкой и стилем в руках. Тех, кто желал попасть внутрь, он спрашивал о надобности, которая привела, и о подарках, принесенных раджу.

Надобность у варвара нашлась, с подарками вышло некоторое затруднение. Когда чиновник, с любопытством поглядывая на его необычную одежду, осведомился, зачем млечх желает предстать перед очами повелителя Гадхары, киммериец дернул веревку и проворчал:

— Желаю взять в жены эту девчонку.

— Имя?

— Ее?

— У анупр нет имен, млечх. Я желаю знать, как зовут тебя.

— Конан.

— Ты дваждырожденный?

— Да.

— А где твой священный шнур?

— Я его потерял.

— Чем докажешь свое право?

Конан насупился. Метод, которым он привык завоевывать свои права, тут явно не годился. Поэтому пришлось продолжить объяснения.

— Слушай, уважаемый, — сказал варвар как можно мягче, — в день Калипуджи каждый имеет право попытать счастья занять место Одноногого Синга, так?

— Да, таков обычай.

— Ну вот.

Чиновник удивленно поднял брови, ожидая продолжения.

Мысленно проклиная тупость вендицийцев, Конан пояснил:

— Моя победа в состязаниях станет лучшим доказательством моей избранности, тогда я смогу взять в жены хоть беса лысого. Если пожелаю. А мое мудрое правление в те три дня, что я просижу на престоле вашей страны, будет лучшим подарком раджу.

Чиновник разинул рот и машинально что-то чиркнул своим стилем. Киммериец не стал дожидаться, пока писака вникнет во все тонкости его аргументации, и прошел мимо стражников, не ставших ему препятствовать.

Он ожидал увидеть наконец раджу на троне, в окружении приближенных, но внутри синего шатра оказался еще один, желтый, совсем небольшой. Вокруг него на песке, поджав ноги, сидели те, кто явился докучать повелителю и просить его милости.

Появился давешний писарь, задернул входной полог и, проходя мимо присевших киммерийца и девушки, буркнул: "Вы последние". Заглядывая в дощечку, принялся выкл书记ать имена. Потянулось ожидание: два десятка мужчин и женщин побывали в желтом шатре, прежде чем очередь дошла до Конана.

Когда киммериец и его спутница вступили под золотистый полог, взглядам их предстала величественная картина. Посреди шатра возвышался помост, на котором в резном кресле восседал сам властитель Гадхары, длинноносый старик в пурпурной мантии, с золотым обручем на седых кудрях. Трон был искусно вырезан из белой кости, опоры его изображали

слоновьи ноги, поручни — хоботы этих животных. Лицо раджуба было уныло.

Перед возвышением застыли воины дворцовой гвардии: вооруженные до зубов пуджары с лохматыми бородами, в сине-желтых кафтанах, затянутых алыми кушаками. Их тюрбаны, высотой в пару локтей, напоминали крепостные башни, из складок материи торчали рукоятки кинжалов. Спереди на тюрбанах сверкали вырезанные из стали символы пуджаров: голова кобры и полумесяц, а сверху были нанизаны, как кольца на палец, острозаточенные чакры. Все воины, как один, в такт двигали челюстями: жевали амок — траву силы.

Придворные располагались на помосте стоя. По правую руку от раджуба Конан приметил невысокого широкоплечего мужчину с решительной складкой в уголках презрительно сжатого рта, в чалме из радужной ткани, заколотой зеленою брошью, и верзилу военачальника в красных сапогах, расшитом золотом кафтане и островерхом шлеме. По левую сторону неподвижно застыл бритоголовый жрец в простой черной тоге.

Единственной, кто сидел на помосте, помимо раджуба, была женщина, закутанная в небесно-голубое сари. Она примостилась на подушках возле подножия трона, лицо ее скрывала серебристая накидка.

— Нам сообщили, что ты желаешь стать Претендентом, млеччх, именующий себя Конаном, — надменно молвил человек в радужном головном уборе.

Киммериец только кивнул: ему не понравились ни слова, ни тон, которым они были произнесены. Что значит: "именующий себя..."? Вендиэц даже не слишком скрывает, что не верит в подлинность имени чужестранца. Поговорить бы с ним по-другому...

— Это твое право, — продолжал вельможа все так же высокомерно, — но ведомо ли тебе, что состязания трудны, и лишь достойнейшие их выигрывают?

Варвар снова наклонил голову.

— Не отговаривай его, Вегаван, — вдруг заговорил длинноносый раджуб скрипучим голосом, — у нас давно не было посторонних соискателей. Хоть какое-то разнообразие. Мы слышали, северянин, что ты желаешь взять в жены эту ануру?

— Да, государь, — не слишком любезно пробурчал Конан. — Хочу раскрасить ей лоб и вылить в огонь масло.

— Что ж, — потер сухие ладони повелитель Гадха-ры, — да снизойдет на тебя благодать Лакши! Думаю, лицо сей девицы под маской столь же прекрасно, как и ее тело. Но, так как ты не смог предъявить нам священный шнур дважды рожденного, у тебя есть только один способ даровать отверженной счастье: победить в состязаниях и занять на три дня престол. В ином случае, увы, мы будем вынуждены бросить вас крокодилам: тебя — за обман, ануру — за нарушение традиций. Принимаешь ли ты условия?

— Принимаю, ваше величество.

— Тогда не станем откладывать. Вазам Вегаван, начальник стражи Кашьяна и брахман Шамиак будут твоими соперниками.

Мужчина в тюрбане с зеленою брошью, верзила в островерхом шлеме и жрец в черной тоге поочередно поклонились, причем первые двое не скрывали насмешливых улыбок.

— Начнем с самого простого, — возгласил раджуб, — сейчас каждый из вас расскажет нам короткую историю, свидетельствующую о его глупости. Вас четверо, и тот, кто займет последнее место, то есть окажется полным дурнем, выиграет.

Варвар чуть не поперхнулся от неожиданности. Так вот о каком состязании он так и не узнал от дядюшки Пу! Обиделся старик, несмотря на всю свою мудрость, обиделся, как ребенок, когда Конан, думая, что на вендижку напало чудовище, сгоряча разрубил его

любимую ручную мохао. Кто ж знал, что рогатое создание с огромными черными крыльями — всего лишь безобидная гигантская бабочка, которую Ка просто собиралась покормить с руки! Теперь стали понятны и слова старейшины неприкасаемых, сказанные напоследок: "кто действует прежде, чем мыслит, легко одолеет первую ступень трона". Обидно, конечно, но если бы оказалось верно!

Конан отлично знал, что по части придумывания историй он совсем не мастак. Что ж, решил он, не будем отчаиваться, послушаем других, авось что-нибудь и придет в голову.

Первым слово взял брахман.

— Был я тогда всего лишь пандидом, — заговорил он, покачивая головой, словно не одобряя собственные слова, — имел дом и жену. Как-то жена моя уехала навестить родителей. Была темная ночь в месяце бхадон, и под ее покровом в дом забрался вор. Я проснулся от шума и хотел закричать, но потом вспомнил, что любые дела следует сверять с расположением звезд, а посему счел за благо промолчать. Вор подумал, что я сплю, и унес все, что было в доме.

Я дождался нового полнолуния. Помню, небо было чистое, луна светлая — самый что ни на есть благоприятный момент! Глянул на звезды и понял, что настала пора действовать. Вышел из дома и закричал во всю мочь: "Воры! Воры!" Соседи сбежались на помощь. В ту пору проходил мимо один человек с деньгами, его схватили и отвели к судье.

Судья меня спрашивает: "Ты узнал вора?"

Я не был уверен и не стал утверждать ничего определенного, ибо возводить напраслину на человека не позволяют ни Индра, ни Митра, ни остальные боги.

"Когда случилась кража?" — спрашивает снова судья.

"Восемь или десять дней назад", — отвечаю.

"Что же ты закричал только теперь?!"

"О судья, — отвечаю я ему, — звезды сказали мне, это — первая благоприятная ночь со временем кражи. А звездам виднее".

"Пошел вон, дурак!" — закричал тогда этот достойный человек.

И я пошел прочь, чтобы вскоре стать брахманом.

Раджуб лишь слегка улыбнулся и сделал знак говорить следующему.

Настал черед Кашьяны. Приосанясь, тысячник заговорил громко, словно повествуя о славном подвиге.

— Сидел я как-то на террасе и покуривал свою хукку. Вижу, едет верхом на коне афгул с тюками шерстяных одеял. Не люблю я афгулов (тут он покосился на костюм Конана), но все же остановил всадника и спросил, не продаст ли он лошадь.

"Продаю, — отвечает афгул, — но прошу дорого. Тысячу золотых".

"Беру!" — сказал я нахалу и велел ему привязать лошадь к коновязи.

Я отсчитал ему пятьсот золотых, а остальное обещал заплатить после. Афгул ушел продавать свои одеяла и вернулся через два дня. За это время я занял деньги у ростовщика под большие проценты и заплатил часть долга афгулу. — За мной оставалось сто монет, но взять их было хоть убей негде. Тогда я продал лошадь афгулу за сотню и отдал долг. Поступил как честный человек, но все вокруг почему-то называли меня глупцом...

— Этот анекдот я слышал от тебя на прошлой Хали-пудже, — нетерпеливо махнул рукой раджуб, — неужели нельзя было придумать что-нибудь новенькое? Считай, что на этом выбыл из борьбы. Твоя очередь, Вегаван.

— Помнишь ли ты, государь, как отправил меня искать достойных претендентов на роль

Одноногого Синга? — торжественно начал вазам. — Как повелел найти самого глупого человека в Гадхаре?

Я не смог исполнить твою волю, ибо все жители нашей страны настолько умны и сообразительны, что можно лишь диву даваться.

Встретил я, например, одного человека, ехавшего верхом на муле. На голове у него была привязана тяжелая ноша. Я осведомился, зачем он водрузил ее себе на макушку, на что тот ответил: "Чтобы мулу было легче".

"Вот сообразительный парень!" — решил я и отправился дальше.

Другой раздавал милостыню: все, что у него было, в честь рождения сына. От жены, с которой развелся. "Что ж, — заключил я, — и это разумно, не надо копить денег на содержание наследника".

Третий прибил себе руки гвоздями к крышке сундука: чтобы воры не унесли золото. Четвертый мочился в собственный колодец, чтобы воду не пили чужие...

— Хватит, хватит! — перебил раджуб. — Повезло мне с вазамом. Что скажешь о себе, млечх?

Конан уже понял, что проиграл, еще не вступив в состязания. Он готов был померяться силой и ловкостью хоть с демоном, хоть с десятком-другим воинственных пуджаров, готов был ловить руками хищных рыб-пираний или пройти без обуви по раскаленным углям, но придумать с ходу дурацкую историю... Нет, это выше его сил!

Хорошо, что за плечами добрый меч, за поясом кинжал, а грудь прикрывает зеркальная кольчуга клинхов: никто не сможет бросить его и девушку крокодилам. Во всяком случае, живыми.

Расставив пошире ноги, варвар исподлобья глянул на раджуба и мрачно изрек:

— У меня нет никакой истории. Но я могу сказать, кто здесь настоящий четвертый дурак.

Седые брови длинноносого поползли на лоб.

— Кто же?

— Ты, государь. Как еще назвать человека, который тратит время на поиски глупцов, вместо того, чтобы заниматься делом?

Стало тихо. Рука Кашьяны потянулась к рукояти сабли, вазам грозно прищурился...

Повелитель гадхарцев вдруг захотел не по-старчески громко, потом поднялся и объявил:

— Ты победил, млечх! Только человек, напрочь лишенный мозгов, может сказать подобное в лицо раджубу! А теперь поглядим, как ты умеешь ловить рыбу в мутной воде и отличать истинное от ложного.

ГЛАВА 12. Город Слона. Победа и поражение

естрая толпа опасливо жалась к стенам домов, окружавших площадь. Бритые жрецы в черных тогах сновали вдоль неровных шеренг, окропляя головы и плечи зрителей водой из украшенных дорогой инкрустацией рогов буйволов. Священный котел, стоявший на большой треноге на первой ступени лестницы, ведущей к храму Кали, почти опустел.

Посреди площади, с которой убрали шатры, высилась гора веток, присыпанная сверху рисовыми зернами. А на помосте, где три дня назад восседал раджуб Гадхары, поджав ногу и заложив за спину могучие руки, неподвижно застыл Одноногий Синг. Его синие глаза, устремленные вниз, горели неподдельным восторгом.

Посмотреть было на что. Вздымая тучи песка, вокруг помоста неслись сильные боевые

кони: пуджары демонстрировали искусство джигитовки.

Они скакали с копьями наперевес, сидя, свешиваясь и стоя в седле, подхватывали наконечниками разложенные кожаные мячи, поражали доспехи, надетые на колья, бросали копья в подвешенные кольца... Среди отряда носились молодые неоседланные лошади, выпущенные для "обучения примером".

В разных концах площади пешие пуджары под рокот мридангов исполняли обрядовые воинственные пляски своего клана, затем, прошептав краткую молитву над разложенным на чистых полотнах оружием, вступали в жаркие рукопашные схватки, и Конан готов был поклясться, что видит настоящую кровь, льющуюся из ран.

Солнце, давно перевалившее зенит, нещадно жгло спину. Он стоял на помосте с раннего утра, когда началось празднество, посвященное последнему дню Халипуджи, а значит — последнему дню его правления. Стоял, не прикасаясь к шесту, укрепленному рядом, и люди кричали ему восторженные слова, видя, как мужественно Одноногий Синг выдерживает испытание, сулившее обильный урожай и спокойную жизнь.

Впрочем, Конан готов был стоять хоть до вечера: ему нравилось наблюдать воинские игры гадхарских гвардейцев.

С самого утра толпа на площади была переполнена пуджарами. Всю первую половину дня они бродили среди веселящихся горожан, отдыхали в тени домов, тут же готовили пищу на кострах и пили бханг, напиток из терпких листьев травы амок. Они давали бханг своим коням и собакам, кони возбужденно ржали, рвали удила, а псы щерились друг на друга и норовили завязать драку.

Жрецы в черных тогах тем временем совершили свой ритуальный танец вокруг помоста, полили рисовую гору священной водой и принялись за публику. Для этой цели служили специальные метелки, которые служители Богини Смерти окунали в пустотельные, наполненные водой рога, а потом махали над головами толпы, брызгая на всех поровну. Киммериец прикинул, что подобным образом котел не опустеет до завтрашнего утра, но забыл обо всем, как только начались игрища рыцарей воинской смерти.

Когда колесница Индры поднялась высоко в небо, из боковой улицы появилась процессия гвардейцев. Впереди на слоне в раззолоченном паланкине ехал их начальник, доблестный Кашьяна. За ним в беспорядке скакали на опьяненных конях босоногие всадники, а следом валом валила толпа пеших пуджар, не ведавших, как видно, воинского строя. Мелькали сине-желтые кафтаны, бесчисленными вспышками блестели золоченые наконечники копий.

Воины, бывшие на площади, присоединились к своим товарищам, и началась игра со смертью: скачки и поединки, звон стали о сталь, боевые крики и сверкание летящих чакр, молниями прорезывающих плотные клубы пыли.

А над всем возвышался мрачный и величественный храм, и оттуда, незримая, глядела на это зрелище покровительница гадхарцев — девятирукая Хал и. Несколько раз почудилось Конану между острыми, как клыки, шпилями некое марево, но, может быть, просто дрожал знойный воздух над нагретой крышей. Во всяком случае, Богиня Смерти пока не препятствовала варвару в его предприятии. Надолго ли?

Все складывалось удачно, даже слишком удачно. Киммериец вспомнил, какое лицо было у Вегавана, когда тот увидел варвара с рыбиной в руках. Там, в черном шатре, под которым скрывался бассейн (сейчас он виднелся слева от помоста, освобожденный от матерчатого укрытия, с прозрачной чистой водой, в которой играли солнечные блики), киммериец,

прежде чем раздеться, достал из сумки подарок Тримры. Полип неярко светился внутри ореха за слюдяным оконцем. Держа в руке кинжал, Конан осторожно погрузился в темную воду, поводя необычным фонарем вправо-влево.

Сначала он ничего не увидел. Потом в мутных глубинах мелькнула быстрая тень и снова исчезла. Варвар поплыл наугад, готовый пронзить кинжалом первую же неосторожную тварь. Вдруг он вспомнил, что забыл спросить раджуба: следует ли извлечь рыбу целой и невредимой или это не оговорено правилами? Кажется, дурачок Синг появился из реки с живой закуской...

Он доплыл до стены бассейна и двинулся вдоль, отталкиваясь кулаком, сжимавшим рукоять кинжала. И увидел нечто, отчего чуть не расхохотался — только вода помешала. В углу, там где сходились каменные стенки, привязанный за хвост к железному крюку, печально шевелил плавниками здоровенный белобрюхий язь.

Так вот почему так морщил нос вазам, когда раджуб объявил, что млеччх отправится на рыбалку первым! Боялся, старый пройдоха, что варвар наткнется на его заготовку. Так и случилось.

Конан обрезал веревку, освободил хвост пленника дворцовых интриг и, сохранив рыбине жизнь, потащил наверх...

Вазам удалился в шатер, долго в нем пробыл, а когда вышел, завернутый в мокре полотно, объявил, что удача сегодня не на его стороне. При этом он кинул на северянина взгляд, не суливший ничего доброго.

Брахман Шамиак вообще отказался нырять, сославшись на неблагоприятное расположение звезд.

Раджуб, кажется, был доволен подобным исходом дела.

— Что ж, — молвил он, — и тут выиграл млеччх. Кажется, впервые за многие годы чужестранец имеет все шансы стать Одноногим Сингом. Но правила таковы, что, проиграв в одном соревновании, неудачник лишается всего. Сейчас отправляйтесь в Комнату Иллюзий, и кто из вас первым пройдет ее лабиринты, тот и воссядет на престол на время Халипуджи.

Конану подобные правила не казались справедливыми: выходит, в первых двух состязаниях можно было и проиграть. Однако на чужой пир, как известно, свои закуски не носят. Лабиринты так лабиринты.

Как могла скрываться хитрая сеть коридоров в относительно небольшом черном шатре, стоявшем по другую сторону матерчатого дворца, понять было трудно. Решив, что здесь не обошлось без колдовства, варвар нащупал в сумке глаз Хоочущего Демона и шагнул под темный полог — вслед за брахманом и вазамом.

И тут же отпрянул: прямо на него шел высокий черноволосый человек с торчащей над левым плечом рукоятью меча. Еще один Претендент и тоже млеччх? Откуда он взялся?!

Конан уже собирался толкнуть соперника в грудь, как вдруг понял, что видит свое отражение, хотя зеркала перед ним, похоже, не было. Фантом исчез, вокруг заплясали сполохи огненных бликов, земля поплыла под ногами, и справа вдруг открылся проход, в глубине которого тлел огонек факела. Варвар увидел, что находится в небольшом зальце со стеклянными или хрустальными стенами, которые медленно плыли, рождая в своих толщах грозные тени рогатых, многоруких чудовищ...

Рука киммерийца метнулась к рукояти меча, но он вспомнил, что не все видимое обладает плотью, которую можно разрубить, и вместо того, чтобы извлечь из ножен клинок, приложил к глазам хрустальное яйцо, вырванное из тела Хоочущего Демона.

Открывшееся зрелище было довольно жалким. Конан увидел замысловатую систему линз и зеркал и двух потных служителей, которые, стоя в центре шатра, вращали ручки, поворачивая все это хозяйство в нужном направлении. Пяток актеров в страшных масках приплясывали и размахивали руками, изображая чудовищ. Между зеркалами, линзами и поворачивающимися медными щитами раскачивались подвесы с тяжелыми кожаными мешками на концах, призванные, очевидно, сбивать с ног незадачливых соискателей трона. Присутствовало и колдовство (потому-то глаз демона и развеял весь морок), но колдовство слабенькое, ярмарочное, достойное бродячих факиров. Чары напускал тощий человечек в несвежей набедренной повязке и сером тюрбане, сидевший, поджав ноги, возле медного кувшина, над горлышком которого полыхал синий огонь.

На том месте, где только что виднелся проход, обнаружился глухой медный щит: если бы варвар свернул в этом направлении, он мог бы набить изрядную шишку. Во всяком случае, звон пошел бы не слабый — на потеху соперникам.

Соперников Конан тоже разглядел сквозь кристалл. Брахман вовсе не думал никуда двигаться, сидел спокойно недалеко от входа и перебирал четки. Вегаван же уверенно двигался между зеркал и медных щитов, шевеля губами: считал шаги. Очевидно, знал тайный код, помогающий сворачивать в настоящие проходы.

Выглядел вазам весьма потешно. Сделав пяток шагов в одном направлении, он вдруг застыпал, таращился по сторонам, прыгал в сторону, когда поворачивался медный щит, открывая дорогу, потом пятился, загибая пальцы, приседал, пропуская над головой раскаивающийся подвес с тяжелым мешком на конце, иногда становился на четвереньки, иногда даже полз — все ближе и ближе к выходу.

Поняв, что зря теряет драгоценное время, Конан уверенно зашагал посреди нелепой кутерьмы, поглядывая по сторонам сквозь глаз убитого монстра. Он сворачивал туда, где были настоящие проходы, вовремя уворачивался от летающих мешков, а, поравнявшись с актерами в масках, отвесил одному из них добрый пинок пониже спины. Актер взвыл и кинулся колотить своего товарища, думая, что тот решил сыграть с ним злую шутку.

Эта небольшая задержка чуть было не стала роковой для киммерийца. Он уже миновал цецгр шатра, но Вегаван, опередивший его с самого начала, был в пяти шагах от выхода. Ему оставалось миновать всего один щит, и тогда...

Что будет, если вазам выйдет из шатра победителем, Конан подумать не успел. Вегаван повернулся, уверенно шагнул вперед и... ударился лбом в медную поверхность, вызвав звон и гул, подобный удару колокола.

— Прахтаматеша! — возопил советник, шаря перед собой руками. — Куда вертите, шакальи дети! Все пойдете на корм крокодилам!

Служители, вращавшие рукоятки, в ужасе застыли. Конан прекрасно видел, что никакой ошибки с их стороны не было: всему виной оказался луч голубоватого света, исходивший от магического огня, тлевшего над кувшином тощего чародея. Отражаясь от сложной системы зеркал, проходя сквозь линзы, именно он порождал фантасмагорию, призванную сбить Претендентов с толку. И Вегаван вовсе не сбился со счета. Просто расстегнулся у киммерийца ворот афгульской рубахи, и луч, отразившись от кольчуги, подаренной Абрассаном, изменил направление и показал совсем не то, на что рассчитывал хитроумный советник. Не то и не там.

Не отрывая руки от медной поверхности, Вегаван нажал посильнее, и щит стал медленно поворачиваться, открывая проход. Еще немного, и выход окажется свободен...

Киммериец рванулся вперед, уже понимая, что не успеет, что советник опередил-таки и выиграл последнее состязание... И тут кожаный мешок, опустившийся из темноты, саданул Вегавана в голову и бросил советника на землю.

Удар пришелся в левую скулу — когда вазам, постанывая, выбрался наружу, вся левая половина его лица затекла и стала багровой, как перезревший помидор. Следом появился брахман. Оба поклонились Конану, принимавшему тем временем поздравления раджуба: Шамиак бесстрастно, советник — едва сдерживая гнев.

А потом матерчатые стены упали, и начался праздник в честь Одноногого Синга — в его честь.

Облаченный в мантию и корону Конан проплыл над морем голов, стоя в золотом паланкине на спине слона, под сине-желтым широким зонтом, символом власти раджубов Гадхары. Народ ликовал, вельможи толпой следовали за своим временным повелителем, воины размахивали саблями и испускали громкие вопли.

Так продолжалось до вечера, пока слон не обошел все улицы города. На окраине несколько человек бросились под ноги гиганта и погибли, раздавленные его тяжестью. Киммериец слыхал о странных обетах, даваемых вендишами, но видеть их исполнение было не слишком приятно.

Когда сумерки опустились на столицу Гадхары, среди толпы появились люди-лампы, живые подставки, на головах которых ослепительно сияли карбидные огни. Многоэтажные нарядные светильники украшали многочисленные подвески, звенящие, как сотни маленьких колокольчиков; белоснежные факелы ярко освещали все вокруг.

Озаренная их светом нарядная толпа медленно перетекала из улицы в улицу, от дома к дому — на стенах плясали разноцветные огоньки бумажных фонариков, а ветви деревьев светились на фоне черного неба оцепеневшими брызгами огромных фонтанов.

Это несколько однообразное действие настолько утомило киммерийца, что, оказавшись во дворце, в покоях раджуба, хозяином которых он стал на три дня Халипуджи, варвар, едва успев раздеться, повалился на широкое ложе и погрузился в глубокий сон.

А ночью случилось происшествие, до сих пор не дававшее покоя своей загадочностью.

Он не видел Ка Фрей с того времени, когда старый раджуб объявил "млеччха, именующего себя Конан" временным правителем Гадхары. Увел ее тысячиник Кашьяна, а раджуб объяснил, что в том случае, если чужестранец желает сочетаться с гадхаркой браком согласно собственным обычаям, это не может произойти ранее, чем Конан перестанет быть Одноногим Сингом.

— Три дня Халипуджи ты не принадлежишь себе, — сказал длинноносый, — потом можешь делать, что хочешь. Своей победой ты доказал, что достоин именоваться дваждырожденным, и, объявив анупру своей женой, ты подаришь ей свободу. Пока же ее отведут во дворец, ибо она принадлежит тебе, но девица останется анупрай, пока не завершится Калипуджа, и снимет маску не ранее этого срока.

И вот, первой ночью своего временного царствования, киммериец проснулся от легкого прикосновения и, открыв глаза, увидел в колеблющемся свете лампы склонившееся лицо Ка Фрей, необычно бледное и холодное.

На длинных пальцах, лежавших на его обнаженной груди, поблескивали серебряные сердечки, скрепленные бисерными нитями с агатовым полумесяцем на тыльной стороне ладони, а тот, в свою очередь, крепился двумя тонкими цепочками к золотому браслету на тонком запястье.

Киммериец перевел взгляд на гибкий стан девушки, едва прикрытый полупрозрачной накидкой, и заметил под тонкой тканью сверкающий алыми и зелеными искрами набедренный пояс с подвесками в виде бубенчиков и петель, спускавшихся с левого бока, на точеной шее — алмазное ожерелье и шнур с золотыми розетками в густых волосах...

— Украшения клинхов прекрасны, — пробормотал он, — ты — словно дивное видение, посланное Сомой...

— Еще не проснулся, кшатрий?

Конан не узнал голоса вендики: говорила она плавно и слова выговаривала правильно и красиво.

— Кто такие клинхи?

— Уже забыла песьеголовых?

— Ах, эти... — Дивное видение презрительно скривило губки. — Послушай, млеччх, я не знаю, почему ты решил, что мои драгоценности из Дангуна. Гадхарцы не имеют никаких дел с презренными потомками трехголового чудовища. Между нами нет взаимопонимания, хотя мы и готовы к диалогу. Но я пришла не за тем, чтобы обсуждать политические проблемы. Я пришла, чтобы молить тебя отдать мне Плод Желаний.

— Ба! — изумился варвар. — Зачем он тебе вдруг понадобился?

— Чтобы спасти моего отца.

— А что с ним?

— Он может умереть.

— Ты раньше не говорила, что твой отец болен.

— Раньше?! Когда это "раньше", хотела бы я знать?

— Ну, хотя бы на том косогоре... Момент для просьбы был поудачней.

Девушка немного помедлила, словно собираясь с мыслями.

— Мне непонятны твои слова, кшатрий, — сказала она наконец, — ты устал после состязаний, разум твой затуманен усилиями, приложенными для достижения победы. Но у меня нет времени ждать, я предлагаю в обмен на Золотой Орех самое дорогое, что у меня есть...

— Что же?

— Я позволю тебе сорвать прекрасный цветок, которого не касался еще ни один мужчина!

Тут Конан окончательно уверился, что спит и видит сон. Полнолуние все-таки, в такие ночи мало ли чего может привидеться...

— Сдается мне, — сказал он, прикрывая глаза, — что в прошлый раз ты называла это "пещерой наслаждений". И пусть я стану бородатым отшельником, если уже не вошел в нее однажды...

Она так толкнула его в грудь, что варвар мигом сел на постели.

— Презренный! — вскричала девушка, отступая вглубь комнаты. — Ты оскорбляешь меня!

— Хватит! — Киммерийцу уже надоело это представление. — Ступай к себе и надень маску. Если кто-нибудь увидит, что анубра шастает по дворцу без дозволения, ее, думаю, просто высекут.

Женская фигурка метнулась к двери, и он услышал слова, полные ненависти:

— Я отомщу тебе за унижение, ничтожный млеччх!

— К твоим услугам, — пробормотал Конан, откидываясь на подушки. — Когда ты снова

мне приснишься...

Он почти забыл о своем странном видении за следующие два дня, наполненных приятными государственными заботами. Заботы сводились к рассылке людей, собиравшихся, согласно обычаю, подати для Одноногого Синга. Горы мешков, штабели сундуков и ящиков громоздились во дворе золотого дворца; беспрерывной чередой шли навьюченные лошади и ослы, буйволы тянули тяжелые повозки, полные добра: гадхарцы приносили дань, долженствующую обеспечить им благоволение богов и процветание — до следующей Халипуджи. Находились, впрочем, такие, кто более полагался на острые клинки пуджаров и втайне надеялся, что млеччх не выстоит целый день на одной ноге и добро вернется к своим хозяевам; но эти помалкивали.

Пред очи Конана являлись вельможи с доносами друг на друга — он гнал их прочь. Приходили тяжущиеся — он предлагал каждому решить дело в честном поединке. Какие-то женщины с раскрашенными лбами и полными животами умоляли разрешить им повсюду следовать за любезным героем и клялись целовать следы его божественных ног — варвар только смеялся. Разве не сможет он теперь купить столько женских ласк, сколько пожелает? Зачем ему свита фанатичных привержениц, которые к тому же взвоют, как только покинут свои теплые края?

Он не видел девушку все это время и вспомнил о ней только теперь, стоя на помосте под палящим солнцем. Может быть, Ка Фрей действительно приходила к нему той ночью? Шутка? Или все-таки сон?

Воспоминание тревожило киммерийца, и смутное ощущение надвигающейся беды постепенно нарастало в его душе. Солнце светило все так же ярко, пуджары выделывали свои штуки, радующие глаз бывалого воина, жрецы, зачерпывая воду, уже шаркали рогами по дну котла. Церемония подходила к концу, а вместе с ней близилось и освобождение: наконец он сможет покинуть уже порядком надоевший Город Слона и отправиться, куда пожелает. Он снимет с ануны маску и возьмет ее с собой, пусть будет его спутницей, пока пожелает. Когда они достигнут Айодхьи, он поделится с вендией своими богатствами, в конце концов, в том, что они ему достались, есть и ее заслуга. Еще немного...

Но чувство опасности все нарастало, словно темная сила, таящаяся в храме на рыжем холме, решила наконец явить свою силу. Там, за черными стенами, возникало и ширилось, как грозовое облако, нечто...

И беда пришла — в облике Вегавана на взмыленной лошади. Вазам пронесся по площади, словно самум по барханам пустыни: взметая тучи песка и сбивая зазевавшихся. Разом осадили своих коней пуджары, опустили сабли, застыли, в ожидании глядя на сановника.

Натянув поводья, вазам поднялся в стременах и прокричал так, что услышали, должно быть, нищие за городскими воротами:

— Люди! Гадхарцы! Страшная весть!

Замерли жрецы, замерла толпа, теснившаяся вдоль стен.

— Наш раджуб мертв!

"Мертв... раджуб умер..." — прошелестело над площадью.

Вазам выхватил саблю, взмахнул над головой.

— Раджуб Гадхары скончался, — снова закричал он, — и убил его млеччх!

Сверкнувшим на солнце клинком Вегаван указал на помост.

ГЛАВА 13. Храм. Взгляд Кобры

T

ы убил раджуба. Ты убил слона пуджаров. Ты достоин смерти. — Лжешь... знаешь, что лжешь...

— Да, лгу. На самом деле и раджуб, и слон просто спят. Я дал повелителю напиток Сомы, а ты усыпал животное. Но это все равно. Все считают тебя убийцей. И ты не выдержал испытания...

— Это твоя месть, вазам?

— Я выше мести. Мною движут высокие побуждения. Тебе не понять их, варвар.

— Твои высокие побуждения — просто жажда власти. Чувство, знакомое даже обезьяне.

— Пытаяешься меня оскорбить? Это нехорошо с твоей стороны. Я все-таки сохранил тебе жизнь... Пока!

Пот заливал глаза киммерийца. Он едва различал своего собеседника. Вегаван, облаченный в длинное фиолетовое одеяние с шафранной каймой, стоял посреди каменного круга, поставив одну ногу на красный треугольный выступ. Пылали огни в медных чашах на высоких треногах. Жара, сернистый запах и мрак, покрывавший все за спиной сановника.

В его последних словах была правда. Если бы вазам не приказал пуджарам остановиться, воины изрубили бы варвара на куски. И не спасла бы кольчуга клинков, а ударов парировать он не мог, скованный ядом Бледной Лягушки.

— Ты знаешь, почему моя нога коснулась помоста. Если бы я не усыпал слона, он убил бы гораздо больше народа.

Конан вспомнил, как металось по площади взбесившееся животное, как бежали от него люди, как падали и, раздавленные огромными ногами, заливали белый песок алой кровью. Еще недавно смирно стоявший исполин, на котором торжественно въехал на площадь начальник гвардии, вдруг превратился в настоящего демона смерти...

— Что ты сделал со слоном, вазам?

— Овод, всего лишь маленький овод, запущенный в ухо по моему приказу. Но ты плохо осведомлен о наших обычаях: погибнуть под ногами священного слона пуджаров — великая честь...

— Может быть, для воинов и фанатиков. Но не для детей, которым еще не успели заморочить головы.

...Они стояли на краю площади: три мальчика и девочка, оцепеневшие от ужаса. Никого не было рядом, взрослые разбежались, спасая свои жизни. Видимо, мало кто почитал за честь погибнуть под мечущейся серой тушей. Подняв хобот и выпятив нижнюю розовую губу, слон несся прямо на детей...

— Отдаю должное твоей ловкости, северянин. Признаюсь, рассчитывал, что предпримешь что-либо, опасаясь погибнуть, но не думал, что варвар станет спасать каких-то там ребятишек. И все же еще раз прими поздравления: твой стремительный маневр увенчался полным успехом. Не знаю, откуда взялась в твоей сумке Бледная Лягушка, но бросил ты ее точно в пасть животному. Настоящий герой, дважды сам был на волосок от смерти: слон, падая, чуть было тебя не раздавил, а я задержал сабли пуджаров в пяди от твоей головы.

В голосе Вегавана звучала откровенная насмешка.

— Зачем? Разве ты не желал моей гибели? Яд сковал мои члены, я сам стал беспомощен, как ребенок. Проявил слабость и был наказан...

— Ты прав: забота о жизни ничтожных недостойна настоящего воина. Воин призван убивать, а не спасать. Благополучие же подданных — дело правителей. Мудрые правители пекутся о величии государства, тем самым даря благополучие всем, не думая о каждом в отдельности.

— И ты относишь себя к сим мудрецам?

— Да и еще раз да! Все средства хороши, чтобы избавить трон от ничтожного старика, просиживающего свой зад вместо того, чтобы совершать великие деяния! Я уже говорил, что следуя возвышенным побуждениям, а потому ты не нужен мне мертвым. Более того, я хочу тебе кое-что предложить.

— И для этого затащил меня в преисподнюю и подвесил, словно баранью тушу?

Ноги Конана не касались земли. Плечи горели огнем: он висел на ремнях, пропущенных сквозь надрезы в его собственной коже. Руки варвара были связаны за спиной.

— Я поступил по закону, — криво улыбнулся вазам, — ты ведь коснулся ногой помоста, а значит, должен предстать перед Кали. Или не предстать, это уж как мы договоримся.

— Чего ты хочешь?

— Хочу предложить честный обмен. Я дам тебе все, что только пожелаешь — золото, власть, женщин — а ты подаришь мне Золотой Орех, который лежит в твоей сумке.

Варвар опустил глаза и сквозь заливавший их пот разглядел на своем поясе сумку. Больше на его теле, если не считать кровоподтеков и синяков, ничего не было.

— Почему ты не взял его сам, — прохрипел он, — как все остальное?

— У тебя была всего лишь одна вещь, пришедшаяся мне по вкусу, млечех!

С этими словами Вегаван распахнул полы своей одежды, и Конан увидел кольчугу клинхов, прикрывающую грудь вазама.

— Отличная вещь, — сказал тот, нежно поглаживая пальцами зеркальную поверхность, — легкая и прочная. Когда я завоюю Дангун, заставлю песьеголовых одеть в такую броню все мое войско.

— И для этого тебе нужен Плод Желаний?

Сановник гордо выпрямился.

— Неужели ты думаешь, что гадхарцы не способны одолеть каких-то полусобак без помощи чар? Ты видел пуджа-ров, они способны победить любого врага. Хочешь, я сделаю тебя их начальником? Кашьяна глуп и мало на что годен. Соглашайся, северянин, я видел, как блестели твои синие глаза, когда ты наблюдал за воинскими забавами гвардейцев! Взамен прошу немного — всего лишь орех, который тебе ни к чему, ибо он исполняет желания только с дозволения Хали, а Богиня Смерти на моей стороне.

— Так подойди и возьми, — зло бросил варвар, — ты победитель...

— Я не могу взять его против твоей воли, — покачал головой Вегаван, — ты сорвал его, будучи Хранителем, и лишь тот, кому ты вручишь плод по своему желанию, сможет им воспользоваться.

— А если откажусь?

— Тогда с тобой будет говорить она!

Сановник сделал величественный жест, и за его спиной возник тусклый багровый свет. Он становился все ярче, отбрасывая назад клочья мрака, и там, куда падали зловещие сполохи, явилась огромная многорукая фигура. Ее неясные очертания увенчивал огромный череп, в пустых глазницах которого, словно в глубинах звездного неба, холодно светили голубые искры. Между ощеренных зубов свисал длинный, разрезанный на множество полос,

ярко-алый язык.

Возле подножия статуи пылали светильники и стояли люди в черных тогах. Сбоку возвышалась витая колонна, наверху, на круглой площадке, молча застыл со скрещенными на груди руками брахман Шамиак.

И еще одну фигурку заметил Конан: то была женщина в темном сари и серебристой накидке, прикрывавшей ее густые волосы. Когда она откинула шаль, варвар застонал от удивления. Перед ним, бесстрастная и надменная, стояла Ка Фрей.

— Ты-ы... — выдохнул киммериец, — ты заманила меня в эту ловушку, проклятая ануправа!

Женщина гордо вскинула голову.

— Не знаю, о чём ты говоришь, млечхх. Я — Астрель, дочь раджуба Гадхары. Слушай меня, кшатрий: жизнь моего отца может спасти только Золотой Плод! Отдай его нам, отдай по собственной воле, и благодарная память о тебе навсегда поселится в сердцах гадхарцев...

Конан чувствовал, что сходит с ума. Может быть, вендийка решила разыграть эту сцену, чтобы прийти ему на помощь? Но никто из присутствующих не проявляет беспокойства, значит, облик этой женщины им знаком...

— Я не верю ни единому слову, — прохрипел варвар, — все вы лжете! Ты уже приходила ко мне однажды ночью, но я думал, что это сон. Помнится, тогда ты предлагала за орех нечто весьма ценное...

— Молчи! — взвизгнула женщина.

— Ах вот как, — раздался под темными сводами холодный голос вазама. — Значит, ты поторопилась, Астрель? Готова была меня предать? Чего же стоят твои клятвы!

— Клятвы?! — Дочь раджуба в ярости топнула маленькой ногой. — Неужели ты мог поверить, что я отдаю свое сердце такому человеку, как ты? Я использовала тебя, глупец! Ты умер бы на второй день после того, как получил трон!

— Твой язык сослужил тебе плохую службу, — все так же холодно сказал Вегаван. — Так кто из нас глуп? Уведите отсюда эту недостойную, мы поговорим с нею после.

Несколько жрецов бросились к вендийке и схватили ее за руки. Женщина шипела и отбивалась, как разъяренная кошка, но не в силах была одолеть силу мужчин — ее увела куда-то в темноту, и вскоре крики и шум борьбы стихли, уступив место зловещей тишине.

— Она сказала правду, — негромко молвил вазам, — раджуба Гадхары может спасти только Золотой Орех. С его помощью я верну старика к жизни, предварительно потребовав от Совета старейшин передать мне власть. И тогда буду волен исполнить любое твое желание. Ты отдашь мне плод?

— Нет!

Вегаван обернулся и сделал знак брахману. Шамиак воздел руки, и Конан услышал знакомые уже слова древнего заклятия: "Kru singh omm-olu! Omm-olu Kru singh!" И еще что-то кричал жрец, взмахивая широкими рукавами, а остальные тянули низкий зловещий звук, наполнявший душу смертной тоской, проникавший до самого сердца, которое едва трепетало, готовое вот-вот прекратить биение жизни... В висках киммерийца стучали тысячи наковален, перед глазами плыли багровые полосы, и сквозь их мутное течение он увидел, как меняются очертания Богини Смерти. На месте безглазого черепа возникла змеинная голова с широким воротником — голова кобры. Призрачная и неясная, она словно накладывалась на крепкий, вытесанный из камня череп, словно появлялась из темных провалов его глазниц, рождаясь из пустоты, скрытой за голубымиискрами. И там, где у

обычной змеи бывают глаза, холодными иглами возникал новый свет, готовый пронзить ледяным холодом небытия...

"Соглашайся! — гремело под черепом варвара. — Одно слово, и ты спасен!"

"Нет! — его мысли неслись навстречу ледяным иглам. — Ты не заставишь меня подчиниться своей воле! Во имя Крома, во имя всех, кого я принес тебе в жертву, уди!"

"Тогда уйдем вместе, — грохотал беззвучный голос, — в моих объятиях ты познаешь страсть, которую не способна подарить ни одна земная женщина!"

Он ощутил холодное прикосновение к своей груди и понял, что еще миг — и возврата не будет.

Тогда варвар решился.

— Вегаван, — выдавил он слова позора, — я согласен, ублюдок!

Неясное лицо возникло рядом, и Конан почувствовал, что его руки свободны.

— Достань Плод!

Непослушными пальцами он нащупал Золотой Орех. Ледяные иглы отодвинулись, но не исчезли.

— Молодец, млечех, теперь отдай его мне! Торжествующая улыбка плавала в багровой мутни, как рыба... Та рыба, которую вазам не мог простить....

"Ты проиграл тогда, глупец, — сказал Конан. Не сказал — помыслил. — Проиграл тогда и проиграешь сейчас".

Напрягая мускулы так, словно поднимал чугунное ядро арбаллисты, он поднес орех к губам, сунул в рот и изо всех сил сжал зубами. Золотистая кожура неожиданно легко лопнула, и плод кальпаврикпиш мгновенно истаял, наполнив измученное тело жаркой спасительной волной...

— А-а-а! — Вопль Вегавана полоснул, словно острая сталь. — Ты умрешь, несчастный!

Выхватив из складок одежды тонкий стилет, вазам шагнул к пленнику.

— Сначала ты отправишься к Нергалу! — взревел варвар, ощущая в легких былую силу. — Ступай прямиком к нему в задницу, падаль!

Глухой рокот родился где-то в недрах земли. Круглая плита под ногами вазама треснула, из щели полыхнуло жаркое пламя, края провала разошлись, и Вегаван канул в гудящую бездну.

В тот же миг с оглушительным грохотом лопнул каменный череп Хали. Тяжелый осколок угодил киммерийцу в лоб, и варвар уже не видел, как ступили под мрачные своды две женщины: старуха с бездонными, словно лесные озера, глазами, и молодая девушка с чистым и ясным лицом.

* * *

— Одно меня радует, — сказал Конан, — колдовство здесь ни при чем, и я не сошел с ума. Хотя готов был в это поверить, когда увидел Ка Фрей там, в храме Хали. Вернее тебя, Астрель.

— Они так похожи, что их путала даже мать, — Вичитравирья слегка улыбнулась сухими губами, — хотя по сути совершенно разные.

Они беседовали, стоя на речном берегу, залитом ярким полуденным солнцем. Возле ног старой колдуньи крутились несколько обезьян — под приглядом матерого вожака с

кустистыми бровями, над которыми алели две огромные бородавки.

Киммериец уже знал историю близняшек. Обе они были дочерьми раджуба Гадхары, но Ка Фрей отлучили от семьи еще в младенчестве, ибо, согласно древней традиции, рождение двойников считалось величайшим злом и позором. Даже отец не ведал, что у него две дочери: вскоре после родов мать уложила девочку в плетеную корзину, отнесла к реке и пустила на волю течения.

— Якши принесли ко мне ребенка, — рассказывала Вичитравирья, пока врачевала раны на плечах Конана, — а я отдала девочку в Аккасар, старому философи Пу. Не насовсем, конечно. Когда Ка подросла, она стала часто бывать у меня в лесном гроте и, смею надеяться, я кое-чему ее научила.

— Притворяться, например, — проворчал варвар.

— Что ж, и это полезный навык. Как видишь, он пригодился, чтобы расстроить коварные планы Вегавана. И планы негодницы Астрель, замыслившей занять место отца, чтобы развязать войну с клинхами.

Сейчас, готовясь к отплытию, Конан снова задался вопросом: знала ли колдунья наперед все, что должно произойти? Не таились ли за ее действиями неведомые умыслы? Почему жрица Сомы столь спокойно явилась в храм Богини Смерти, и жрецы по ее приказу освободили его и отпустили восвояси? Значит, Бог Луны вовсе не такой непримиримый враг Девятиркой?

Он спрашивал о том Вичитравирью, но получил уклончивый ответ.

— Там, наверху, — сказала старуха, — не существует добра и зла. И хотя небожители зачастую враждуют между собой, их борьба — всего лишь мимолетные вихри, возникающие на спокойной глади Вечности.

Стоя в лодке и вспоминая эти слова колдуньи, Конан решил, что эти мудреные вещи теперь мало его касаются.

— Ладно, — сказал он, беря в руки бамбуковый шест, — все кончилось к общему удовольствию. Ка Фрей теперь станет именоваться Астрелью, и старый раджуб так никогда и не узнает, что та, кто займет со временем престол Гадхары, когда-то была всего лишь анупрай. Настоящая же

Астрель, кажется, тоже смирилась со своей участью и готова носить маску, пока ты, Вичитравирья, будешь одаривать ее своими мудрыми наставлениями. Клинхи получили Моррокан, и могут не опасаться войны с гадхарцами. Только я остался ни при чем. Подати Одноногого Синга отобрали, так как я не выдержал испытания и коснулся-таки ногой помоста. Плод Желания съеден. Даже отличная кольчуга песьеголовых канула в Нижний Мир вместе с вазамом...

— Не стоит отчаиваться, — мягко прервала его старая волшебница, — возможно, ты получил то, что ценнее всего для смертного.

— Это что же?

— Ты выдержал Взгляд Кобры, а вендийцы считают, что тот, на кого Богиня Смерти обращает свой взор, либо умирает на месте, либо живет очень долго. Что же касается Плода Желаний, то у тебя в запасе еще шесть дней чтобы испытать его силу. В Айодхье тоже есть храм Хали, отправляйся туда и пожелай, что захочешь. Или — что захочет Деви Жазмина.

Лицо варвара удивленно вытянулось.

— Я, кажется, уже отправил с помощью ореха одного ублюдка в лапы Нергала...

— Может, и так, — улыбнулась колдунья, — а может, и нет. Видишь ли, Ка Фрей вместе

с другими анурами часто прислуживала в храме, жрецы же не считают неприкасаемых за людей и не делают от них секретов. Так что Ка хорошо знала, за какой рычаг дернуть, чтобы открыть люк, в который служители Девятирюкой сбрасывают свои жертвы.

Только на середине реки Конан понял, что ничего не сказал женщинам на прощание. Налегая на весла, он видел на берегу три маленькие фигурки: Вичитравирья, окруженнная своими обезьянами, шла к лесу, за ней, понуря голову в уродливой маске, брела Астрель.

Ка Фрей стояла у кромки спокойной воды и махала варвару узкой ладошкой.

WWW.CIMMERIA.RU